

15282.

ТХ, 966.

Гимназіж

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

Годъ V

Ноябрь LIX 1892 LX Декабрь

Содержаніе

1. В. Аппельротъ, Москва. Зевсъ въ міѳологіи и искусствѣ.
2. Н. Кузнецовъ, Ставрополь. Характеристика Сократа.
3. Г. Фишеръ, Москва. Склоненіе слова *ѣхр* весна.
4. С. Воскресенскій, Кіевъ. Грамматическіе вопросы.
5. Ѳ. Штифтаръ, Калуга. Замятка о школьномъ дѣлѣ заграничныхъ славянъ.
6. С. Николаевъ, Воронежъ. Греческій языкъ въ англійскихъ гимназіяхъ.
7. Его-же. Ученое путешествіе баденскихъ филологовъ въ Грецію.
8. Критика 1) И. Виноградовъ, Вязьма. Школьный методъ и его отношеніе къ исторіи, С. Ламовицкаго.
2) М. Преображенскій, Полагенъ. Правила ударенія въ русск. яз., А. Ельсина.
9. Е. Гомеровъ, Бѣла. Любовь къ злу.
10. А. Пр—овъ, Тифлисъ. Библиогр. замятка.

Приложенія

11. J. Sprangenbergius. Война въ лат. грамматикѣ. Пер. съ лат. Д. Ячевецкій.
12. Гомеръ. Иліада. П. I. — Одиссея. П. I. — Гимнъ Аполлону. Перев. Г. Ячевецкаго.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырна.** М. Лисицынъ (прог.).
Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
Болградъ. К. Гертеръ (прог.).
— А. Кондрацкій (г.).
Борисоглѣбскъ. Б. Гедрихъ (прог.).
— Л. Горкевичъ.
Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
— Р. Киричинскій (гимн.).
Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
Варшава. Л. Демченко.
— І. Канскій (дир. гимн.).
Вильно. Ф. Моношко (ж. г.).
Воронезъ. С. Николаевъ (гимн.).
Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
Владикавказъ. С. Боршевскій (г.).
Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
Гомель. М. Окнишевичъ (прог.).
Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
Елисаветградъ. Л. Коссовскій (ж. г.).
— Н. Марковъ (р. уч.).
— В. Рклицкій (р. уч.).
Замостье. Е. Киричинскій (прог.).
Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
Казань. В. Латгшевъ.
— Д. Нагуевскій (проф. ун.).
Калуга. О. Штифтартъ (гимн.).
Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
Нарачевъ. А. Лещинскій (уч. сем.).
Кіевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
— С. Воскресенскій (гимн.).
— И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
— А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
Коломна. Е. Крыловъ (г.).
Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
Курскъ. М. Буклинъ (гимн.).
Либава. В. Зайцъ (р. уч.).
Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
Митава. С. Рожанковскій (дир. гимн.).
Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
Москва. В. Ашпельротъ (гимн.).
— Л. Поливановъ (дир. гимн.).
— И. Семеновъ.
— Г. Фишеръ (гимн.).
— В. Шенрокъ (гимн.).
Новгородъ. И. Можайской (инсп. н. уч.).
Н.-Новгородъ. А. Кролюницкій (гимн.).
— И. Шенрокъ (гимн.).
Новочеркасскъ. И. Автократовъ (гимн.).
— И. Шамонинъ (р. уч.).
Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
— И. Успенскій (уч. с.).
Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
Одесса. П. Браккенгеймеръ (гимн.).
— А. Григорьевъ (прог.).
— П. Ладновъ (прог.).
Одесса. М. Попруженко (пр.-д. ун.).
— А. Флеровъ (г.).
Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
Полангенъ. М. Преображенскій (прог.).
Полтава. М. Андрияшевъ (гимн.).
Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
— Н. Добронравинъ (г.).
— В. Жемчужинъ (р. уч.).
— Н. Кораблевъ (гимн.).
— А. Миллеръ (ж. г.).
— П. Пользинскій (г.).
— А. Реде (ж. г.).
— М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
— Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
— Г. Янчевецкій (дир. г.).
Рига. Свящ. А. Аристовъ.
— И. Желтовъ (б. уч. г.).
— М. Крыгинъ (г.).
— С. Шарова (ж. г.).
Рыбинскъ. Н. Веригинъ (гимн.).
Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
— М. Дроздовъ (дух. сем.).
— Г. Лобовиковъ (р. уч.).
С.-Петербургъ. М. Андреевнъ (гимн.).
— С. Гинтовъ (г.).
— А. Желобовскій (г.).
— И. Кириановичъ (г.).
— Д. Лебедевъ.
— М. Лянченко.
— В. Межовъ.
— А. Маленинъ.
— М. Нагорскій (г.).
— Н. Невзоровъ (г.).
— А. Образцовъ (г.).
— Н. Розовъ (г.).
— Н. Санчурскій (г.).
— А. Филоновъ (б. дир. г.).
— Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
— Д. Янчевецкій.
Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
Стародубъ. Е. Курчинскій (дух. уч.).
Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
— А. Приселковъ (гимн.).
Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
Урютино. Н. Чекановъ (р. уч.).
Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
Харьковъ. А. Маларенко.
Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
Хортица. А. Нейфельдъ (центр. уч.).
Царское-село. С. Цыбульскій (гимн.).
Черниговъ. Я. Мищенко (гимн.).
— А. Тиховъ (гимн.).
Зриванъ. В. Романовскій (гимн.).
Феодосія. И. Бутовъ (уч. инст.).
— А. Солонкио (гимн.).

Г И Ж И Ё З И А

ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ V

LIX—LX

1892

11—12

Ревель

Печатня Г. Матизена. Никольская ул., д. № 23.

1892

Дозволено цензурою. — Ревель, 23 Декабря 1892 г.

Содержаніе

ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ“

за 1892 годъ

(кн. XLIX—LX)

I. Общая педагогія.

	Кн.
Е. Гомеровъ. Нравственная цѣлостность	XLIX.
С. Николаевъ. Реформа Виртембергскихъ и Баварскихъ гимназій	XLIX.
О гуманистич. студіяхъ въ школахъ Сѣв. Америки. (Пер. С. Николаевъ)	XLIX.
Rauidt. Въ англійскихъ гимназіяхъ	L.
Изъ циркуляра по Кавказск. уч. округу	LI.
Ө. Штифтаръ. Культурно-учебныя заведенія у Хорватовъ	LI.
* * * Критическія замѣтки	LI.
М. Кунлинъ. Что дѣйствительно нужно нашимъ гимназіямъ?	LI.
А. Лещинскій. Нѣкоторыя изысканія о дѣлимости на числа, оканчивающіяся на 9, 7, 1 и 3	LIII.
Е. Ниричинскій. Обзоръ иностр. литературы по филологіи за 1891 г.	LIV.
Е. Ветнекъ. Значеніе музыки въ древне-греческомъ воспитаніи	LVI.
Е. Wichert. Alberta Clementina. (Пер. Л. Демченко)	LVI.
А. Крыловъ. Назидательные уроки, извлекаемые изъ знакомства съ біографіями знаменитыхъ педагоговъ	LVI.
В. Ипатовъ. О дѣлимости чисель	LVII.
Изъ цирк. по Сиб—скому уч. округу	LVII.
С. Николаевъ. Греческій языкъ въ англійскихъ гимназіяхъ	LIX. LX.
Его-же. Ученое путешествіе баденскихъ филологовъ въ Грецію	LIX. LX.
Ө. Штифтаръ. Замѣтки о школьномъ дѣлѣ заграничныхъ славянъ	LIX. LX.
Е. Гомеровъ. Любовь къ злу (съ франц.)	LIX. LX.

II. Ист.-лит. содержанія.

И. Бутовъ. Администр.-педагог. дѣятельность Ломоносова	XLIX.
Р. Willems. Безсмертіе и загробная жизнь въ произведеніяхъ Гомера (Перев. Л. Демченко)	XLIX.
Е. Kammer. Эстетическія толкованія на Илиаду Гомера. (Пер. С. Николаевъ)	L. LI. LIV.
Fr. Nägelsbach. Вѣроученіе Гомера	L. LI. LIV.
Г. Янчевецкій. Я. А. Коменскій	LI.
Е. Крыловъ. Что такое историческая правда?	LIII.
И. Успенскій. Первый Московскій театръ	LVIII.
W. Christ. Аристофанъ и его произведенія. (Пер. Н. Веригинъ)	LVIII.
В. Аппельротъ. Зевсъ въ мифологіи и искусствѣ	LIX. LX.
Н. Кузнецовъ. Характеристика Сократа	LIX. LX.

III. Методика.

Кн.

Schrader. Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. (Оконч.) . . .	XLIX. LI. LII. LIII. LIV. LV. LVI. LVII.
Schiller. Методика преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ . . .	XLIX. LI. LIII.
Учебные планы австрійскихъ гимназіи: Географія	L.
И. Виноградовъ. Новыя программы по исторіи и чтеніе учениками истор. книгъ	LII. LV.
А. Флеровъ. Планъ слова о полку Игоревѣ	LIV.
П. Первовъ. Къ вопросу о преподаваніи греч. яз. въ III кл.	LVI.
А. Нейфельдъ. Общій ходъ интерпретаціи	LVIII.
С. Воскресенскій. Грамматическіе вопросы	LIX. LX.
Г. Фишеръ. Склоненіе слова <i>ĕar</i>	LIX. LX.
Н. Трейманъ. О переводѣ русскихъ предлоговъ на нѣмецкій языкъ	LIX. LX.

IV. Критика и библиографія.

В. Л. Хелорн. <i>Memorabilia</i> . Объясн. Левенштейнъ	XLIX.
М. Окиншевичъ. 1) Лат. этимологія, Пертеса; 2) Книга упражненій, Пертеса	XLIX.
Его-же. Начальн. лат. хрестом. Сост. Мейереръ-Сырофчовскій	XLIX.
С. Гинтовтъ. Краткій учебникъ лат. синтаксиса съ упр., Виноградова . . .	XLIX.
А. Маленинъ. Марціалъ, Гр. Олсуфьева	XLIX.
Его-же. Оды Горациа. Объясн. Горбатовъ	L.
М. Попруженко. Грамматика древне-славянскаго языка, Бракенгеймера . .	LII.
А. Сухановъ. Русская грамматика, Преображенскаго	LIV.
Н. Розовъ. Фразеологія Ю. Цезаря, С. Гинтовта	LIV.
М. Преображенскій. Нѣсколько замѣчаній на статью г. Андреева въ „Р. Ф. В.“ 1892 г. № 2	LV.
С. Николаевъ. Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась Русская земля, Поселянина	LV.
П. Первовъ. Русская классная бібліотека, изд. подъ ред. Чудинова	LVI.
И. Виноградовъ. Школьный методъ и его отношеніе къ учебн. предм. исторіи, С. Ламовицкаго	LIX. LX.
М. Преображенскій. Правила ударенія въ русскомъ языкѣ, А. Ельсина . . .	LIX. LX.
А. Приселковъ. Библиогр. замѣтка	LIX. LX.

V. Приложенія.

Цицеронъ. О природѣ боговъ. Пер. С. В. Кн. I.	L. LI.
Я. А. Коменскій. Избранныя сочиненія: Открытая дверь языковъ (<i>Janua linguarum reserata</i>)	LI. LIII. LVIII.
П. Бракенгеймеръ. Грамматика древне-славянскаго языка	LII.
А. Фогель. Философскія основанія педагогіи	LIII. LIV. LV.
В. Межовъ. Педагогич. библиографія	LVIII.
Я. Мищенко. Краткій очеркъ греч. литературы	LVIII.
J. Sprangenbergius. Война въ латинской грамматикѣ. (Пер. съ лат. Д. Ягчевецкій)	LIX. LX.
Гомеръ. Пер. Г. Ягчевецкій. Илиада I. — Одиссея I. — Гимнъ къ Аполлону	LIX. LX.

VI. Varia.

Изъ школьной жизни	L.
Simplex. Изъ переписки	LII.
Мысли педагоговъ и великихъ писателей	LVIII.

Зевсъ въ миѳологіи и искуствѣ.

Вл. Антелмротъ, Москва.

I.

Имя *Zeús**), корень котораго повторяется во всѣхъ арійскихъ языкахъ, означаетъ бога неба и свѣта, высшее божество, царящее надо всѣмъ, Во всѣхъ этихъ языкахъ понимали подъ этимъ корнемъ одно и то же божество, хотя въ исторіи народовъ оно и являлось въ разныхъ видахъ; даже у грековъ въ различныхъ діалектахъ имя высшаго божества звучало различно: кромѣ обычнаго *Zeús* (санскр. *dyâús*), находимъ *Δίς*, *Zήν*, *Zάν*, *Zής*, также *Δεός*, *Δάς* и *Δήν* — именно, у вѳотійцевъ, лаконцевъ и критянъ (ср. Herodian. *περί μόν. λέξ.* p. 6: ὅτι δὲ ποικίλως εἴρηται ὑπὸ παλαιῶν ὁ θεός οὐκ ἀγνοῶ καὶ γὰρ Δίς καὶ Ζήν καὶ Δήν καὶ Ζάν καὶ Ζάς καὶ Ζής παρὰ Φερεκῶδη κατὰ κίνησίν τινα, ὑπὸ Βοιωτῶν καὶ Δεός καὶ Δάν).

Какъ величайшій богъ неба является намъ Зевсъ, на ээирѣ царящій, въ началѣ VIII пѣсни Иліады, гдѣ онъ грозитъ богамъ и богинямъ наказаніе ихъ за прекословіе и заявляетъ о своемъ верховномъ могуществѣ (ст. 27):

τόσσον ἐγὼ περὶ τ' εἰμὶ θεῶν, περὶ τ' εἰμὶ ἀνθρώπων.

(столько превыше боговъ и столько превыше я смертныхъ!)

Какъ имѣющій ээиръ своимъ трономъ, Зевсъ называется *αἰθέριος* (ср. II. B, 412: *Zeῦ χύδιστε, μέγιστε, κελαινεφέες, αἰθέρι ναίων;* XIII, 837: ἔκετ' αἰθέρα καὶ Διὸς ἀγῆας; Arist. Thesm. 272: ὄμνομι αἰθέρ' οἴκησιν Διός, и т. д.).

Зевсъ, поэтому, является отцомъ всѣхъ боговъ и героевъ, которые, по существу своему, имѣютъ отношеніе къ свѣтлому небу и небеснымъ явленіямъ, — Аѳины, Гефеста, Аполлона и Артемиды, Діоскуровъ, Персея и Геракла. Поэтому же его почитали почти повсюду на высокихъ холмахъ и горахъ, гдѣ представляли его возсѣдающимъ въ свѣтѣ, откуда его эпитеты *ὑπατος*, *ὑψιστος*, *ἐπάκριος*, т. е. ὁ ἐπὶ τῶν ἄκρων τῶν ὄρων ἰδρυμένος, ἐπὶ γὰρ τῶν ὄρων τοὺς βωμοὺς αὐτῷ ἰδρυοὺν ὡς ἐπιπολό, какъ поясняетъ Гесихій; въ переносномъ значеніи уже *ὑψιστος* стало означать Зевса, какъ обладавшаго величайшимъ могуществомъ. Тамъ, на вершинахъ горъ, обыкновенно даже подъ

*) См. Preller, Griechische Mythologie, и Welcker, Griechische Götterlehre.

сѣбно развѣсистаго дуба поклонялись могучему Зевсу, лишь впоследствии представляя его въ видѣ простого символа. Такими вершинами, кромѣ Олимпа или *ἱερὰ κορυφή*, были Ликіонъ въ Аркадіи, Иѳома въ Мессиніи, Парнасъ и Гиметь въ Аттікѣ, Кибѳеронъ въ Віотіи и другія возвышенности какъ на материкѣ, такъ и на островахъ; даже въ М. Азіи была такая вершина близъ Трои, именно Ида. Но и на равнинахъ присутствіе этого бога долгое время означалось или густо-разросшимся дубомъ, священнымъ деревомъ Зевса, или же воздвигнутымъ въ честь его алтаремъ.

Онъ является собирателемъ тучъ (*νεφεληγερέτης*), посылающимъ дождь на землю (*ὕετιος*), съ горной вершины озирающимъ всю землю, грознымъ богомъ, посылающимъ громъ и молнію, откуда и возникла масса гомеровскихъ эпитетовъ въ родѣ *κλεινεφής*, *ὕψιβρεμέτης*, *τερπικέραυτος*, *ἐρίγδουπος*, *ἀρχικέραυτος* и др. и названія его въ культѣ *κεραύνιος*, *ἀστραπαῖος* и *βροντῶν*. Зевсъ является владыкой правильно чередующихся временъ года; ему подчиняются вѣтры, особенно попутные тихіе вѣтры, помогающіе морякамъ (*Ζεὺς εὐάνεμος* у спартанцевъ, Paus. III, B, 4; ср. Od. XV, 475 и др.). Грозная молнія является какъ бы эмблемой его могущества и силы, особенно дѣйствуя на фантазію робкаго человѣка, незнакомаго съ тайной этого величественнаго явленія природы: вся титаномахія, миѳъ о смиреніи чудовища Тифона, объ укрощеніи гигантовъ, благодаря перунамъ Зевеса, — служатъ лишь для прославленія этого *Ζεὺς κεραύνιος*, который, благодаря грому и молніи, сталъ владыкой Олимпа, одолѣвъ своего отца Крона, какъ говорить въ „*Θεογονίᾳ*“ Гесиодъ, ст. 71:

ὁ δ' οὐρανῷ ἐμβασιλεύει
αὐτὸς ἔχων βροντὴν ἠδ' αἰθαλόεντα κεραυνόν,
κάρτεϊ νικήσας πατέρα Κρόνον.

Греки обыкновенно представляли Зевса съ перуномъ въ рукѣ, идущимъ или ѣдущимъ на колесницѣ, отчего молнія стала неизмѣннымъ его атрибутомъ, встрѣчающимся уже на древнѣйшихъ изображеніяхъ Зевса на вазахъ. Громъ и молнію, по Гесиоду, носятъ киклопы, какъ образы мрачныхъ тучъ, поднимающихся къ небу изъ глубокаго нѣдра земли; въ миѳѣ о Персеѣ этимъ образомъ является крылатый Пегасъ, рожденный изъ крови Медузы, живущій при Зевсѣ и носящій его громы и молнію (Hesiod. Theog. 285: *Ζηνὸς δ' ἐν δόμασι ναίει βροντὴν τε στερροπὴν τε φέρων Διὶ μητιόεντι*), но другіе поэты, кромѣ Гесиода, представляютъ самого Зевса правящимъ громовой колесницей (ср. Pind. Ol. 4, 1; Hor. Od. I, 34, 8 и др.).

Другимъ атрибутомъ Зевса, имѣющимъ почти то же значеніе, была эгида, откуда и эпитетъ его *αἰγίοχος*, которая являлась символомъ грозовой тучи. Эгида служитъ щитомъ Зевса, съ которымъ является онъ въ битвѣ съ титанами и гигантами; этотъ грозный щитъ, сверкающій блескомъ, окруженный золотой бахромой и украшенный головой Горгоны, передаетъ онъ иногда Аѳинѣ или Аполлону, когда они отправляются въ бой. Гомеръ въ *Иліадѣ* такъ описываетъ эгиду Зевса, напр., V, 738 сл.

(Аѳина) Бросила около персей Эгидь, бахромою косматый,
 Страшный очамъ, поразительнымъ ужасомъ весь окруженный:
 Тамъ и Раздоръ, и Могучесть, и трепеть бѣгущихъ Погоня,
 Тамъ и глава Горгоны, чудовища страшнаго образъ,
 Страшная, грозная, знаменье бога, всесильнаго Зевса!

При помощи эгиды Зевсъ заволакиваетъ тучами небо и производитъ страшную грозу, наводя ужасъ на ахеянъ, II. XVII, 593 сл.:

Въ оное время Кроніонъ пріялъ свой Эгидь бахромистый,
 Пламенозарный, и тучами черными Иду покрывши,
 Страшно блеснулъ, возгремѣвъ, и потрясъ Громовержець Эгидомъ,
 Новью неслая побѣду троянамъ и бѣгство данаямъ.

Къ Зевсу же обращается тогда Аяксъ Теламонидъ, прося его разсѣять тучи, и Зевсъ исполняетъ его мольбу (ст. 645 сл.):

„Зевсъ всемогущій, избавь отъ ужаснаго мрака данаевъ!
 „Дню возврати его свѣтлость, дай намъ видѣть очами!
 „И при свѣтѣ губи насъ, когда погубить ты желаешь!“
 Такъ говорилъ; и слезами героя отецъ умилился:
 Быстро и облакъ отвелъ, и мракъ ненавистный разсѣялъ;
 Солнце съ небесъ засіяло, и битва кругомъ освѣтилась.

Обратимся къ краткому разсмотрѣнію различныхъ мѣстныхъ культовъ Зевса, изъ которыхъ прежде всего надо указать культъ Олимпійскаго Зевса, весьма скоро ставшій вообще культомъ небеснаго владыки и распространившійся по всей Греціи, чему много способствовали знаменитыя игры въ Олимпіи въ Илідѣ, увеличивавшія популярность этого бога. Даже въ Эссалии, близъ горы Олимпа, возникаетъ культъ олимпійскаго Зевса, сопровождающійся также играми, по свидѣтельству Аполлодора, сохранившемуся въ схолияхъ къ Аполлонію I, 599. Въ сосѣднемъ съ Эссалией Эпирѣ съ давнихъ вѣременъ славился оракулъ Зевса въ Додонѣ, названный въ Иліадѣ пеласгическимъ (XVI, 233). Городъ Додона лежалъ у подошвы горы Тмара, недалеко отъ истоковъ Ахелоя, и Зевса почитали здѣсь какъ на вершинѣ горы въ качествѣ громовержца, на что указываетъ изображеніе молніи на монетахъ эпиротовъ, такъ и въ долинѣ, какъ бога плодородія, которому весь округъ обязанъ былъ необычайнымъ богатствомъ земли и скота; сюда подходитъ и объясненіе Аполлодоромъ слова Δωδωναῖος отъ δοῦναι, ὅτι δίδωσιν ἡμῖν τὰ ἀγαθά. Главной и древнѣйшей святыней здѣсь былъ посвященный Зевсу дубъ, всюду и у всѣхъ народовъ посвящаемый богу неба, но нигдѣ не пользовавшійся такимъ уваженіемъ, какъ въ Додонѣ. Шелестъ его листьевъ передавалъ волю Зевса (ср. Od. XIX, 296: ἐκ δρυός ὑψικάρμοιο Διὸς βουλήν ἐπακοῦσαι); священные голуби вили свои гнѣзда въ его широкихъ вѣтвяхъ, такъ какъ, по преданію, черная голубка, снявшаяся въ Оивахъ египетскихъ, прилетѣла въ Додону, „сѣла на дубѣ и человѣческимъ языкомъ проговорила, что здѣсь должно быть учреждено прорицалище Зевса; жители Додоны приняли эти слова за повелѣніе божества и согласно съ нимъ поступили“ (Герод., пер. Мищенко, II, 55); подъ тѣнью дуба журчалъ т. наз. источникъ Зевса (Plin. II, 228), — однимъ словомъ, не только самое дерево, но и вся окрестность его представлялись святилищемъ Зевса. Жрицы додонскаго Зевса

назывались *Σέλλαι* или *Πελειάδες*, вѣщія жены, напоминающія собою Сивилль. Когда культъ додонскаго Зевса распространился, оракуль разбогатѣлъ, тогда и въ Додонѣ воздвигнутъ былъ храмъ, гдѣ Зевсъ, съ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ, сидѣлъ на тронѣ рядомъ съ Діоной (жен. р. къ *Ζεὺς*, какъ *Juno* вм. *Jovino*), богиней плодородія, матерью Афродиты и Діониса.

Многія вершины въ Пелопоннесѣ были древними мѣстами культа Зевса и, слѣдовательно, средоточіями древнихъ о немъ сказаній. Такова покрытая снѣгомъ *Κολλίγη*, возвышающаяся на границѣ Сѣверной Аркадіи и Ахэи, гдѣ Зевсъ породилъ Гермеса; такова живописная и далеко видная въ Мессиніи Иоома, гдѣ чествовался *Ζεὺς Ἰθωράτας*; таковъ для спартавской равнины Тайгетъ, гдѣ плеяда Тайгета, сестра Майи, родила отъ Зевса Лакедемона, а Леда — Діоскуровъ и Елену. Но наибольшее значеніе не только для Аркадіи, но и для всего Пелопоннеса имѣла Ликейская гора на аркадско-мессинской границѣ съ ея культомъ Ликейскаго Зевса, о которой говоритъ и Павсанія (VII, 38, 2): „на лѣво отъ святилища Деспэны находится гора Ликеонъ (*τὸ Λύκαιον*); ее называютъ также и Олимпомъ, а другіе даже святой вершиной (*ἱερὰ κορυφή*); на этой горѣ, говорятъ, воспитанъ былъ Зевсъ; есть на Ликеонѣ мѣсто, называемое *Κρητέα*“ и т. д., которое аркадяне и считаютъ за мѣсто воспитанія Зевса, отнимая эту честь у острова Крита. На самой вершинѣ этой горы, какъ дальше (7) повѣствуетъ Павсанія, есть земляная насыпь, представляющая изъ себя жертвенникъ Ликейскаго Зевса, откуда видна большая часть Пелопоннеса; передъ жертвенникомъ стоятъ два столба (*κίονες*), обращенные къ востоку, а на нихъ сдѣланы позолоченные орлы еще въ глубокую древность. „На этомъ-то алтарѣ — заключаетъ Павсанія, — приносятъ въ тайнѣ жертвы ликейскому Зевсу; мнѣ было бы неприятно много говорить объ этихъ жертвахъ: пусть будетъ, какъ есть и какъ было издревле!“ Орлы, какъ это видно и изъ многихъ мѣстъ *Иліады*, были птицею Зевса, которую онъ посылалъ какъ вѣщее знаменье: поэтому эта царственная птица часто фигурируетъ рядомъ съ владыкой боговъ и людей, какъ символъ его побѣдоносной силы. По древнимъ сказаньямъ, этотъ культъ былъ основанъ Ликаономъ, сыномъ Пеласага, принесшимъ въ жертву Зевсу своего сына и за это обращеннымъ въ волка, — миѣ, свидѣтельствующій не только о животныхъ, но и о человѣческихъ жертвахъ въ этомъ таинственномъ культѣ Ликейскаго Зевса (*Ζεὺς Λύκαιος*).

Аттический культъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, выражается различіе между милостивымъ (*Μετῆχος*) и грознымъ (*Μαιμάκτης*) божествомъ неба. Древнимъ мѣстомъ этого служенія была крѣпость Аѳинъ, отчего Зевсъ этотъ и сталъ называться *Ζ. Πολιεὺς* (ср. *Ἀθηνα Πολιάς*): по преданію, аттический прародитель Кекропсъ первый воздвигъ здѣсь Зевсу алтарь и принесъ ему кроткія жертвы, въ противоположность кровавымъ жертвамъ Аркадіи. Множество праздниковъ учреждено было въ Атикѣ въ честь Зевса въ разное время года: одни — въ честь кроткаго бога, чтобы онъ даровалъ во время дождь и послалъ плодородіе полямъ, другіе — въ честь грознаго *Μαιμάκτης*, чтобы умиловитъ разгнѣванное

божество, падавшіе на начало зимы. Понятно, что ясный и сумрачный видъ неба способствовалъ созданію двухъ образовъ бога неба.

Критскій и М.-Азіатскій культъ Зевса отличается тѣмъ, что здѣсь преимущественно праздновалось рожденіе Зевса отъ Реи, также почитаемой въ этихъ краяхъ; особенно на о. Критѣ мифъ о рожденіи здѣсь Зевса былъ, такъ сказать, ядромъ всего вѣрованія, такъ что и на монетахъ является изображеніе *Ζεὺς Κρηταγενής*. Какъ рассказываетъ въ „*Θεογονίᾳ*“ (ст. 453—491) Гесиодъ, Рея обманула Кроноса, пожиравшаго всѣхъ своихъ дѣтей, подавъ ему вмѣсто Зевса завернутый въ пеленки камень, а родившагося на Критѣ Зевса скрыла въ заросшей терномъ пещерѣ, въ глубокихъ нѣдрахъ священной земли, въ козьей горѣ, густо поросшей лѣсомъ.

За мѣсто рожденія принимается или гора *Δίκτη* (какъ читаетъ Шеманнъ у Гесиода, *Theog.* 482), или Ида съ ея знаменитой пещерой. Нимфы и демоны заботились о новорожденномъ, пчелы Идейской горы доставляли ему медь, а молоко — взятая потомъ на небо коза Амалоея; и пчелы и коза, поэтому, сплошь и рядомъ являются на монетахъ Крита. По другимъ сказаніямъ, священные голуби приносили ему амвросію, а большой орелъ — нектаръ (ср. *Od.* XII, 62 сл.). Охранителями Зевса отъ Крона являются и Куреты, божества горы, имѣющей къ культу критской Реи столь же существенное отношеніе, какъ Корибанты къ культу фригійской Кибелы. Ихъ представляли въ видѣ юношей, исполняющихъ особый танецъ, т. наз. пиррихій: танецъ этотъ исполняли они въ оружіи и, ударяя мечами о щиты, старались заглушить крики новорожденного, чтобы ихъ не услышалъ его суровый отецъ (*Κούρητες* отъ *κοῦρος*, какъ въ II. XIX, 248: *κοῦρητες Ἀχαιῶν*). Здѣсь, на Критѣ, ходили сказанія и о борьбѣ Зевса съ Крономъ, о гигантомахіи, объ обрученіи съ Герой, о рожденіи Афины и т. д., начиная съ рожденія до смерти, такъ какъ и о послѣдней существовалъ рассказъ, и даже показывалась на Критѣ его гробница, служившая для послѣдователей Евгемера лучшимъ доказательствомъ того, что выдуманные греками боги были простыми людьми. Рассказъ о смерти Зевса соотвѣтствуетъ возрѣнію фригійцевъ, что богъ ихъ зимой спитъ, а лѣтомъ снова пробуждается, или вѣрѣ Пафлагонцевъ, что зимою онъ скованъ, а лѣтомъ освобождается (*Plutarch. Is. Os.* 69); находятъ себѣ объясненіе всѣ эти взгляды въ двоякомъ состояніи неба, ясномъ и пасмурномъ, при чемъ рассказъ о смерти Зевса выражаетъ то же, что и выше указанные мифы, то же, что раздѣленіе Зевса на два образа, но лишь къ болѣе сильныхъ чертахъ, болѣе рѣзко. Кромѣ того, подъ вліяніемъ финикійскихъ возрѣній, связавшихся съ чистогреческими, что выразилось въ мифахъ объ Европѣ, Миносѣ и Минотаврѣ и др., возникло множество мѣстныхъ культовъ на самомъ Критѣ, отличающихся одинъ отъ другого по своему характеру: изъ нихъ я укажу лишь на почитаніе *Ζεὺς Πελαγικός* въ Фестѣ, котораго на монетахъ этого города изображали безбородымъ юношей, сидящимъ на пнѣ среди кустарниковъ и растений: на лонѣ его — пѣтухъ, символъ ранняго утра (*Overb. Zeus.* 197).

Кромѣ выше упомянутыхъ мифовъ о рожденіи Зевса и болѣе древнихъ

сказаній о его воцареніи послѣ продолжительной борьбы на Олимпѣ, существуетъ цѣлый рядъ повѣствованій о любовныхъ приключеніяхъ Зевса; обиліе ихъ объясняется какъ желаніемъ выразить оплодотворяющую силу неба, такъ и стремленіемъ знатныхъ родовъ доказать свое древнее и божественное происхожденіе, а отчасти, можетъ быть, и вліяніемъ азіатскаго многоженства, образецъ котораго данъ уже въ Иліадѣ въ лицѣ Пріама (ср. 21, 88; 22, 48; 24, 495). Облекаясь въ художественную форму пѣсни, эти рассказы обходили всю Грецію, имѣя иногда и аллегорическое значеніе, какъ рассказъ о первомъ, по Гесиоду, бракѣ Зевса съ *Μῆτις* или Разумомъ, отъ коего родилась Аѳина. Тотъ же поэтъ считаетъ бракъ съ Герой послѣднимъ, тогда какъ по древнѣйшимъ эпическимъ преданіямъ Гера является первой и единственной законной супругой Зевса (Od. XI, 580: *Διὸς κοδρῆ παράκοιτις*). И не только безсмертныя, какъ Тетиса и Мнемосина, мать Музъ, привлекали къ себѣ сердце бога, но и смертныя часто прельщали его своей красотой: онъ прельстился Алкменой, родившей ему Геракла; Европой, похищенной имъ въ видѣ быка; Ио, дочьрю Инаха; Ледой, прельщенной имъ въ образѣ лебедя; Ганимедомъ, котораго онъ похитилъ на небо въ видѣ орла и сдѣлалъ за его красоту своимъ виночерпѣемъ, и т. д. Всѣ эти подвиги онъ самъ наивно перечисляетъ Герѣ въ Ил. XIV, 315—328

Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:

„Гера, супруга, итти къ Океану и послѣ ты можешь.

Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.

Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ, ни къ смертной,

Въ грудь не вливалась мнѣ и душою моею не владѣла!

Такъ не любилъ я, плѣняясь младою Иксиона супругой*),

Родшею мнѣ Периѳею, совѣтами равнаго богу;

Ни Данаей прельстясь, бѣлоногой Акрисіа дочерью,

Родшею сына Персея, славнѣйшаго въ сонмѣ героев;

Ни владѣя младою знаменитаго Фѣникса дочерью**),

Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманеа;

Ни прекраснѣйшей смертной плѣняясь, Алкменою въ Оивахъ,

Сына родившей героя, великаго духомъ Геракла;

Даже Семѣлой, родившею радость людей, Діониса;

Такъ не любилъ я, плѣняясь лѣпокудрой царицей Деметрой,

Самую Летою славной, ни даже тобою, о Гера!

Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный!“ (пер. Грѣдичъ).

Эти рассказы, плохо понимаемые впослѣдствіи времени, подали поводъ къ множеству каррикатуръ, давъ сюжетъ для комедіи (напр., „Амфитріонъ“ Плавта) и для художниковъ (М.-W. II, 49***). Зевсъ у Алкмены, на вазѣ изъ Mus Gregogiano). Но эти рассказы болѣе служили темой для мифологическихъ повѣствованій поэтовъ, въ общественномъ же и частномъ культѣ Зевса выступала лишь религіозно-правственная сторона служенія этому божеству.

Онъ покровитель силы и храбрости, того, что греки называли

*) Діа.

**) Европа.

***) М.-W. = Müller-Wieseler, Denkmäler der alten Kunst, 3 Bearbeitung.

словомъ ἀρετή: такъ и побѣда Зевса надъ титанами и гигантами является прообразомъ его одолѣнія всего дикаго и чудовищнаго, для устроенія лучшаго порядка вещей, подобно тому, какъ и сынъ его Гераклъ въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ на землѣ. Поэтому оба они являются какъ ἄγωνιοι; поэтому Зевсу посвящаются національныя игры въ Олимпіи: онъ служитъ покровителемъ этихъ игръ, какъ Олимпіецъ, какъ владыка неба, побѣдитель титановъ. И другія игры стояли подъ его защитой, напр., Немейскія, Σθένια въ Аргосѣ, гдѣ почитался и Ζεὺς Σθένιος, слугами коего являются извѣстныя намъ изъ Θεογονίи и изъ трагедій Эхила*) Κράτος и Βία, а также и Ζῆλος и Νίκη, ибо всякая побѣда, весь исходъ битвы зависитъ отъ Зевса, какъ говоритъ поэтъ въ Ил. XIX, 224:

ἐπὴν κλίνῃσι τάλαντα

Ζεὺς, ὅς τ' ἀνθρώπων ταμίης πολέμοιο τέτυκτα.

(Жатва становится скудной, какъ скоро вѣсы наклоняетъ

Зевсъ Эгіохъ, межъ племень челоѣческихъ браней рѣшитель).

Изъ этого мнѣнія возникло и почитаніе Зевса какъ храбраго воителя, подъ именемъ ἄρειος, какъ отца Арея и Аѣины, по значенію своему совпадающихъ съ Ζ. ἄρειος. Карійцы, лидійцы и родственныя имъ племена почитали Ζεὺς Λαβρανδεύς, Χρυσάωρ и Στράτιος, по существу совпадающаго съ Зевсомъ громовержцемъ (βροντῶν) и получившаго этическое значеніе національнаго бога войны и предводителя воинствъ: такъ, и на монетахъ видимъ мы его въ образѣ гоплита въ полномъ вооруженіи (M.-W. II, 21), или же съ боевою сѣкирой въ рукѣ (M.-W. II, 29), особенно на монетахъ Миласы, гдѣ былъ древній храмъ Лабрандейскаго Зевса.

Онъ имѣетъ отношеніе и къ мантикѣ, такъ какъ, въ качествѣ владыки міра и потому устроителя его законовъ (θέμιστες), олицетворяемыхъ Θεμидой, его женой, онъ все видитъ и все знаетъ, какъ выражается Гесіодъ въ поэмѣ „Дѣла и дни“, ст. 267: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας. Само собою понятно, что онъ знаетъ и будущее, которое можетъ предрекать челоѣку посредствомъ небснаго знаменія, грома или молніи, или при помощи своего орла: доказательствъ этому много находимъ въ Иліадѣ. Кромѣ того, и всякое необыкновенное явленіе въ природѣ разсматривалось какъ знаменіе Зевса, — всякій неожиданный голосъ, всякій звукъ, нежданно нарушившій тишину: поэтому Ὀσσα (въ Аѣинахъ Φῆμη; см. Paus. I, 17, 1), считалась „вѣстницей Зевса“, какъ говоритъ Иліада II, 94:

И межъ оными Осса пылала,

Ихъ возбуждавшая, вѣстница Зевса...

И такъ какъ эти знаменія Зевса (διοσημεῖα) назывались также ὄμφαι (лат. omīna), то и самъ Зевсъ получилъ зпитецъ πανομφαῖος. Поэтому и прославленный пророкъ древности Тиресій былъ, собственно, пророкомъ Зевса, отъ него получивъ даръ проричанія. Весь даръ предвидѣнія заключался въ томъ, по вѣрованію грековъ, выраженному между прочимъ и Гесіодомъ, чтобы узнать мысль Зевса, ср. у Clem. Al. Str. 5, p. 727:

*) Κράτος и Βία помогаютъ Гефесту въ первой сценѣ „Прикованнаго Прометея.“

μάντις δ' οὐδεὶς ἔστιν ἐπὶ χθονίων ἀνθρώπων
ὅστις ἂν εἰδείη Ζηνὸς νόον αἰγιόχοιο.

Поэтому и возникло много оракуловъ этого бога: кромѣ уже упомяну- таго выше оракула въ Додонѣ, надо указать прорицалище Зевса Аммона въ Ливійской пустынѣ (объ Аммонѣ см. ниже), Олимпійскаго въ Олимпіи (Страбонъ 8, 533 говоритъ, что этотъ оракулъ и прославилъ первоначально всю эту мѣстность); наконецъ, даже знаменитѣйшій оракулъ въ Дельфахъ хотя и не является непосредственно исходящимъ отъ Зевса, но Пивійскій Аполлонъ уже со времени Гомера считался Διὸς προφήτης, получившимъ даръ прорицанія отъ Зевса и передающимъ лишь его волю.

Какъ увидимъ далѣе, Зевсъ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ Апол- лону: не только оба они являются въ греческой религіи какъ *προφῆται*, но оба же они имѣютъ и особую очистительную силу, откуда возникъ и эпи- тетъ *καθάρσιος*, обнимающій и *Z. μελίχιος*, и *Z. μαυμάκτης*, какъ божества, не- посредственно относящіяся къ жизни природы, божества благосклонныя, съ одной стороны, и обезпечивающія благосостояніе человѣка, особенно земле- дѣльца, и гнѣвныя съ другой, однимъ ударомъ разрушающія всѣ труды по- селянина, — божества, коихъ надо было то благодарить, моля о дождикѣ или прохладномъ вѣтеркѣ, то умиловать, дабы претворили они гнѣвъ на милость. Изъ этого же представленія Зевса Очистителя возникла и идея о немъ, какъ божествѣ, могущемъ отуманить и опять просвѣтить человѣ- ческій разумъ, отместить за кровавую вину (*ἀλάστωρ*) и очистить убійцу отъ крови*), отвратить отъ человѣка всякое зло (*ἀλεξίκακος*, *ἀποτρόπαιος*).

На катартическую силу Зевса и на глубокую вѣру въ нее указываетъ и то обстоятельство, что жрецъ критскаго Зевса Эпименидъ приглашенъ былъ аѳинянами очистить городъ отъ крови Килона и его соумышленниковъ, убитыхъ въ Аѳинахъ. Наконецъ, вообще въ семейной, соціальной и государственной жизни Зевсъ является главнѣйшимъ устройтелемъ вся- каго порядка, какъ отецъ боговъ и людей, какъ патріархальный владыка и судья. Въ каждомъ домѣ чтили *Zεύς ἐρχεῖος*, какъ охранителя домашней ограды, изображеніе котораго обыкновенно стояло на внутреннемъ дворѣ дома (*ἀδλή***), и *Z. ἐφέστιος*, какъ патрона семьи, охранителя домашнего очага, связующаго въ любви и согласіи всѣхъ членовъ семейства. Какъ *ζύγιος* и *γαμήλιος* или *τέλειος*, Зевсъ, наряду съ Герой, является покровителемъ брака (Plut. Q. R. 2), какъ *πλούσιος* и *κτήσιος* — оберегателемъ имущества въ домѣ, которое служитъ его же даромъ, о чемъ неоднократно говоритъ Гомеръ (II. 23, 298; 2, 670 и т. д.). Онъ и богъ дружбы и братства, *Z. φίλιος*, *ἑται- ρεῖος*, коего изображали съ атрибутами Діониса. Онъ былъ богомъ, покрови- телемъ отдѣльныхъ родовъ, всѣхъ дѣлений народа, цѣлыхъ общинъ и пле- менъ (*Zεύς γενέθλιος*, *πατρῶος*, *φράτριος*, *Ἑλλάνιος* и т. д.). Ему въ городахъ, несмотря на всѣ происшедшіе въ нихъ политическіе перевороты, преиму-

*) Ср. Paus. I, 37, 4; II, 20, 1; III, 22, 1.

***) Нагрост. *ἐρχεῖος Ζεύς*, *ᾧ βωμὸς ἐντὸς ἔρκους ἐν τῇ ἀδλῇ ἴδρотаи*.

щественно принадлежитъ эпитетъ βασιλεύς (владыка, царь)*) и μέγας, при чемъ имя его ставится на первомъ мѣстѣ среди именъ боговъ, охраняющихъ городъ, какъ, напр., въ хорѣ Эсхиловой трагедіи „Семь противъ Θивъ“:

ὦ μέγαλε Ζεῦ καὶ πολιῶχοι
δαίμονες ἄγνοί κτλ.

(О великій Зевесъ и владыка страны,

Вы, о боги, защитники кадомыхъ стѣнъ и т. д.)

Поэтому всѣ древніе мѣологическіе цари (Миносъ, Эакъ, Танталъ, Дарданъ) — или его сыновья, или любимцы. Сама царская власть разсматривалась какъ даръ Зевса, и поэтому же и цари вообще, въ эпоху Гомера, называются δῖοι, διογενεῖς; самымъ выразительнымъ мѣстомъ въ этомъ смыслѣ служатъ слова Одиссея, въ Ил. II, 204—206:

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω,
εἷς βασιλεύς, ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω
σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιστας, ἵνα σφίσι βασιλεύῃ.

(Нѣтъ въ многовластїи блага; да будетъ единый властитель, —

Царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый

Скиптръ даровалъ и законы: да царствуетъ онъ надъ другими.)

И какъ главнымъ атрибутомъ Зевса, царя и владыки боговъ и людей, служить скипетръ, такъ этотъ же скипетръ сталъ эмблемою власти и у земныхъ правителей. Даже во время Птолемеевъ изображеніе головы Зевса и его атрибутовъ обыкновенно помѣщалось на ихъ монетахъ, хотя религіозныя мнѣнія въ это время уже получили совершенно иную окраску.

И аѳинская демократія видѣла въ Зевсѣ защитника города, высшаго охранителя своихъ собраній, своего совѣта и всѣхъ государственныхъ учрежденій, всего строя общественной и политической жизни, почитая его подъ именами Ζεὺς πολιεὺς, βουλαῖος, ἀγοραῖος и т. д. Какъ охранитель права, какъ блюститель высшаго правосудія, Зевсъ стоитъ въ тѣсной связи съ богиней Δίκη, которая у поэтовъ, уже начиная съ Гесиода, зовется его дочерью (Hes. Ἔργα, 256; Aesch. Sept. 644 и др.), сидящею рядомъ съ нимъ на тронѣ (Soph. O. C. 81: Δίκη ξύνεδρος Ζηνός), охранительницею справедливости на судѣ; помимо ея помощи и содѣйствія тысячи духовъ, невидимо наблюдающихъ за дѣлами людей, Зевсъ и самъ все видитъ, за всѣмъ наблюдаетъ. А такъ какъ, далѣе, главнымъ доказательствомъ справедливости была клятва, то Зевсъ и является ея блюстителемъ, жестоко карающимъ клятвопреступленіе или ложную клятву (Ζεὺς ὄρκιος, изображеніе коего съ молніей въ каждой рукѣ стояло въ залѣ совѣта въ Олимпіи — Paus. V, 24, 2): имя Зевса призываютъ въ своихъ клятвахъ и герои Иліады — Агамемнонъ, Ахиллъ и др.

Наконецъ, Зевсъ же блюдетъ неприкосновенность земельной границы и собственности, Ζεὺς ὄριος; онъ же охраняетъ святость гостепрїимства (ξένιος), и къ нему прибѣгаютъ подъ покровительство и защиту умоляющіе (Ζ. ἰκετήσιος). Нося самъ въ Одиссеѣ названіе ἰκετήσιος (XIII, 213), Зевсъ является спутни-

*) Ср. Aristoph. Nubes, v. I: ὦ Ζεῦ βασιλεῦ.

комъ и вѣрнымъ защитникомъ всѣхъ умоляющихъ (ἰκέται): какъ таковому, творять ему возляніе Феаки въ Од. VII, 165:

ἵνα καὶ Διὶ τερπικεραύμφ
σπεύσομεν, ὅσθ' ἰκέτησιν ἄμ' αἰδοίοισιν ὀπηδεῖ.

Далѣе, онъ ἐλευθέριος, дарователь свободы какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому народу: поэтому послѣ Персидскихъ войнъ ему воздвигнуть былъ алтарь и статуя изъ мрамора въ Платеяхъ, гдѣ въ честь его справлялся особый праздникъ Ἐλευθέρια (Paus. IX, 2, 6); поэтому вольноотпущенники посвятили этому Зевсу портикъ въ Аѳинахъ. На подобное значеніе Зевса есть указаніе уже въ Иліадѣ, гдѣ Гекторъ говоритъ Парису въ п. VI, 526 сл., отправляясь на бой:

αἶ χέ ποθι Ζεὺς
δώη ἐπουρανίοισι θεοῖς αἰετιγενέτησιν
κρητῆρα στήσασθαι ἐλευθέρον ἐν μεγάροισιν.
(... когда намъ Кроніонъ

Даетъ въ благодарность небеснымъ богамъ, безконечно живущимъ,
Чашу свободы поставить въ обителяхъ нашихъ свободныхъ,
Послѣ изгнанья изъ Трои Ахейнъ мѣднодоспѣшныхъ.)

Вся жизнь человѣка въ рукахъ Зевса; онъ посылаетъ ему и добро, и зло по своей волѣ, хотя по существу своему онъ — благо и любовь. Въ прекрасныхъ стихахъ говорить о силѣ Зевса Гесіодъ въ началѣ своей поэмы „Дѣла и дни“:

Μοῦσαι Πιερίηθεν, αἰοιδῆσι κλείουσαι,
δεῦτε, Δί' ἐννέπετε, σφέτερον πατέρ' ὑμνεύουσαι.
ὄντε διὰ βροτοὶ ἄνδρες ὁμῶς ἄφατοὶ τε φατοὶ τε,
ῥητοὶ τ' ἄρρητοὶ τε Διὸς μέγαλοιο ἕκῃτι.
ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει,
ῥεῖα δ' ἀρίζηλον μινύθει καὶ ἄδηλον ἀέξει,
ῥεῖα δὲ τ' ἰθύνει σκολιὸν καὶ ἀγήνορα κάρφει
Ζεὺς, ὑψιβρεμέτης, ὃς ὑπέρτατα δώματα ναίει.

[Вы изъ Піеріи, Музы, извѣстныя пѣснью, сойдите
къ намъ и Зевеса прославьте, отца своего величая!
Всѣ безъ различія люди становятся слабы и сильны,
Славны или безвѣстны по волѣ великаго Зевса.
Онъ безъ труда возвышаетъ, возвысивъ — легко унижаетъ,
Гордость легко умиряетъ, безвѣстнаго — къ славѣ приводитъ,
Онъ выпрямляетъ кривого, красавца — легко безобразитъ, —
Зевсъ, высоко гремящій, живущій въ чертогахъ небесныхъ*].

Къ нему, какъ могучему защитнику, какъ спасителю отъ бѣды и охранителю отъ всякаго зла, обращались греки съ мольбами, ему, какъ Σωτήρ, посвящали послѣдній кубокъ на пирѣ и приносили въ Аѳинахъ жертвы въ послѣдній день года. Такимъ образомъ, съ древнѣйшаго времени Зевсъ былъ олицетвореніемъ всего возвышеннаго, всякаго превосходства, будетъ ли то богатство, сила, благородство, всякое физическое и нравственное яв-

*) Рѣшаемся предложить собственный посильный переводъ отрывка изъ Гесіода.

леніе. Въ позднѣйшее время любили сблизать имя Ζεὺς съ гл. ζῆν, видя въ немъ бога свѣта и жизни, какъ выражается и врачъ Менекрытъ: ὡς μόνος αἴτιος τοῦ ζῆν τοῖς ἀνθρώποις γενόμενος.

Въ Иліадѣ Гомера мы находимъ художественно очерченный образъ этого владыки и отца боговъ и людей, вполне соответствующій тѣмъ эпитетамъ, которые постоянно сопровождаютъ у Гомера его имя. Мы видимъ и здѣсь Зевса то благимъ, настоящимъ отцомъ, то грознымъ владыкой, передъ которымъ трепещутъ всѣ боги и даже сама непокорная супруга его, „лейно-раменная Гера“. Достаточно припомнить образъ Зевса въ I пѣснѣ Иліады, гдѣ онъ въ глубокой задумчивости слушаетъ просьбы обнявшей его колѣна Фетиды, гдѣ даетъ онъ ей свое обѣщаніе прославить Ахилла и въ подтвержденіе своихъ словъ дѣлаетъ священное маніе головой и бровями: здѣсь соединяются и благодать отца, и величіе владыки. Чудные стихи, заканчивающіе эту сцену (528—530), могли бы дать отличный матеріалъ для художника и дали его, по нынѣ правда отвергнутому преданію, великому Фидію:

Ἦ, καὶ χυανέησιν ἐπ' ὀφρύσιν νεῖσε Κρονίων.

ἀμφρόσια δ' ἄρα χεῖται ἐπερρώσαντο ἀνακτος

κρατὸς ἀπ' ἀθανάτοιο μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὀδύμπου.

(Рекъ. и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:

Быстро власы благовонныя вверхъ подыались у Кронида

Окрестъ безсмертной главы; и потрясся Олимпъ многохолмный.)

Грознымъ владыкой изображенъ Зевсъ въ началѣ пѣсни VIII, гдѣ онъ грозитъ страшную карой ослушнымъ богамъ, приводя ихъ въ трепетъ:

Такъ онъ вѣщаль; и молчанье глубокое боги хранили,

Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщаль онъ (28 сл.).

Точно такимъ же является намъ Зевсъ и въ XV п. (ст. 13 слд.) гдѣ, разгнѣванный на Геру, онъ грозитъ ей за ея козни ужаснымъ наказаньемъ:

Быстро и грозно на Геру смотря, провѣщаль Громовержець:

„Козни твои, о злоторная, вѣчно коварная Гера,

„Гектора мощнаго съ боя свели и Троянъ утрашили!

„Но еще я не знаю, не первая-ль козней преступныхъ

„Вкусишь ты плодъ, какъ ударами молній тебя избичую!“ и т. д.

Какъ уже было и выше замѣчено, Зевсъ у Гомера является какъ владыка неба, повелѣвающій громомъ и молніей, собирающій и разсѣивающій по своей волѣ черныя тучи, владѣющій ужасной эгидой. Кромѣ вышеприведенныхъ стиховъ (XVII, 591), та же мысль выражается въ слѣдующихъ словахъ поэта (V, 522 сл.):

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Ἰθάλην ἄκλιτον, ὡς τὰς ἀνθρώπων, οὐρανὸν ἄκλιτον

Къ такому божеству вполне подходятъ и названія „всевышняго, сильнѣйшаго“, придаваемыя Зевсу въ молитвахъ, съ которыми обращаются къ нему герои Илиады, напр., Агамемнонъ въ XIX, 258:

Ἴστω νῦν Ζεὺς πρῶτα, θεῶν ὑπατος καὶ ἄριστος . . .

(Зевсъ да будетъ свидѣтелемъ, богъ высочайшій, сильнѣйшій!)

или боговидный Приамъ въ XXIV, 508:

Ζεῦ πάτερ, Ἴδθθεν μεδέων, κούδιστε, μέγιστε.

(Зевсъ, нашъ отецъ, обладающій съ Иды, славиѣйшій, сильнѣйшій!)

Но въ основаніи характера Зевса всетаки лежитъ отеческая благость, онъ πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε, и лишь дерзость и строптивость Геры выводитъ его изъ себя. Онъ болѣе любилъ миръ, какъ можно видѣть (V, 888 сл.) изъ словъ его къ Арею, который ненавистенъ ему за свою склонность къ брани и битвѣ:

Τὸν δ' ἄρ' ὑπόδρα ἰδὼν προσέφη νεφεληγερέτα Ζεὺς.

μήτι μοι, ἀλλοπρόσαλλε, παρεδζόμενος μινύριζε.

ἔχθιστος δέ μοι ἐσσι θεῶν, οἱ Ὀλυμπον ἔχουσιν.

αἰεὶ γάρ τοι ἔρις τε φίλη, πόλεμοί τε μάχαι τε и т. д.

(Грозно возрѣвъ на него, провѣщаль громовержець Кроніонъ:

„Смолкни, о ты переметникъ! не вой близъ меня возсидающій!

Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо!

Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны!“ и т. д.)

II.

Такъ какъ дошедшія до насъ изображенія Зевса, въ большинствѣ случаевъ, представляя позднѣйшія копии съ произведеній неизвѣстныхъ намъ по имени художниковъ, не могутъ быть съ достаточной опредѣленностью отнесены къ той или другой эпохѣ, то при разсмотрѣніи исторіи типа Зевса въ искусствѣ, также какъ и Геры, намъ придется указать сперва, на основаніи литературныхъ данныхъ, а также и имѣющихся монументовъ, ходъ постепеннаго развитія этого типа, насколько это возможно, а затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ, сохранившихся до насъ, памятниковъ, раздѣляя ихъ для удобства на нѣсколько классовъ.

Древнѣйшая исторія типа Зевса мало извѣстна: по-видимому, весьма долгое время Зевсу поклонялись безъ всякихъ изображеній, выбирая для этого вершины горъ или тѣнь дубравы. Позднѣе могучій дубъ, вѣроятно, хотя далеко не во всей Греціи, разсматривался какъ божество: особенно въ Додонѣ, гдѣ и самъ Зевсъ назывался Φηγός. Изъ возникшихъ затѣмъ аниконическихъ изображеній Зевса изъ камня и дерева мы не знаемъ почти ни одного: но существованіе такихъ изображеній подтверждается нѣкоторыми показаніями древнихъ авторовъ, напр., Цицерона, упоминающаго въ рѣчи противъ Верреса *Jovem Lapidem*, и Павсаніи (II, 32, 7; II, 34, 6), указывающаго на πέτρα Θησεώς, изъ подъ которой этотъ герой, по преданію, вынулъ мечъ Эгея, — какъ на алтарь Зевса Соенія; но изъ словъ періэгета нельзя заключить, что самъ этотъ камень фигурировалъ въ качествѣ Διὸς ἄγαλμα. Что же касается болѣе отдѣланныхъ аниконическихъ изображеній этого

бога, то, съ одной стороны, мы узнаемъ отъ Павсаніи же (II, 9, 6) о Зевсѣ *Μειλίχιος* въ видѣ пирамиды на Истмѣ (*Ζεὺς Μειλίχιος καὶ Ἄρτεμις ὀνομαζομένη Πατρῶα, σὺν τέχνῃ τεποικμένη οὐδεμιᾷ πυραμίδι δὲ ὁ Μειλίχιος, ἣ δὲ κίονί ἐστιν εἰκασμένη*), а съ другой — на опубликованной Ричлемъ вазѣ изъ Руво (Ruvo), представляющей клятву Пелопса и Эномайя передъ началомъ состязанія, Зевсъ представленъ въ видѣ стоящаго на жертвенникѣ столба съ надписью *Διός*: присутствіе Зевса на всѣхъ изображеніяхъ этого сюжета, напр., на фронтонахъ Олимпійскаго храма, заставляетъ думать, что и здѣсь надпись *Διός* относится не къ алтарю, яко-бы посвященному Зевсу, а къ самой колоннѣ, долженствующей представлять изъ себя этого бога (Overbeck, Zeus, V).

Переходя къ изображеніямъ иконическимъ, остановимся нѣсколько на древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ такъ или иначе типахъ Зевса. Что касается наиболѣе древнихъ изображеній этого рода, или т. наз. *ξόανα*, служившихъ исключительно предметомъ культа, то кромѣ литературныхъ показаній, особенно у Павсанія, о существованіи подобныхъ статуй изъ дерева въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи и М. Азіи (ср. II, 24, 3; IX, 39, 8 и 40, 2), мы имѣемъ изображеніе древняго *Ζεὺς Στράτιος*, называвшагося также *Δαβρανδέος* или *Χρυσάρορος*, на монетахъ Миласы въ Каріи (M.-W. II, 29), времени императора Геты (нач. III вѣка), гдѣ Зевсъ представленъ въ видѣ гермы, съ закутанной плотно въ одежду нижней частью туловища, съ модіемъ на головѣ, съ сѣкирой въ правой и съ копьемъ въ лѣвой рукѣ, стоящимъ въ іоническомъ храмѣ, который обозначенъ двумя колоннами съ фронтономъ. И древнее изображеніе Капитолійскаго Юпитера (*Jupiter Feretrius*), стоявшее, по преданію, въ основанномъ уже Ромуломъ храмѣ, о которомъ говорить въ своихъ „Фастахъ“ Овидій (I, 202), было также стоящее: Зевсъ, одѣтый въ плащъ (*piciniatus*), стоялъ, держа глиняную молнію въ правой рукѣ:

Jupiter angusta vix totus stabat in aede
inque loris dextra fictile fulmen erat.

Древняя бронза, найденная при раскопкахъ въ Олимпіи (Baum, III, стр. 2124*); см. Overb. Zeus, стр. 19 монеты Аѳин.), также представляетъ широко-шагающаго Зевса съ характерной клинообразной архаической бородой, протянувшаго впередъ лѣвую руку, а въ согнутой правой держащаго молнію; стремительность движенія, по выраженію Брунна, характеризуетъ собой то разрѣшеніе скованности рукъ и ногъ, которое сдѣлано было, по преданію, Дедаломъ: все указываетъ на весьма древнее происхожденіе этой статуэткы; а присутствіе того же образа на монетахъ Аѳинъ и Мессиніи (*ibid.*) заставляетъ предполагать далекое распространеніе подобнаго типа изображеній. Такой же типъ носитъ и найденная въ Олимпіи же голова Зевса, представляющая характерный образчикъ скульптуры этой архаической поры (И. Цвѣтаевъ**) т. 34, рис. 1). Но нельзя, однако, сказать, чтобы древность знала только изображенія стоящаго Зевса: повидимому,

* Baum. = Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums, въ трехъ томахъ (1-ое изд.).

** Учебный атласъ античнаго ваянія. т. I.

почти наряду съ ними уже возникли и сидящія его изображенія, столь любимыя особенно впоследствии, такъ какъ сидящій на тронѣ Зевсъ болѣе олицетворялъ, болѣе выражалъ собой идею владыки вселенной и царя боговъ и людей. Уже на такомъ архаичномъ памятникѣ древней керамики, какъ хранящаяся во Флоренци т. н. François-vase (Baum. III, стр. 1800), гдѣ изображено шестіе боговъ на свадьбу Фетиды, Зевсъ представленъ въ верхнемъ ряду ѣдущимъ рядомъ съ Герой на запряженной четверней колесницѣ, съ той же клинообразной бородой, какъ вышеописанная Олимпійская статуэтка, съ молніей въ правой и скипетромъ въ лѣвой рукѣ, а въ нижнемъ ряду, представляющемъ собраніе боговъ, Зевсъ сидитъ рядомъ съ Герой на возвышенномъ тронѣ, съ жезломъ въ рукѣ: изображеніе это на половину стерлось и потому судить объ одеждѣ бога невозможно; что же касается первой фигуры, то тамъ Зевсъ въ хитонѣ и гимпатіи, тогда какъ Олимпійская бронза представляетъ его совершенно нагимъ. Но, если обратимъ вниманіе на столь же древніе рисунки вазъ съ черными фигурами, представляющіе рожденіе Аѳины изъ головы Зевса (M.-W. II, 227; 228) и другіе, подобныя же рисунки на такихъ же сосудахъ (напр., M.-W. II, 10), то увидимъ, что на нихъ Зевсъ, болшею частью съ молніей въ рукѣ, представляется одѣтымъ въ хитонѣ и гиматіи и всегда съ бородой. Тѣ же самыя выводы можно сдѣлать и изъ разсмотрѣнія литературныхъ показаній относительно изображеній Зевса до Фидіа, принадлежащихъ извѣстнымъ намъ по имени художникамъ, т. е., что оба типа — стоящій и сидящій на тронѣ — существовали до V в. наравнѣ; а что касается одѣянія Зевса, то объ этомъ даютъ понятіе сохранившіяся отъ V в. вазы, разрисованныя Сосіемъ и Евксіооємъ и Олтомъ. Художникъ Донтасъ изъ Лакедемона нѣсколько разъ изображалъ Зевса, повидимому, и стоящимъ, и сидящимъ на тронѣ, напр., въ храмѣ Геры въ Олимпіи (Paus. VI, 19, 12 и 14; V, 17, 1); знаменитый учитель Фидіа, аргосецъ Агеладъ, представилъ Зевса въ видѣ ребенка въ Эгіонѣ въ Ахэѣ (Paus. VII, 24, 4: ἔστι δὲ καὶ ἄλλα Αἰγίωσιν ἀγάλματα χαλκοῦ πεποιημένα, Ζεὺς τε ἠλικίαν παῖς καὶ Ἦρακλῆς, οὐδὲ οὗτος ἔχων πω γένεια, Ἀγελάδα τέχνη τοῦ Ἀργείου), и, вѣроятно, такимъ же изображенъ былъ имъ Зевсъ Иѳомскій, сдѣланный послѣ взятія Иѳомы въ 462 г. аттическимъ полководцемъ Толмидомъ для переселившихся въ Навпактъ Мессинянъ, которые снова перенесли его изображеніе въ родную Иѳому (Paus. IV, 33, 2). Распространеніе въ этихъ мѣстахъ мѣта о вскормившей Зевса козѣ и, слѣдовательно, царившее здѣсь, особенно въ Ахэѣ представленіе Зевса какъ ребенка, подало, безъ сомнѣнія, поводъ и къ подобнымъ изображеніямъ его въ искусствѣ. Не упоминая всѣхъ изображеній, принадлежащихъ художникамъ до Фидіа, я укажу только, что и знаменитый глава натуралистической школы ваятелей, Миронъ, непосредственно предшествовавшій Фидію, какъ старшій его современникъ, создалъ колоссальную фигуру Зевса, стоявшую на одномъ базисѣ съ Геракломъ и Аѳиной въ гипетронѣ Геры на о. Самосѣ (Strabo XIV, p. 637).

Архаическія изображенія Зевса, главнымъ образомъ на рельефахъ, и

рисунки на вазахъ, относящіеся къ VI и V в., а также и памятники позднѣйшаго времени, относящіеся къ т. наз. архаическому стилю, когда художники подражали древнимъ образцамъ, уже не создавая самостоятельныхъ образовъ, даютъ возможность утверждать, что уже до Фидія типъ Зевса болѣе или менѣе установился, хотя еще не достигъ художественнаго совершенства. Сидящій и стоящій Зевсъ одинаково фигурируетъ и на этихъ дошедшихъ до насъ остаткахъ старины. Такъ, на одной изъ метопъ Селинунтскаго храма въ Сициліи, принадлежащей къ переходному архаическому стилю, представленъ Зевсъ, сидящій, повидимому, на Идѣ и взявшій за за руку подошедшую къ нему Геру: о сюжетѣ этого изображенія и др. подобныхъ ему, намъ придется говорить ниже, при разсмотрѣніи мѣовъ относительно Геры; поэтому здѣсь я ограничусь только указаніемъ на этотъ памятникъ [Sybel*), стр. 144; Цвѣтаевъ, XIII 5]. Упомянутыя выше вазы, относящіеся, повидимому, къ V в., также представляютъ Зевса сидящимъ среди боговъ: такъ, на вазѣ Сосія, представляющей на боковомъ рисункѣ свадьбу родителей Ахилла, Пелея и Ѳетиды (M.-W. 210^b), какъ объяснилъ К. О. Миллеръ и какъ приходится всетаки понимать этотъ сюжетъ, несмотря на нападки на это объясненіе, на право, въ самомъ углу, сидитъ Зевсъ рядомъ съ Герой: владыка боговъ является здѣсь въ то же время покровителемъ брака (*Zeus γαμήλειος*); онъ въ зрѣломъ возрастѣ, какъ уже и въ древнѣйшихъ его изображеніяхъ, въ хитонѣ и гиматіи; въ протянутой правой рукѣ держитъ онъ чашу, въ которую крылатая Геба наливаетъ ему божественный нектаръ, а въ поднятой и согнутой въ локтѣ лѣвой — символъ своей грозной силы, молнію; знакъ царской и верховой власти его — скипертъ съ птицей, вѣроятно орломъ, на верху — стоитъ около его покрытаго шкурою трона; передъ этой царственной четой сидятъ и новобрачные — Ѳетида, узнаваемая по рыбѣ, которую она, какъ морская нимфа, nereida, держитъ въ рукѣ, и Пелей, снабженный трезубцомъ, какъ характернымъ атрибутомъ собственно Посейдона, а за тѣмъ и морскаго божества вообще. Весьма сродно съ этимъ и изображеніе Зевса на недавно найденной вазѣ работы Эвксіоэя и Олта, гдѣ представленъ торжественный вѣздъ Діониса на Олимпѣ въ присутствіи всѣхъ небожителей: по срединѣ сидитъ, также въ хитонѣ и плащѣ, бородатый Зевсъ, съ опущенными по плечамъ, по архаическому обычаю, двумя локонами, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; подобно вышеописанному, и онъ въ лѣвой рукѣ держитъ перунъ, а въ протянутой правой — чашу, въ которую наливаетъ ему нектаръ юный Ганимедъ (Engelmann, Bilder-Atlas zum Homer: Odys. I).

Такимъ образомъ, на этихъ памятникахъ мы находимъ лишь сидящаго на тронѣ Зевса; наоборотъ, дошедшіе до насъ архаистическіе рельефы представляютъ Зевса или стоящимъ въ спокойной позѣ, или идущимъ, при томъ иногда въ весьма легкой одеждѣ, оставляющей все тѣло открытымъ: указать первоначальный праобразъ этихъ изображеній, конечно, невозможно, но, если

*) Die Weltgeschichte der Kunst.

судить по общему характеру памятниковъ этого стиля, то надо думать, что они восходятъ къ какимъ либо древнимъ изображеніямъ, такъ какъ именно таково обычное возникновеніе архаистическихъ скульптуръ. Спокойно стоящаго бога видимъ мы на т. наз. алтарѣ 12 боговъ въ Луврѣ (MW. I, 43), гдѣ Зевсъ, въ перекинутомъ черезъ плечо и падающемъ съ руки его въ искусственныхъ, характеризующихъ этотъ изысканный стиль, складкахъ гиматіи, стоитъ рядомъ съ Герой, обративъ къ ней свое обрамленное волнистой бородой, лицо: въ опущенной правой рукѣ его — молнія, жестъ лѣвой показываетъ, что онъ бесѣдуетъ съ Герой, хотя не выражаетъ ничего опредѣленнаго. Точно также стоящимъ въ свободной позѣ, слегка согнувъ въ колѣнѣ лѣвую ногу, видимъ Зевса и на подножии большого канделябра, найденнаго въ виллѣ Адріана близъ Тибура и нынѣ хранящагося въ Museo Pio-Clementino въ Римѣ (MW. II, 19): волосы его, стянутые, какъ и на предыдущемъ изображеніи, повязкой, падаютъ на плечи гіератическими локонами; короткая хламида накинута на лѣвое плечо; лѣвой рукой онъ опирается о высокій скипетръ, а въ опущенной правой держитъ перунъ; ноги его обуты въ сандаліи.

На рельефѣ т. наз. капитолійскаго puteal (MW. II, 197), относящемся къ тому же гіератическому стилю и представляющемъ, по видимому, введеніе Геракла въ сопровожденіи Аѳины на Олимпъ, Зевсъ представленъ идущимъ: онъ съ бородой, въ той же прическѣ, съ локономъ, прямо свѣшивающимся около уха, въ неестественно накинутаго на лѣвое плечо и угломъ прикрывающаго его тѣло плащѣ съ отдѣланными въ архаическомъ стилѣ углами; въ правой рукѣ держитъ онъ скипетръ, а въ лѣвой — перунъ, чѣмъ и характеризуется какъ царь боговъ и людей.

На этомъ я и остановлюсь въ перечнѣ изображеній Зевса до Фидіа: общій выводъ относительно господствовавшаго въ это время типа тотъ, что Зевсъ изображался въ зрѣлыхъ лѣтахъ; даже какъ любовникъ Геры, прельщенный ею на горѣ Идѣ, онъ на упомянутой выше селинунтской метопѣ представленъ съ бородой. Изображеній Зевса въ юномъ возрастѣ отъ этой эпохи до насъ не дошло, и только показаніе Павсаніи о Зевсѣ Иѳомскомъ Агелада заставляетъ думать, что уже къ концу этого архаического періода возникли и подобныя изображенія, обусловливаемые на первыхъ порахъ особенностями мѣстныхъ культовъ и преданій.

V вѣкъ былъ эпохой въ развитіи типа Зевса: это былъ вѣкъ величайшаго подъема греческаго духа послѣ персидскихъ войнъ, когда огромныя богатства, скопившіяся въ Аѳинахъ, въ значительной степени способствовали роскошному развитію искусства Аттики. Созданный Фидіемъ уже въ концѣ его художественной дѣятельности, слѣдовательно въ концѣ V в., Зевсъ Олимпійскій существовалъ до V же вѣка по Р. Хр., когда онъ погибъ, по всей вѣроятности, во время пожара Олимпійскаго храма, случившагося при императорѣ Θεодосіи II (царств. съ 408 г.). Множество свидѣтельствъ о немъ древнихъ писателей показываютъ, какой восторгъ возбуждало это дивное созданіе греческой пластики въ сердцахъ современникахъ и потомства.

Благодаря этимъ свидѣтельствамъ, особенно обстоятельному описанію всего памятника Павсаніемъ (V, II), мы можемъ составить себѣ о всеэллинскомъ (Πανελληνίος) Зевсѣ Фидіа весьма точное представленіе. А такъ какъ созданный Фидіемъ типъ оказалъ вліяніе на послѣдующія изображенія Зевса, то здѣсь необходимо ознакомиться съ этимъ произведеніемъ подробнѣе. Вотъ какъ описываетъ его Павсаній: „богъ, сдѣланный изъ золота и слоновой кости, сидитъ на тронѣ; на головѣ его возложенъ вѣнокъ на манеръ листь-евъ оливы; въ правой рукѣ держитъ Нику, также изъ слоновой кости и золота, съ теніей (ταινία) въ рукахъ и съ вѣнкомъ на головѣ; а въ лѣвой рукѣ бога — скипетръ, разукрашенный всякими металлами; птица, сидящая на верху скиптра, есть орель; и обувь бога, и плащъ (ἱμάτιον) на немъ изъ золота, а на гиматіи изображены животныя и цвѣты лилій; а тронъ пе-стрѣбеть золотомъ и драгоценными камнями, изукрашенъ чернымъ деревомъ и слоновой костью, и животныя на немъ нарисованы, и сдѣланы выпуклыя изображенія“ — и далѣе идетъ подробнѣйшее описаніе этихъ украшеній трона, которыя насъ въ данную минуту не могутъ интересовать, такъ какъ не имѣютъ прямого отношенія къ типу самого бога. Уже тотъ же Павсаній въ заключеніе сообщаетъ рассказъ о томъ, что по окончаніи работы Фидій молилъ Зевса дать ему знаменіе, угодно-ли для него сдѣланное имъ изобра-женіе, — и Зевсъ послалъ молнію, ударившую въ землю около статуи. Это преданіе показываетъ намъ, что всеэллинскій Зевсъ Фидія признавался пол-нѣйшимъ выраженіемъ всей сущности этого верховнаго божества. Эпи-грамма Филиппа въ „Антологіи Палатинской“ (II, 208, 48; Quell.*) 75) вы-ражаетъ то же самое, говоря:

Ἦ θεὸς ἦλθ' ἐπὶ γῆν ἐξ οὐρανοῦ, εἰκόνα δεῖξων,

Φειδία, ἣ σὺ γ' ἔβης τὸν θεὸν ὀφόμενος.

(Или самъ богъ сошелъ съ неба на землю, чтобы

Показать тебѣ свой образъ, Фидій, или самъ ты

Вознесся къ небу, чтобы увидѣть этого бога.)

Эта статуя стоила художнику великихъ трудовъ: много разъ, говоритъ Лукіанъ (pro imagg. 14; Quell. 894), передѣлывалъ онъ это изображеніе, при-слушиваясь къ мнѣніямъ зрителей и, согласно съ ними, исправляя отдѣльныя части статуи: „такъ какъ мнѣніе народа — заключаетъ Лукіанъ — было для него очень цѣннымъ, и онъ былъ убѣжденъ, что большинство всегда видитъ болѣе одного, даже если этимъ однимъ является Фидій.“ Колоссаль-ная статуя эта, казавшаяся еще большею отъ высокаго пьедестала, достигала почти до кровли храма: „еслибы Зевсъ выпрямился и сталъ въ весь ростъ,“ — замѣчаетъ Страбонъ (VIII, p. 353; Quell. 698) — то онъ проломилъ бы крышу храма“, изъ чего и заключаютъ, что онъ былъ въ 46 фут. вышины, такъ какъ такова внутренняя высота Олимпійскаго святилища (Brunn, Gesch. d. gr. Künstler стр. 176).

Что касается типа статуи, то древніе писатели утверждаютъ, будто

*) J. Overbeck, Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen, Leipz. 1868.

Фидій создалъ своего Зевса въ подражаніе Зевсу Гомера, именно въ тотъ моментъ, когда онъ, помавая власами и бровями, заставляетъ колебаться Олимпъ (Ил. I, 527 слѣд.). На основаніи этого преданія, долгое время и видѣли подражаніе Зевсу Фидія въ знаменитомъ бюстѣ изъ Отриколи (Langl.*) t. I) въ Ватиканскомъ Музеѣ. Овербекъ въ своей монографіи о Зевсѣ относитъ этотъ бюстъ къ тому классу, гдѣ Зевсъ представленъ въ образѣ высшаго владыки и царя боговъ и людей во всей его мудрости и всемогуществѣ, въ соотвѣтствіе Гомеров. ὄψιστος κρείόντων, ὕπατος καὶ ἄριστος. Это, дѣйствительно, всемогущій и премудрый владыка міра, спокойно и самовластно взирающій на землю; улыбка, слегка даже раздвигающая губы Зевса, свидѣлствуетъ его милостивое выраженіе. Характеренъ лобъ этой головы, — выпуклый снизу, гдѣ вмѣщается всесильная воля владыки, и ровный вверху — означающій ясность мысли и вѣчную мудрость верховнаго царя. Богатые волосы, какъ сіяніе, окружаютъ его лицо, напоминая, также какъ и подвижныя и выразительныя брови, выше упомянутыя стихи Иліады.

Не будемъ входить здѣсь въ большія подробности относительно этого бюста, которыя можно найти въ обстоятельномъ изслѣдованіи Евг. Петерсена: Die Kunst des Pheidias (1873); скажемъ только, что оригиналъ этого бюста, отъ котораго мы имѣемъ лишь копію римской эпохи, относится, по видимому, судя по возвышенности образа, ко времени, близкому къ Фидію, но не принадлежитъ самому этому художнику. Послѣднее обстоятельство стало ясно съ того времени, какъ Овербекъ опубликовалъ въ Berichte über die Verhandl. d. Königl. sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften въ 1866 г. (ч. III) свою статью „О головѣ Фидіева Зевса“, къ которой приложилъ и изображеніе ея на монетѣ Еллады времени Адріана, хранящейся въ Парижѣ и уже раньше опубликованной Флидендеромъ, но безъ должнаго вниманія. Голова Зевса на этой монетѣ (Baum, III, p. 1318) не имѣетъ, можно сказать, ничего общаго съ только что описаннымъ бюстомъ Отриколи по внутренней идеѣ, вложенной въ нее художникомъ: она представляетъ Зевса, какъ благого отца, съ необычайно кроткимъ и милостивымъ выраженіемъ лица; просто зачесанные волосы, украшенные оливковымъ вѣнкомъ, нисколько не напоминаютъ грозно вздымающихся кудрей Олимпійца, какъ его представилъ въ I пѣснѣ Иліады Гомеръ. — Спрашивается: есть-ли въ древней литературѣ подтвержденіе тому, что именно таковъ былъ Зевсъ Фидія? Есть и при томъ весьма рѣшительныя показанія, совершенно не соотвѣтствующія древнему же преданію о заимствованіи этого образа изъ Гомера. Риторъ Діонъ Хрисостомъ (Quell. 705—712) называетъ изображеніе Олимпійскаго Зевса не только „прекраснѣйшимъ“ (κάλλιστον), но и особенно угоднымъ богамъ (θεοφιλέστατον), святымъ (σεμνόν), „исполненнымъ спокойствія и кроткимъ, спокойно озирающимъ безмятежную и согласную Елладу“ (ὁ δὲ ἡμέτερος — Ζεὺς — εἰρηνικὸς καὶ πανταχοῦ πρῶτος, οἷος ἀστασιάστου καὶ ὁμονοούσης

*) Langl, Götter und Helden-Gestalten; см. Baum. III, d. 1317.

τῆς Ἑλλάδος ἐπίσκοπος), безпечальнымъ (ἐν ἀλύπῳ σχήματι), подателемъ жизни и всякихъ благъ, общимъ отцомъ, спасителемъ челоѳчества (τὸν βίου καὶ ζωῆς καὶ ξυμπάντων δοτῆρα τῶν ἀγαθῶν, κοινὸν ἀνθρώπων καὶ πατέρα καὶ φύλακα. „Всякій челоѳкъ,“ — говоритъ онъ, — „исполненный горя и повергнутый въ бѣдствія, ставъ передъ этимъ изображеніемъ, забывалъ о всей горечи и неприятностяхъ жизни“. Очевидно, что такой образъ, какъ данный Гомеромъ, гдѣ Зевсъ самъ является въ состояніи возбужденія и заставляетъ дрожать весь Олимпъ, не могъ дѣйствовать такъ успокоительно на сердца челоѳческія. Это былъ богъ въ полномъ смыслѣ этого слова — „и инымъ его нельзя было представить себѣ“, говоритъ тотъ же Хрисостомъ. Тонкій цѣнитель прекраснаго и знатокъ искусства Цицеронъ въ „Ораторѣ“ (2, 8) замѣчаетъ, что, творя Зевса и Аѳину, „художникъ никого не бралъ за образецъ, но въ собственномъ умѣ его былъ вѣчный идеаль красоты“, въ умѣ его царилъ тотъ великій образъ, который и выразился въ этомъ произведеніи искусства, самими древними признанномъ за одно взъ 7 чудесъ свѣта и за стоящее выше всякаго подражанія (Plin. N. H. 34, 54: quem nemo aemulatur).

Полное изображеніе Зевса даютъ другія двѣ монеты, также времени Адриана, — одна находится во Флоренціи, другая — въ Берлинѣ (Overb. Pl. I, 258; Sybel, стр. 154*): онѣ вполне соотвѣтствуютъ данному Павсаніемъ описанію: крылатая Ника обращена къ богу въ полъ-оборота и протягиваетъ ему тенію или побѣдную повязку, не для того, чтобы вѣнчать его, такъ какъ онъ уже увѣнчанъ, а чтобы показать, что побѣда — его даръ и зависить всецѣло отъ Зевса, такъ какъ онъ еще и у Гомера названъ *ταμίης πολέμοιο***).

Почти одновременно съ этимъ Олимпійскимъ Зевсомъ Фидія возникло и изображеніе того же бога на Восточномъ фронтонѣ Олимпійскаго храма, принадлежащее Пэонію, художнику неизвѣстной школы, которую Бруннъ называетъ Сѣверной школой; во всякомъ случаѣ, она находилась подъ вліяніемъ Фидія. Правда, что колоссальная фигура Зевса на этомъ фронтонѣ, гдѣ представлено было приготовленіе къ состязанію Пелопса и Эномая, носитъ или, вѣрнѣе сказать, носила еще архаическій характеръ, какъ можно судить по головамъ фигуръ статуй той же группы, дошедшихъ до насъ, — такъ какъ отъ центральной фигуры самого Зевса сохранилось лишь туловище. Большинство изслѣдователей, съ Ратгебергомъ и Брунномъ во главѣ, принимаютъ эту фигуру за изображеніе статуи или идола божества, а не за самого Зевса, невидимо присутствовавшаго на состязаніи героев: этимъ они и объясняютъ архаичность изображенія. Зевсъ стоялъ, держа въ лѣвой рукѣ скипетръ, слѣды котораго ясно сохранились въ этой рукѣ, а правой придерживаетъ одежду, окутывающую лишь середину его тѣла; онъ обернулъ лицо свое на право къ стоящему рядомъ съ нимъ съ этой стороны Пелопсу,

* Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik (3 Aufl.). — Sybel, Weltgeschichte der Kunst.

** Лучшую реставрацію см. у Quatremère de Quincy, — Jupiter Olympien (исполнена красками, in folio).

чѣмъ какъ-бы предзнаменуется побѣда послѣдняго на этомъ колесничномъ состязаніи изъ-за невѣсты Гипподаміи (см. Цвѣтаевъ, 36, 37; ср. 39).

Къ этой же эпохѣ относятся и извѣстные намъ рельефы съ изображеніемъ Зевса: среди боговъ Парѣонскаго фриза былъ и Зевсъ (M.W. I, 115 f.), сидящій на украшенномъ сфинксами тронѣ около супруги своей, Геры; въ тотъ же зрѣломъ возрастѣ, какъ и вышеописанные типы, представленъ здѣсь повелитель Олимпа: какъ бы погруженный въ задумчивость, склонилъ онъ свою голову, обрамленную пышными волосами и волнистой бородой; слегка облокотившись лѣвой рукой на спинку кресла, онъ держитъ въ положенной на колѣно правой рукѣ свой царственный скипетръ, часть котораго ясно сохранилась на рельефѣ; одежда, спускаясь лишь съ половины тѣла, окутываетъ его одѣтыя въ сандали ноги. Вся поза полна спокойствія и необыкновеннаго достоинства: сочетаніе этихъ двухъ качествъ и характеризуетъ, какъ замѣтилъ еще Винкельманъ, школу Фидія, изъ мастерской котораго вышелъ этотъ рельефъ, по своей композиціи принадлежащій, вѣроятно, самому великому ваятелю. Къ V же вѣку, кромѣ весьма плохо сохранившагося рельефа съ фриза храма Безкрылой Ники, относится и рельефное изображеніе тоже на фрискѣ храма Оисея, т. наз. Оисейона, основаннаго въ 469 г., когда останки этого героя изъ Скироса привезены были Кимонъ въ Аѣины, гдѣ они играли такую же точно роль, какъ мощи въ христіанскихъ храмахъ; оконченъ же этотъ храмъ былъ значительно позднѣе, вѣроятно въ 445 г., на 7 лѣтъ раньше Парѣонона, постройка котораго закончилась въ 439 г. Здѣсь представленъ былъ бой Кентавровъ и Лапидовъ на свадьбѣ Периооя, гдѣ участвовалъ, между прочимъ, и самъ Оисей; среди враждующихъ сторонъ возсѣдали и боги, какъ невидимые зрители происходившаго, — совершенно такъ же, какъ и на фрискѣ Парѣонона, изображающемъ торжественное шествіе во время Великихъ Панаѣиней къ храму Дѣвы Аѣины. Зевсъ и здѣсь представленъ сидящимъ (Overb. Pl. стр. 348 — весь фрискъ, и 352 — Зевсъ; M.W. I, XXI, 109) рядомъ съ Герой и Аѣиной, хотя и не на тронѣ, а какъ-бы на скалѣ, можетъ быть, представляющей Олимпъ, подъ которымъ въ это время разумѣлось уже вообще небо. Лицо бога не сохранилось; одежда падаетъ какъ будто съ головы, закрывая всю нижнюю часть тѣла; поднятой лѣвой рукой Зевсъ, вѣроятно, опирался на скипетръ, который былъ нарисованъ краской. Надо замѣтить, что нѣкоторыя детали фриза исполнялись отдѣльно отъ общей его композиціи, или изъ бронзы, напр. оружіе, или подрисовывались краской. Объ общемъ типѣ и этого Зевса судить трудно: вѣроятно, Зевсъ Парѣонона мало отличался отъ него.

Таковы дошедшія до насъ изображенія Зевса эпохи Фидія: въ это время, повидимому, установилось правило — представлять Зевса въ зрѣломъ возрастѣ, но полнымъ мужества и величія; одеждой его служить только гиматій, оставляющій открытою верхнюю часть туловища: такъ, по предположенію Quatremère de Quincy, было и у Зевса Олимпійскаго, объ одеждѣ котораго, даже и послѣ опубликованія Илейскихъ монетъ, нельзя сказать,

за ихъ неясностью, ничего опредѣленнаго, хотя все-таки, повидимому, Зевсъ Олимпіи былъ покрытъ одеждою несравненно болѣе, нежели тотъ же богъ на фризѣ Парѳенона. И, судя по литературнымъ показаніямъ, надо думать, что этотъ типъ былъ въ V в. господствующимъ, при чемъ сидящія изображенія имѣли рѣшительный перевѣсъ; и это вполне естественно, разъ хотѣли выразить именно царственное величіе бога, представляемаго въ лѣтахъ уже вполне зрѣлаго мужа. Такой характеръ этихъ, не дошедшихъ до насъ, изображеній, какъ мнѣ кажется, подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ: Павсаній (IX, 34, 4) сообщаетъ, что въ храмѣ Аѳины Итоніи близъ г. Короней въ Віотіи (между Коронеей и Алалкоменами) были бронзовыя статуи этой богини и Зевса, работы Паросца Агоракрита, ученика и любимца Фидіа: ἐν δὲ τῷ ναῷ χαλκοῦ πεποιημένα Ἀθηνᾶς Ἰτωνίας καὶ Διός ἐστιν ἀγάλματα, τέχνη δὲ Ἀγορακρίτου, μαθητοῦ τε καὶ ἐρωμένου Φειδίου. Между тѣмъ, говоря, очевидно, о томъ же самомъ изображеніи, Страбонъ (IX, р. 411; Quell. 830) называетъ другую статую не Зевсомъ, а Адомъ, замѣчая, что онъ сидитъ рядомъ съ Аѳиной (συγκαθίσθρουται δὲ τῇ Ἀθηνᾷ ὁ Ἄιδης κατὰ τινα, ὡς φασί, μυστικὴν αἰτίαν). Адъ всегда изображался уже въ почтенныхъ лѣтахъ и, слѣдовательно, уже одно это заставляетъ предполагать то же самое и относительно этого Коронейскаго Зевса, разъ его можно было принять за Ада: только при этомъ условіи возможно сближеніе этихъ двухъ боговъ, — оба, какъ цари и владыки (одинъ — неба, другой — преисподней), возсѣдаютъ на тронахъ и оба уже давно вышли изъ юношескихъ лѣтъ. Подобную группу представляетъ гемма, хранящаяся въ Берлинѣ (M.W. II², 226), гдѣ, раздѣленные жертвенникомъ съ пылающимъ на немъ огнемъ, сидятъ — слѣва т. н. *Mipergva Medica*, а справа Зевсъ въ видѣ Ада, какъ верховный цѣлитель: какъ Адъ, онъ охарактеризованъ сидящимъ около него Церберомъ, но близость къ Аѳинѣ не даетъ возможности признать его за царя преисподней.

Но въ IV в., подъ вліяніемъ литературы и философіи, поставившей главный интересъ въ изученіи человѣка и его души, искусство вступаетъ въ новую фазу своего развитія: недосыгаемо-возвышенные образы, созданныя Фидіемъ, возможные только для его таланта и въ его эпоху, замѣняются теперь образами чисто-человѣческими. Младшая Аттическая школа, съ Праксителемъ и Скопасомъ во главѣ, рѣшительно низводитъ недосыгаемыхъ Олимпійцевъ на степень прекраснаго человѣка, совершеннаго въ своей красотѣ. Юность, какъ наиболѣе совершенный моментъ въ человѣческой жизни, является, поэтому, любимымъ возрастомъ, въ которомъ художники стремятся представить всѣхъ небожителей. Именно въ эту-то эпоху и возникли изображенія юнаго Зевса, котораго уже неловко было посадить на тронъ, какъ великаго владыку: идеаль юнаго Зевса, стоящаго въ царственно-благородной позѣ, — вотъ идеаль IV вѣка! Такое же направленіе замѣчается и въ искусствѣ Пелопоннеса, гдѣ юношески-сильное тѣло всегда было идеаломъ скульпторовъ, подъ вліяніемъ суровой, воинственной Спарты съ одной и Олимпійскихъ игръ съ другой стороны. И Поликлетъ Младшій, какъ сообщаетъ Павсаній (VIII, 31, 4), создалъ въ 371 г. въ Мегалополѣ *Zēos*

Φίλιος въ видѣ Діониса, въ котурнахъ, съ чашей въ одной и съ оирсомъ, украшеннымъ орломъ, въ другой рукѣ: юный Зевсъ стоялъ, протягивалъ въ рукѣ чашу въ знакъ милосердія; это былъ богъ милостивый, защитникъ человѣческаго общества. Таковымъ мы находимъ его на монетахъ Мегалополя*).

Изъ художниковъ Младшей Аттической школы Зевсомъ занимались слѣдующіе: отецъ Праксителя Кефисодотъ, стоящій еще на рубежѣ между искусствомъ V и IV вв., создалъ два изображенія Зевса, въ которыхъ какъ бы заплатилъ дань и старому, и новому направленію: въ Мегалополѣ, вскорѣ послѣ 371 г. (годъ основанія города) была поставлена его статуя Зевса Сотера изъ пентелійскаго мрамора, представляющая его сидящимъ на тронѣ (Paus. VIII, 30, 10): на монетахъ этого города находимъ голову Зевса съ лавровымъ вѣнкомъ. И, по всѣмъ вѣроятіямъ, ему же принадлежитъ бронз. статуя Зевса, стоявшая рядомъ съ Аѳиной въ Аѳинскомъ портѣ Пиреѣ (Ἀθηνᾶς καὶ Διὸς τέμενος, Paus. I, 1, 3), гдѣ купцы приносили жертвы послѣ счастливаго плаванія. Зевсъ держалъ въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой — Нику и, слѣдовательно, по общему характеру былъ еще близокъ къ Зевсу Фидіа. Этотъ типъ встрѣчаемъ на монетахъ Ахейскаго союза, гдѣ Зевсъ представленъ съ бородой, но совершенно нагимъ (M.W. II, 20; Overb., Zeus Münzt. II, 17 и 17^a), и на бронзовомъ медальонѣ императора Антонина Пія (M.W. II, 36), гдѣ Зевсъ имѣетъ хламиду, перекинутую черезъ лѣвое плечо, но нисколько не закрывающую его тѣла. — Кромѣ самого Праксителя, создавшаго и Зевса въ группѣ 12 боговъ, сдѣланной имъ для Мегары, гдѣ, какъ надо полагать, Зевсъ, какъ и всѣ прочіе боги, былъ представленъ стоящимъ (Paus. I, 40, 2 и 3), — кромѣ него, Леохаресъ создалъ между прочими изображенія Зевса, намъ мало извѣстными, Ζεὺς Πολιεύς на Аѳинскомъ Акрополѣ (Paus. I, 24, 4), стоявшаго рядомъ съ древнимъ изображеніемъ этого же бога: О. Янъ видитъ этого Зевса на бронзовыхъ монетахъ Аѳинъ времени имперіи (M.W. II¹, 23): Зевсъ съ бородой стоитъ, совершенно нагой, съ молніей въ опущенной правой и съ чашей въ протянутой лѣвой рукѣ: молнія означаетъ силу, а чаша — милость; алтарь, изображенный передъ нимъ на монетѣ, стоялъ и передъ самой статуей, какъ сообщаетъ Павсаній. — Нѣсколько изображеній Зевса принадлежатъ и знаменитому Лисиппу, но характеръ ихъ мало извѣстенъ: однако, судя по общему стилю этого художника, стремившагося всегда къ болѣе или менѣе эффектному, изысканному, можно отнести къ его школѣ всѣ подобнаго рода изображенія. — Наконецъ, Дедалъ создалъ Ζεὺς Στρατιεύς въ Виѳинскомъ городѣ Никомидіи; это Зевсъ воинственный, съ чѣмъ согласны и эпитеты его, и атрибуты — сѣкиры и копья (ср. M.W. II, 29 и 30).

Въ заключеніе, необходимо упомянуть т. наз. Ζεὺς Νικηφόρος въ Дафнѣ близъ г. Антиохіи, въ храмѣ, основанномъ, по словамъ Іоанна Малалы, императо-

*) Смѣшеніе атрибутовъ Зевса и Діониса видно на бронзовомъ бюстѣ въ собраніи гр. А. С. Уварова. См. А. Н. Шварцъ, Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста, въ XII т. „Древностей“, 1888.

ромъ Діоклетіаномъ (III в.); но изображеніе этого Зевса, очевидно, сдѣланнаго въ подражаніе Зевсу Олимпійскому, находимъ на монетахъ уже Антіоха I, т. е., начала III в. до Р. Хр., такъ что, несомнѣнно, здѣсь раньше былъ храмъ, м. б. только возобновленный впоследствии. Этого Зевса видимъ на монетахъ Антіохіи (*Overb. Münzt.* II, 6); именно въ такомъ видѣ сохранились до нашего времени многія сидящія статуи Зевса, съ орломъ около трона: гиматій, однимъ концомъ накинутый на лѣвое плечо, закрываетъ лишь нижнюю часть туловища; протянутая правая рука бога держитъ Нику, подающую ему вѣнокъ, а лѣвая опирается о скипетръ. Орель, Ника и скипетръ — самые обычные атрибуты Зевса, при чемъ иногда вмѣсто Ники появляется въ рукѣ его молнія или чаша: они знаменуютъ его, какъ всемогущаго царя міра, дарователя побѣды; чаша же является символомъ милосердія. Здѣсь невозможно умолчать о великолѣпныхъ рельефахъ съ большого жертвенника въ Пергамѣ, воздвигнутаго царемъ Эвменомъ II, сыномъ Аттала, въ 1-ую половину 2-го вѣка до Р. Хр. (155 г.). Незначительный писатель II в. христіанской эры, Л. Амелій въ своемъ *Liber Memorialis* (с. 8), перечисляя чудеса свѣта, говоритъ: *Pergamo ora marmorea magna, alta pedes quadraginta, cum maximis figuris; continet autem Gigantomachiam.* И долгое время это произведеніе искусства было неизвѣстно: правда, уже въ 50-хъ годахъ Бруннъ, съ свойственной ему проницательностью, какъ бы провидѣлъ цѣлый блестящій періодъ искусства въ Пергамѣ, основываясь на нѣсколькихъ, уже и въ то время извѣстныхъ, статуяхъ Галловъ; но лишь въ 1875 г., благодаря раскопкамъ Carl Humann-а, цѣлый особый художественный міръ, съ чудными, высоко-идеальными образами, развернулся передъ очарованными изслѣдователями.

Стиль пергамскихъ рельефовъ, представляющихъ бой боговъ съ гигантами, по своему благородству, силѣ и возвышенности формъ, превосходитъ все, созданное въ эту и даже многое — въ предшествовавшую эпоху: это, по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, было возрожденіе прежняго, почти Фидіевскаго духа въ пластикѣ; но бѣльшія техническія знанія положили особый отпечатокъ совершенства на эти титаническіе, полные жизни и силы образы Пергамскихъ рельефовъ. Цѣлая трагедія развертывается передъ взорами зрителя, и каждый отдѣльный актъ ея неотразимо дѣйствуетъ на самаго черстваго человѣка. Здѣсь ужасное гармонически соединилось съ прекраснымъ, и вышла картина, производящая такое-же точно впечатлѣніе, какъ представленіе драмы Эсхила: по видимому, теорія Аристотеля, выведенная изъ глубокаго изученія имъ древней трагедіи, оказала не малое вліяніе даже и на такую область искусства, какъ пластика. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ здѣсь хорошихъ фотографій этихъ рельефовъ*), хранящихся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ, и должны удовольствоваться болѣе чѣмъ скромными рисунками у Овербека (II, стр. 238). Здѣсь, въ группѣ А, мы видимъ

*) См. рисунокъ самаго алтаря у *Overbeck, griech. Plastik*, II, стр. 231. Также см. Благовѣщенскій, Винкельманъ и позднія эпохи греч. скульптуры, Спб. 1891.

Зевса съ эгидой на лѣвой рукѣ, которую протянулъ онъ впередъ для защиты и съ перуномъ въ замахнувшей правой, который онъ съ силой готовъ пустить въ ползающихъ у ногъ его змѣногихъ гигантовъ; одежда, раздуваемая отъ сильнаго и стремительнаго движенія разгнѣваннаго бога, спустилась до половины его тѣла, полного силы и красоты. Къ несчастью, лицо Олимпійца не сохранилось: но не трудно представить его себѣ при той грозной позѣ, въ которой изображенъ здѣсь Зевсъ! (Реставрація у Tangl т. 37.)

Наконецъ, уже къ позднѣйшему времени, именно къ I в. до Р. Хр., относится возникновеніе Юпитера Капитолійскаго, сдѣланнаго Аполлопиемъ изъ слоновой кости, но статуя эта погибла во время пожара храма при Суллѣ, и впослѣдствіи храмъ этотъ перестроивался дважды: въ третій разъ начать онъ былъ при императорѣ Титѣ и оконченъ при Домиціанѣ; и только съ послѣдняго храма дошелъ до насъ рисунокъ фронтона (XVI в.); его глиняный слѣпокъ въ видѣ рельефа, да монеты имперіи часто представляютъ три главныя капитолійскія божества: Юпитера, Юнону и Минерву. Юпитеръ, въ зрѣломъ возрастѣ, какъ свидѣтельствуетъ глиняный рельефъ, сидѣлъ на тронѣ между Минервой и Юноной (MW. II¹, B) *), положивъ правую руку на колѣно, а лѣвой опираясь на скипетръ; гиматій слегка только покрывалъ его тѣло; у ногъ его распростеръ крылья орелъ, какъ символъ его царственной власти. Три божества въ cella самого возстановленнаго храма изображены на монетахъ, напр., относящейся къ 82 г. по Р. Хр., вѣроятно послѣ второй передѣлки храма: въ серединѣ сидитъ Юпитеръ, справа стоитъ, опираясь о копье, Минерва, слѣва — Юнона; и на монетѣ Антонина Пія (MW. II¹, 12), вѣроятно, относящейся къ послѣдней перестройкѣ храма, начатой Титомъ (ум. 81 г.), гдѣ всѣ три божества представлены сидящими на тронахъ. Этотъ Юпитеръ, также, какъ и воздвигнутый при Адрианѣ Зевсъ Олимпійскій, изображеніе котораго часто встрѣчается на монетахъ Аонія, восходятъ оба къ Зевсу Фидію и представляютъ мало оригинальнаго: это было время оскуднѣнія творческой фантазіи, когда художники жили только идеалами славнаго прошлаго. Въ заключеніе этого историческаго обзора я укажу на изображеніе Зевса, принадлежащее Архелая изъ Пріэны и относящееся ко времени импер. Тиверія: этотъ художникъ представилъ на рельефѣ „Апоѳеозу Гомера“ (Брит. Муз.), гдѣ на верху изображенъ Зевсъ, полулежащій какъ бы на скалѣ; на богатыхъ волосахъ его тѣнія, большая борода обрамляетъ его лицо; широкія формы бога не обнаруживаютъ, однако, той силы, которая присуща ему и которую являютъ всѣ памятники чистаго искусства; по традиціи, гиматій окутываетъ лишь нижнюю часть его тѣла, а ноги украшены котурнами**).

Такова исторія художественнаго типа Зевса, насколько возможно прослѣдить ее по литературѣ и дошедшимъ до насъ памятникамъ. Прежде

*) Лучше см. рисунокъ у Baumeister, I, стр. 765.

**) См. Baumeister, I, стр. 112.

чѳмъ, однако, сдѳлать изъ всего сказаннаго общїй выводъ, разсмотримъ хотя главнѳйшія изъ дошедшихъ до насъ скульптурныя изображенїя Зевса, которыя не могутъ быть съ достаточной опредѳленностью отнесены къ той или другой эпохѳ или приписаны какому-либо извѳстному по имени художнику. Такихъ изображенїй довольно много, какъ цѳлыхъ статуй, такъ и бюстовъ, не говоря уже о множествѳ рельефныхъ изображенїй на монетахъ и геммахъ; значительная часть этихъ произведенїй собрана какъ въ атласѳ Овербека, такъ и въ собранїи Кларика *Musée de sculpture*; но въ виду ихъ однообразїя я остановлюсь лишь на болѳе типичныхъ, могущихъ служить представителями цѳлой однородной группы. Обращаясь первоначально къ цѳлымъ статуямъ, мы легко можемъ, какъ это и сдѳлалъ Овербекъ, раздѳлить ихъ на 2 большихъ класса: изображенїя Зевса, сидящаго на тронѳ, и стоящаго въ той или другой позѳ. Какъ уже раньше было показано, оба рода изображенїй въ древности существовали на ряду, и даже Зевсъ стоящїй, можетъ быть, былъ болѳе древнимъ типомъ; что же касается Зевса, возсѳдающаго на тронѳ, то всѳ, относящїяся сюда статуи, въ болѳшей или меньшей степени, находятся въ зависимости отъ олимпїйскаго Зевса Фидїя, но явно отклоняются отъ этого оригинала, такъ что истинный прообразъ ихъ доселѳ не найденъ. Большинство относящихся сюда статуй, представляющихъ, конечно, бога въ зрѳломъ возрастѳ мужа, полного силы, характеризуется накинутымъ на лѳвое плечо гиматїемъ, закрывающимъ лишь нижнюю часть тѳла; лѳвая рука поднята и опирается на скипетръ, у всѳхъ почти статуй не сохранившїйся, но легко дополняемый реставраціей по рисункамъ монетъ; правая же рука лежитъ на колѳнѳ или иногда на груди. Такъ какъ руки въ большинствѳ случаевъ сохранились не вполне, то опредѳлить атрибутъ не вездѳ возможно: вѳроятно, имъ была или молнїя, или чаша, или даже Ника и орелъ (ср. Критскую монету у M-W. II, 9). Лишь три статуи, кромѳ гиматїя, имѳють еще и хитонъ, какъ мы видѳли это на геммѳ, представляющей Зевса — Ада. Представителемъ этой группы обыкновенно считается Зевсъ Вероспи, въ Ватиканскомъ музеѳ (*Zangl*, 2; *MW.* II, 7), прославленный Висконти, но впоследствии значительно развѳнчанный Кларакомъ и Овербекомъ, такъ какъ онъ почти весь реставрированъ и притомъ довольно грубой работы. Совершенно таковъ же, но, кажется, превышаетъ его размѳрами, Зевсъ — побѳдоносецъ, Петербургскаго Эрмитажа, тоже въ значительной (хотя и менѳе, чѳмъ Вероспи) степени реставрированный (Гедеоновъ, № 152). Ближе же всѳхъ, повидимому, подходит къ Фидїю маленькая статуэтка Лїонскаго *Musée lapidaire* (*MW.* II, 8), представляющая Зевса сидящимъ въ царственномъ спокойствїи на богато изукрашенномъ тронѳ; правая рука его, нынѳ держащая шаръ, знаменующїй собою землю, реставрирована и прежде, можетъ быть, держала богиню побѳды. Весьма вѳроятно, что эта статуэтка и сдѳлана, если не по Фидїю, то по Зевсу Адриана, сдѳланному въ свою очередь въ подражанїе Олимпїйскому. Вѳнская бронза, найденная въ Лидїи, *Overb. Zeus*, стр. 122, относится къ тому же типу.

Изъ статуй Зевса, одѳтыхъ и въ тунику (хитонъ) и гиматїй, укажемъ

колоссальнаго Зевса, найденнаго въ Солунтѣ въ Сициліи (MW. II, 15) и принадлежащаго, какъ полагаютъ, къ римской эпохѣ: вся статуя сдѣлана изъ мѣстнаго камня и только часть шеи и голова — изъ чистаго мрамора, который въ Сициліи рѣдокъ. Всѣ изслѣдователи обращаютъ въ этой статуй вниманіе на необычайно высокій тронъ и богато изукрашенную скамью подъ ногами Зевса. Что касается позы, то поднятой лѣвой рукой богъ опирается о скипетръ, а въ согнутой правой, судя по нѣкоторымъ отверстіямъ, держалъ бронзовую молнію. Гиматій по обыкновенію перекинутъ черезъ плечо и закрываетъ ноги, одѣтыя въ сандали. Лицо Зевса съ богатыми, падающими на плечи волосами и небольшой, по обыкновенію, бородой, носитъ весьма возвышенный, идеальный характеръ.

Весьма многочисленны и статуи Зевса, представляющія его стоящимъ, при чемъ одеждой бога служить или гиматій, но безъ хитона, или римскій плащъ, или короткая хламида, и, наконецъ, есть даже изображенія совершенно обнаженнаго Зевса. Всѣ относящіяся сюда статуи пользуются небольшою извѣстностью и при томъ легко дѣлятся на нѣсколько, болѣе или менѣе крупныхъ группъ: я позволю себѣ остановиться только на представителяхъ каждой группы, имѣющей что-либо особо характерное для типа Зевса, и обойду молчаніемъ всю массу относящихся сюда скульптуръ, значительную часть которыхъ можно найти въ атласѣ Кларака Musée de sculpture: для насъ важно знакомство съ типомъ, а не съ отдѣльными индивидуальностями. Прежде всего мы должны отмѣтить такія изображенія Зевса, гдѣ онъ стоитъ въ величественной позѣ, опершись лѣвой рукой въ бокъ, а правую положивъ на скипетръ. Представителемъ этой группы можетъ служить Зевсъ, найденный въ Тиндарисѣ и нынѣ находящійся въ Палермскомъ музеѣ (Overb. Zeus, стр. 132): одежда плотно окутываетъ его лѣвое плечо, всю руку и всю нижнюю часть тѣла, спускаясь спереди угломъ. Характеръ лица необыкновенно строгій, что особенно выражается глубокими складками на лбу и переносѣ; волосы осѣняютъ лицо кругомъ, короткая борода и усы, — сдѣланные, надо сказать, весьма грубо, — характерны для этого бога. Вся поза выражаетъ твердость и величіе, на ряду съ необычайной простотой одежды, падающей широкими, плотными складками. Монета изъ Пафлагонскаго города Амастриса, чеканенная при Антонинѣ Піи (MW. II¹, 22), представляетъ совершенно такого же Зевса, только въ профиль, какъ это всегда бываетъ на монетахъ, и съ орломъ у его ногъ: надпись Ζεύς Στρατηγός Ἀμαστριατῶν опредѣляетъ его, какъ Зевса-Вождя, которому и приличествуетъ какъ подобная поза, такъ и скипетръ, какъ символъ власти. Близокъ сюда и Сиракузскій Jupiter imperator на монетѣ этого города, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и опирающійся на опущенное книзу остріемъ копья вмѣсто скиптра (MW. II 22^a). Судя по возвышенности и простотѣ этого типа, а также принимая во вниманіе существованіе стоящихъ изображеній Зевса уже съ давняго времени, смѣю высказать убѣжденіе, что прообразъ этого типа возникъ въ концѣ V в., но указать его, во всякомъ случаѣ, невозможно. Близокъ къ этой группѣ, представляющей Зевса болѣе

или мѣнѣ какъ грознаго и великаго владыку, и другой типъ, отличающійся отъ только что описаннаго тѣмъ, что правая рука бога не поднята на скипетръ, а опущена и держитъ молнію, какъ можно заключить по сохранившемуся атрибуту у одной подобной статуэтки въ галлерей Уффици во Флоренціи. У прочихъ же статуй этого рода или атрибутовъ, или вся нижняя часть руки не сохранилась и принадлежитъ реставраторамъ. Эти изображенія, сильно напоминающія Аскленія, имѣютъ своимъ представителемъ статую въ Неаполитанскомъ музеѣ. Этого Зевса Пановка считаетъ за *Zeus Ἄγος* и, думаю, справедливо, такъ какъ къ этому подходила бы и поза, и молнія въ рукѣ, характеризующая его здѣсь, при мирной позѣ, какъ твердаго блюстителя законовъ и охранителя учреждений, а не грознаго владыку міра, съ чѣмъ не согласно и выраженіе лица бога. И здѣсь тѣ же типичныя черты, которыя мы указали еще у Зевса Отриколи: тѣ же высоко поднятые волосы, та же короткая курчавая борода, то же раздѣленіе лба.

Къ этой группѣ примыкаютъ тѣ изображенія Зевса, у которыхъ не только правая, но и лѣвая рука свободны отъ одежды, при чемъ правая или опущена (въ Капитол. музеѣ), или поднята и опирается на скипетръ, а лѣвая опущена и, судя по соотвѣтствующимъ рельефамъ на монетахъ, держала чашу. Представителемъ этой группы можетъ считаться Зевсъ Берлинскаго музея (*Overb. Zeus*, стр. 138), тоже сильно реставрированный: концы обѣихъ рукъ и сидящій съ права около него орелъ, принадлежатъ позднѣйшему времени. Одеждой и здѣсь служитъ гиматій, накинутый концомъ на лѣвое плечо и закрывающій всю нижнюю часть тѣла. Внѣшній типъ лица приблизительно тотъ же, что и въ только что указанной Неапольской статуѣ, но здѣсь голова такъ сильно реставрирована, что судить о ней вполнѣ невозможно. Чаша, на ряду со скиптромъ, характеризуетъ его, какъ *Zeus Μετλίχης*, какъ кроткаго и милостиваго царя; царственное величіе показываютъ и сандалии на его ногахъ.

Теперь мы переходимъ къ цѣлому ряду статуй, охарактеризованныхъ короткой одеждой, оставляющей значительную часть тѣла открытой, при чемъ эта одежда дѣлается все короче и короче и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Первой группой здѣсь являются такія изображенія, гдѣ одежда, перекинута черезъ лѣвую руку, закрываетъ собой лишь середину туловища, доходя до колѣнъ. Судя именно по этой одеждѣ, болѣе римской, чѣмъ греческой, надо думать, что оригиналъ этого рода возникъ въ сравнительно позднюю эпоху, опредѣлить которую невозможно: но это были любимыя изображенія для императоровъ, которыхъ представляли обыкновенно въ видѣ того или другого бога. Такова большая мрам. статуя Зевса въ *Villa Albani* въ Римѣ (*Overb. Zeus*, стр. 141), также значительно реставрированная: всѣ ея атрибуты не античны, хотя, по видимому, возстановлены вѣрно: что касается распростершаго свои крылья орла, то часть его сохранилась еще и отъ древности, именно, часть праваго крыла. Короткіе, сравнительно съ предыдущими статуями, волосы бога нисколько уже не напоминаютъ роскош-

ныхъ волосъ Отрикольскаго бюста; строгое лицо довольно величественно, но мало характерно для Зевса.

Далѣе, этотъ широкій плащъ, однимъ концомъ перекинутый черезъ лѣвое плечо, весь падаетъ богатыми складками назадъ: статуи этого рода представляютъ уже ясный переходъ къ совершенно нагимъ изображеніямъ. Лучшимъ образцомъ является статуя Юпитера въ Луврѣ (*Overb. Zeus*, стр. 144); судя по искусственной позѣ, по стремленію къ эффекту, явно въ ней выражающемуся, и по нарушенію вѣрности дѣйствительности, — такъ какъ накинутаго такимъ образомъ плащъ, ничѣмъ не придержанный, долженъ неминуемо упасть съ плеча, — она относится къ очень позднему времени, именно, какъ предполагаетъ Waagen, ко времени импер. Адриана. На монетахъ этого императора (*Overb. Zeus, Münzt. II*, 35) съ подписью *Jovi Victori* представленъ Юпитеръ въ такой же одеждѣ, даже не накинутаго на плечо и держащейся неисповѣдимыми путями: въ правой, согнутой въ локтѣ, рукѣ его — молнія, а лѣвой онъ опирается на копье, опущенное внизъ остриемъ. Статуя Лувра по движенію рукъ, правда, отличается отъ этого *Jup. Victor*: у нея правая рука опущена и держитъ, вѣроятно, молнію, которая здѣсь и реставрирована, а лѣвая поднята и, судя по движенію тѣла, отклонившагося на право, опиралась на скипетръ или копье; у ногъ его справа сидитъ, смотря на бога, орелъ, почти весь реставрированный.

Эта неестественная и мало осмысленная статуя и характеризуетъ печальное состояніе пластики въ вѣкъ имперіи. Съ нею не лишнее, впрочемъ, сравнить и *Jupiter Conservator* на монетахъ Максиміана (*Zeus, Mtaf. II*, 33) и Діоклетіана (*il. 33^a*), гдѣ поднятая лѣвая рука держитъ конецъ одежды, играющей на этомъ изображеніи странную роль: повидимому, она сдѣлана только для большаго эффекта!

Еще болѣе приближается къ обнаруженнымъ статуямъ слѣдующая группа изображеній, гдѣ римскій плащъ замѣняется разной величины, но во всякомъ случаѣ короткой, хламидой, накинутаго на лѣвое плечо. Гератическій рельефъ этого рода на ножкѣ канделябра въ Museo Pio-Clementino (*MW. II*, 19), о которомъ я уже говорилъ выше, доказываетъ, на мой взглядъ, существованіе этого типа въ сравнительно раннюю, еще чисто-греческую эпоху, — и этой эпохой, какъ я убѣжденъ, былъ блестящій IV в. до Р. Хр., когда жили и дѣйствовали Пракситель, Скопасъ и Лисиппъ. Относящаяся сюда статуя — всѣ изъ бронзы, что, на мой взглядъ, указываетъ на школу Лисиппа, особенно любившаго этотъ матеріалъ. Вѣнецъ этой группы представляетъ статуя въ галлерей Уффици во Флоренціи (*Overb. Zeus, Taf. 1, fig. 17*): Зевсъ спокойно стоитъ, слегка согнувъ въ колѣнѣ лѣвую ногу; въ опущенной правой рукѣ его молнія; согнутая лѣвая, на которую накинута еще довольно длинная хламида, вѣроятно, опиралась на скипетръ; ноги обуты въ красивые полусапоги. Волосы бога, раздѣленные по серединѣ лба, падаютъ кудрями, длинная борода его волниста. Лицо обнаруживаетъ полное внутреннее спокойствіе, основанное на сознаніи своей силы, обозначенной молніей. Его тѣло молодо, и сильно,

по въ то же время мягкость всѣхъ формъ его особенно указываетъ на вліяніе Лисишповой школы, которая, въ свою очередь, не осталась въ сторонѣ отъ теченія, даннаго Праксителемъ. Надо думать, что этотъ вполне человѣченый образъ принадлежитъ концу IV вѣка.

Наконецъ, минуя мало чѣмъ выдающіяся изображенія такого же рода, какъ и предыдущія, но съ откинутой назадъ хламидой, перейдемъ къ послѣдней группѣ изображеній, представляющихъ Зевса совершенно нагимъ и повторяющихся на многихъ монетахъ Имперіи. Представителемъ этой, весьма немногочисленной группы можетъ служить бронзовая статуя Вѣнскаго Музея (*Overb. Zeus*, стр. 15a), особенно цѣнная потому, что въ ней сохранился атрибутъ въ опущенной правой рукѣ, именно молнія, тогда какъ въ прочихъ статуяхъ этого рода онъ б. ч. отсутствуетъ. Поднятая лѣвая рука, вѣроятно, опиралась на скипетръ. Голова бога, съ кроткимъ выраженіемъ лица, нѣсколько склонена въ правую сторону, и кудри его убраны лавровымъ вѣнкомъ, ленты котораго свѣшиваются на плечи; на ногахъ также полусапоги. Глаза этой статуи были вставлены изъ драгоценнаго камня, что часто встрѣчается въ статуяхъ греко-римской эпохи, но они, конечно, не сохранились. Судя по лавровому вѣнку, можно думать, что это Зевсъ Олимпійскій или вообще Зевсъ, какъ патронъ различныхъ игръ и состязаній.

До сихъ поръ мы говорили объ изображеніяхъ, представляющихъ Зевса въ возрастѣ зрѣлаго мужа; но этотъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы мы не указали на существованіе типа юнаго Зевса, отчасти безъ бороды, отчасти съ небольшой бородой. Еще въ началѣ историческаго обзора типа этого божества, я указалъ на *Zeus* какъ *παῖς* работы Агелада въ Ахѣѣ и Мессиніи, гдѣ существовали сказанія о рожденіи Зевса. Но и помимо извѣстныхъ намъ изъ Павсанія юныхъ изображеній бога, начинающихся уже съ V в., мы видимъ его на Сиракузской монетѣ (*M.W.* II, 6°), гдѣ по типу онъ вполне напоминаетъ Аполлона, и лишь волосы надо лбомъ и лавровый вѣнокъ указываютъ на *Zeus Ἑλληνικός*; но почему онъ представленъ юнымъ вопреки обыкновенію, до сихъ поръ не выяснено. Превосходная статуя во Флоренціи (*Overb. Zeus*, Taf. 2, fig. 19), съ реставрированной частью длинной, накинутой на плечи хламидой и сосуда, на который она падаетъ, представляетъ лучшее и чуть-ли не единственное изображеніе юнаго Зевса, какъ бога свѣта и силы. Поза его полна необыкновеннаго благородства и достоинства; прекрасное лицо обращено вверхъ, къ небу, куда указываетъ онъ и лѣвой рукой. Волнистые, длинные волосы, раздѣленные проборомъ, обрамляютъ его идеальное, мечтательное лицо. По нѣжности и мягкости стили, по своей благородной и возвышенной простотѣ, эта статуя смѣло можетъ быть отнесена къ концу греческаго періода искусства или къ началу греко-римск., когда всѣхъ боговъ стремились изобразить юными. Дальнѣйшія же изображенія юнаго Зевса принадлежатъ исключительно римлянамъ и встрѣчаются на цѣломъ рядѣ монетъ, представляющихъ его, какъ

бога солнца, — *Jur. Puer* и *Juvenis*, поздняго времени имперіи (имп. Коммода?). Таковъ юный Зевсъ на Этрусскомъ зеркалѣ (M.W. II, 25^a) — *Tinia*, — между сидящимъ Аполлономъ (*Apulu*) и легко узнаваемымъ по своимъ атрибутамъ Гермесомъ (*Turms*); таковъ и Зевсъ на геммѣ Нейса (*Νείσοο* — M.W. II, 25) —, совершенно нагой, съ молніей въ правой и эгидой въ лѣвой рукѣ, опирающейся на щитъ; около него орелъ. Побѣдная повязка, тенія, на головѣ указываетъ на Зевса, какъ побѣдителя Титановъ, въ каковомъ видѣ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ (Христорора), изображенъ былъ Юлій Цезарь. Юнаго же Зевса, но съ бородой обыкновенно, какъ побѣдителя Гигантовъ, представляютъ нѣкоторые бюсты, напр., Британ. Музея (M.W. II, 3), и исполненное достоинства силы и торжества лицо Зевса въ Луврскомъ бюстѣ (M.W. II, 4). Болѣе охарактеризованъ юный Зевсъ, какъ побѣдитель, на большой камей изъ Библиотеки св. Марка въ Венеціи (ib. II, 5): это Зевсъ эгіохъ, съ эгидой черезъ плечо и съ лавровымъ вѣнкомъ побѣдителя на курчавыхъ волосахъ.

Мнѣ остается указать на 2, стоящія совершенно особнякомъ, рода изображеній Зевса, именно, Зевса Додонскаго и Зевса — Аммона. Зевсъ Додонскій отличается отъ обычныхъ изображеній тѣмъ, что голову его украшаетъ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, при чемъ онъ нерѣдко является съ покрываломъ на головѣ, означавшимъ, какъ думаютъ (*Visconti*), облако или мракъ вообще, такъ, что это былъ Зевсъ *Skotitas*, *Νεφεληγερέτης*, *Ομβριος, какъ податель дождя, и *Καθάρισος*. Лучшимъ изображеніемъ Додон. Зевса служить бронзовый бюстъ въ Вѣнскомъ Музеѣ, гдѣ онъ охарактеризованъ дубовымъ вѣнкомъ, покрываломъ и молніей. Всѣ эти изображенія поздняго времени, такъ какъ первоначально Додон. Зевсъ совѣтъ не имѣлъ изображенія.

Зевсъ Аммонъ, занесенный въ Грецію Киренскими колонистами изъ Африки, представляетъ смѣшеніе египетскаго Амуна — Ра, бога солнца и плодородія, съ *Chnubis* или *Sperh*, изображавшимся обыкновенно съ рогами. Уже въ 1-ой половинѣ V в. возникло изображеніе Зевса-Аммона съ рогами барана въ Оивахъ, посвященное Пиндаромъ: баранъ былъ символомъ дождевого облака и влаги вообще, такъ что, слѣдовательно, Аммонъ былъ сходенъ по значенію съ египет. Ра, какъ богъ, посылающій плодородіе. Это типъ почти исключительно варварскій, и значительная часть бюстовъ Аммона представляетъ его въ полудикомъ, полувѣрскомъ видѣ. Статуй его нѣтъ, а бюсты*) совпадаютъ по характеру съ рельефами на монетахъ. — *Overb. Zeus, Münzt. IV, 1—23* и въ атласѣ.

Что касается изображеній мифовъ, героевъ которыхъ является Зевсъ, то здѣсь придется указать только на его сраженіе съ Гигантами и послѣднимъ противникомъ его, чудовищемъ Тифономъ, сыномъ Геи, гдѣ Зевсъ является или на колесницѣ съ пламеннымъ перуномъ въ рукѣ, какъ на

*) См. *Baum. I, p. 66.*

знаменитой геммѣ Аѳеніона въ Museo Borbonico (M.W. II, 34^a), или пѣшимъ, съ молніей же въ рукѣ, какъ на указанномъ выше превосходномъ Пергамскомъ рельефѣ, такъ и въ борьбѣ съ Тифономъ на монетахъ Діоклетіана Jovі Fulgatorі, M.W. II, 35^a, и на геммахъ, напр., въ галлерей во Флоренціи, ib. 34. Прочіе же миѳы, трактующіе о его любовныхъ похиженіяхъ, хотя и изображены на множествѣ памятниковъ всякаго рода, но для насъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ здѣсь Зевсъ или совсѣмъ отсутствуетъ, или изображается то въ видѣ лебедя, напр., съ Ледой (M.W. II, 43, 44^a и пр.), то въ видѣ орла, напр., съ Ганимедомъ (ib. 51^b, 53 и пр.), то въ видѣ быка, напр., съ Европой (Roscher*), стр. 1414; 1418), то въ каррикатурномъ видѣ, какъ на вазѣ, представляющей Зевса съ Гермесомъ подъ окномъ Алкмены (M.W. II. 491) и т. д.

Какъ царь и отецъ боговъ и людей (Deum pater atque hominum rex), Зевсъ олицетворяетъ собой идею величія и блага. Такъ изображаетъ его Гомеръ, дающій полный образъ этого бога; такъ представилъ его идеаль впервые Фидій (V в.). Дальнѣйшіе же художники обыкновенно выражали, какъ мы могли усмотрѣть это изъ ряда прошедшихъ передъ нами изображеній, или ту, или другую сторону его существа, т. е. или величія, или блага, помня при этомъ, что они изображаютъ царя. Изображеніе царственной силы и величія и было главной цѣлью художниковъ, такъ что не даромъ Овидій сказалъ: Jovis est regalis imago. А къ такому образу болѣе подходитъ, конечно, зрѣлый возрастъ, почему типъ юнаго Зевса и рѣдокъ: какъ владыка міра, онъ всюду представляется въ зрѣломъ возрастѣ мужа, полного энергіи и силы. Это не тѣло атлета и не массивное и тяжелое тѣло Посидона: онъ съ силой соединяетъ легкость и мягкость формъ. Строгость и сила его умиряются кротостью, приличной владыкѣ, и яснымъ самодовольствомъ, основаннымъ на сознаніи этой силы. Сочетаніемъ силы и кротости и олицетворялись идея царя и отца. Внѣшнимъ образомъ та и другая сторона Зевса характеризовалась атрибутами молніи, скиптра и орла — для обозначенія силы, и чаши — для означенія кротости и милосердія. Эгида и лавровый вѣнокъ или Ника на его рукѣ характеризовали его, какъ побѣдителя всѣхъ его враговъ.

Такому богу болѣе всего приличествовало изображеніе его сидящимъ на тронѣ (εἰθρονος), особенно если хотѣли выразить полное спокойствіе царя, низложившаго уже всѣхъ враговъ своихъ и нынѣ возсѣдающаго въ качествѣ верховнаго владыки и судьи. Къ этой величественной позѣ подходило и одѣяніе Зевса, состоящее обыкновенно изъ гиматія и хитона.

Но важнѣе всего для характеристики типа, несомнѣнно, лицо, и вотъ всѣ типичныя черты лица Зевса особенно рельефно выступаютъ въ превосходномъ бюстѣ изъ Отриколи. Этотъ особый интересъ къ лицу Олимпійца

*) Roscher = Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie.

начался еще съ Гомера, впервые создавшаго высоко художественный образъ верховнаго бога. И въ этомъ лицѣ прежде всего замѣчательны волосы: они у него богатые, длинные, въ локонахъ, то отброшенные назадъ, то обрамляющіе лицо, какъ сіяніе Геліоса; то ложатся они большими, то расчесаны маленькими прядями, или особенно возвышаются надъ лбомъ, согласно съ знаменитыми стихами Иліады.

Волосамъ головы вполне соотвѣтствуетъ широкая и волнистая борода, умѣренно кудрявая и умѣренно длинная.

Характеренъ высокій и прекрасный лобъ Зевса, созданный еще Фидіемъ: нижняя часть его выпукла, верхняя — вдавлена, и этимъ означаетъ связь мудрости съ силою воли. Глубоко лежащіе въ своихъ орбитахъ глаза, особенно отгнѣняемые выпуклостью лба, выражаютъ погруженіе въ самого себя, глубокую вдумчивость и могучій умъ. Подвижныя брови ясно характеризуютъ его энергичную натуру, полную внутренняго движенія, скрывающагося подъ спокойнымъ величіемъ царя.

Сильный носъ, полураскрытыя, какъ будто дышашія губы и умѣренно полныя щеки, придающія печать добродушія сильному очерку его лица, дополняютъ величавый образъ Олимпійца. Такъ мудро сдумѣли греческіе художники воплотить въ мраморѣ идею мощнаго царя и кроткаго и любящаго отца*).

*) Ср. К. О. Müller, Handbuch der Archaeologie der Kunst, 2 Abdruck, 1878, § 349 слд.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОКРАТА.

[По Zeller, Philos. d. Gr.]

Н. Кузнецовъ, Ставрополь.

Предметомъ настоящаго труда будетъ служить изложеніе характеристичныхъ свойствъ личности Сократа, замѣнитаго греческаго философа. Слѣдуетъ замѣтить, что Сократъ имѣлъ и до сихъ поръ еще имѣетъ большое воспитательное значеніе, какъ для юнаго поколѣнія, такъ и для людей болѣе зрѣлаго возраста. Всякій изъ насъ, болѣе или менѣе знакомый съ его біографіей, невольно чувствуетъ къ нему большое уваженіе и съ удивленіемъ относится къ его нравственному ученію и въ особенности къ той твердости характера, которая доходила у него до полнаго самопожертвованія. Нечего и говорить, что ближайшіе собесѣдники Сократа благоговѣли предъ своимъ учителемъ и поражались этой необыкновенной, по тому времени, личностью, которая тѣмъ болѣе поработчала ихъ своему нравственному вліянію, чѣмъ менѣе изъявляла претензій на это вліяніе. Многимъ, вѣроятно, извѣстно то выраженіе Сократа, которымъ онъ опредѣлялъ свой взглядъ на характеръ своихъ познаній, говоря, что онъ достовѣрно знаетъ только то, что онъ ничего не знаетъ. И дѣйствительно, Сократъ, собственно говоря, никогда никого не училъ и никому насильно не навязывалъ своихъ убѣжденій, а, напротивъ, весьма часто принималъ на себя роль человѣка мало свѣдущаго и вступалъ въ бесѣду съ своими слушателями какъ бы только для того, чтобы самому отъ нихъ научиться чему нибудь или чтобы вмѣстѣ съ ними посредствомъ постепеннаго ограниченія понятій дойти до вѣрнаго ихъ опредѣленія. Вотъ почему собесѣдники Сократа нигдѣ не называются его учениками; обыкновенно же они называются или его товарищами, или сопричастующими (*συνούτες*), или еще какъ нибудь иначе. Эта-то скромность философа, въ соединеніи съ его необыкновенной силой ума, и производила обаятельное впечатлѣніе на его слушателей, а его жизнь, вполне согласованная съ его убѣжденіями, вызвала много подражателей.

Педагогическое значеніе Сократа въ учебномъ отношеніи обусловливается двумя важными его заслугами: примѣненіемъ индуктивнаго метода въ изслѣдованіи и точнымъ опредѣленіемъ понятій. Сократъ первый выяснилъ, что для того, чтобы не путать понятій и притти къ какому либо опредѣленному и вѣрному мнѣнію, нужно прежде всего строго установить значеніе словъ, а для точнаго опредѣленія понятій необходимъ индуктивный методъ, т. е., заключеніе отъ частнаго къ общему. Въ нравственномъ же отношеніи Сократъ имѣетъ то значеніе, что онъ первый высказалъ мысль, что самопознаніе есть лучшій путь къ добродѣтели что добродѣтель есть знаніе и потому можетъ служить предметомъ изученія. Ясно сознавая добро и зло, человѣкъ, по мнѣнію Сократа, не можетъ дѣлать зла: въ противномъ случаѣ, онъ сознательно дѣлалъ бы то, что считалъ бы вредомъ для себя. Разумъ, руководящій насъ въ познаваніи добра и зла, Сократъ считаетъ началомъ божественнымъ въ человѣкѣ, и цѣлью послѣдняго должно быть возможно большее приближеніе къ божественному и разумному. Свое ученіе Сократъ подтверждалъ собственнымъ примѣромъ и вѣрность своимъ убѣжденіямъ запечатлѣлъ смертію.

Въ настоящемъ случаѣ не будемъ касаться изложенія системы его философскаго ученія, а ограничимся только изображеніемъ тѣхъ чертъ въ его личности, которыя обусловливали это ученіе и которыя, такимъ образомъ, относятся къ послѣднему, какъ причина къ слѣдствію.

Нѣтъ ни одного философа, научное значеніе котораго было бы столь тѣсно соединено съ его личными свойствами, какъ это мы видимъ у Сократа. Правда, каждая философская система ближайшимъ образомъ есть произведеніе извѣстной личности и, въ большей или меньшей степени, проявляетъ ея особенности, выясняя ходъ постепеннаго ея образованія. Но у другихъ философовъ плоды ихъ научной жизни легко можно отдѣлить отъ ствола, который произвелъ ихъ, и ученіе ихъ, въ сущности, представляетъ изъ себя видоизмѣненіе и продолженіе ученія ихъ предшественниковъ, отличавшихся совершенно иною индивидуальностью; относительно же Сократа нельзя сказать того же самаго. Его философская система не столько касается извѣстныхъ научныхъ положеній, которыя, по своему существу, различными философами могли быть поняты одинаковымъ образомъ, сколько представляетъ намъ извѣстное направленіе его жизни и мышленія, его философскій характеръ и искусство научнаго изслѣдованія. Это то обстоятельство и должно заставить насъ обратить особенное вниманіе на природныя свойства въ личности замѣчательнаго греческаго мыслителя.

О характерѣ Сократа древность вообще отзывается съ величайшимъ уваженіемъ. Правда, приверженцы нѣкоторыхъ философскихъ школъ, позволяють себѣ высказывать о немъ самыя обидныя сужденія, обвиняя его въ непочтительности къ своему отцу во время дѣтства и въ безпорядочной жизни во время юности, а въ зрѣломъ возрастѣ приписывая ему такія черты, какъ невѣжество, нахальство, крайнюю раздражительность и чрезвычайную

слабость къ женщинамъ. Но эти сужденія, высказываемыя притомъ лицами, жившими значительно позже Сократа, не заслуживаютъ большой вѣры и могутъ развѣ доказывать только то, что Сократъ лишь послѣ упорной и продолжительной борьбы со своими страстными наклонностями сдѣлался такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Свидѣтели, гораздо болѣе достойные и стоявшіе съ нимъ въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ, знаютъ его какъ человѣка, уже закончившаго свое развитіе, съ почтеніемъ взираютъ на его характеръ и считаютъ его славнымъ представителемъ нравственности и гуманности. „Никто“, рассказываетъ Ксенофонтъ, „никогда не видѣлъ и не слышалъ со стороны Сократа ничего безбожнаго... Онъ былъ настолько благочестивъ, что ничего не дѣлалъ безъ совѣта съ богами, настолько справедливъ, что никогда никого не обидѣлъ даже въ пустякахъ, владѣлъ собою настолько, что никогда не отдавалъ предпочтенія пріятному передъ добромъ, былъ настолько разуменъ, что никогда не дѣлалъ ошибки въ различеніи добра и зла“; однимъ словомъ, „онъ былъ лучшимъ и счастливѣйшимъ мужемъ, какой только могъ быть когда нибудь.“ Вообще, Ксенофонтъ видитъ въ Сократѣ образецъ выносливости, умѣренности и самообладанія, считаетъ его за человѣка, исполненнаго благочестія и любви къ отечеству, непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ, дающаго благоразумные и вѣрные совѣты своимъ друзьямъ, и любезнаго и учтиваго въ обращеніи съ своими собесѣдниками. Онъ неутомимо занимается воспитаніемъ людей, ловитъ каждый удобный случай, чтобы всѣхъ, съ кѣмъ только онъ ни входитъ въ сношенія, привести къ самопознанію и добродѣтели, а въ юношахъ старается искоренить самомнѣніе и легкомысліе. Подобнаго рода отзывы мы находимъ и у другого ученика Сократа — Платона, который называетъ его самымъ лучшимъ, умнѣйшимъ и справедливѣйшимъ мужемъ своего времени, посвятившимъ всю свою жизнь на служеніе божеству и умирающимъ во имя этого служенія. И Платонъ также рассказываетъ намъ объ умѣренности и самообладаніи Сократа, о его постоянной дѣятельности на пользу юношества, о его гражданской доблести и политическомъ мужествѣ и о другихъ его нравственныхъ качествахъ. Однимъ словомъ, каждая черта, приписываемая ему, въ концѣ концовъ, даетъ намъ образъ нравственнаго величія, который тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего удивленія, чѣмъ менѣе мы замѣчаемъ въ немъ чего либо искусственнаго или заимствованнаго.

При всей своей самобытности характеръ Сократа неизбѣжно носить на себѣ отпечатокъ греческой нравственности. Будучи во всемъ своемъ существѣ грекомъ вообще и афиняниномъ въ частности, Сократъ не могъ вполне отрѣшиться отъ вліянія своей націи. Его прославленная умѣренность не заключаетъ въ себѣ чуждаго духу грека аскетическаго элемента. Такъ, Сократъ любитъ веселое общество, хотя въ тоже время избѣгаетъ шумныхъ пирушекъ. При представившемся случаѣ онъ не только не уклоняется отъ чувственныхъ удовольствій, но даже не прочь допустить и чрезмѣрность при пользованіи ими. Маленькіе бокалы на пирушкѣ, описываемой Ксенофонтомъ, были потребованы не потому, чтобы Сократъ вовсе не желалъ притти въ

оживленное настроеніе, но потому, что онъ хотѣлъ, чтобы это оживленіе появлялось постепенно, а не сразу, и Платонъ даже восхваляетъ своего учителя за то, что онъ одинаково былъ способенъ пить и много, и мало, и за то, что онъ превосходилъ всѣхъ своимъ искусствомъ пить, хотя въ тоже время самъ никогда не напивался допьяна; мало того, случалось даже, что Сократъ послѣ проведенной за бокалами ночи, напоивши все общество, возвращался, какъ ни въ чемъ не бывало, къ своему обычному дѣлу. Умѣренность Сократа, такимъ образомъ, не представляетъ собою полного воздержанія отъ пользованія тѣми или другими удовольствіями: она только есть свобода духа, пользуясь которой, человѣкъ не теряетъ самообладанія и благоразумія.

Насколько далекъ былъ Сократъ отъ того, чтобы въ своей морали проповѣдывать строгость современной морали, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать многочисленныя мѣста въ сочиненіяхъ Ксенофонта. Приведемъ къ примѣру хотя то мѣсто, гдѣ самъ Сократъ высказываетъ свой взглядъ на воздержаніе: „Въ то время, какъ невоздержность“, говоритъ онъ, „не давая намъ возможности переносить ни голода, ни жажды, ни бессонницы, посредствомъ которыхъ только и возможно пріятно поѣсть, попить, отдохнуть и поспать . . . , воздержаніе, которое одно только заставляетъ насъ съ твердостью переносить вышеназванныя лишенія, позволяетъ намъ вкушать достойныя воспоминанія наслажденія.“ Точно также и обращеніе Сократа съ юношами носитъ свойственный грекамъ характеръ любви къ мальчикамъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя онъ и иронически относится къ подобнаго рода своей мнимой влюбчивости и стоитъ здѣсь выше всякихъ подозрѣній, однако своимъ отношеніямъ къ прекраснымъ юношамъ онъ позволяетъ себѣ придавать характеръ какъ бы чувственныхъ отношеній. Порицая сильнѣйшимъ образомъ этотъ ненавистный греческій обычай, онъ въ тоже время изображаетъ свои отношенія къ юнымъ друзьямъ въ эротической формѣ. Далѣе, въ политическихъ и этическихъ воззрѣніяхъ Сократа мы опять видимъ черты, свойственныя греческой націи, и его вѣрованія не свободны отъ вліянія народныхъ религіозныхъ вѣрованій. Насколько глубоки были въ немъ эти черты, видно не только изъ его повиновенія государственнымъ законамъ, которое онъ обнаруживалъ въ теченіе всей своей жизни, но и изъ того искренняго уваженія, которое онъ оказывалъ греческой религіи: самое убѣдительное доказательство въ этомъ представляетъ намъ его конецъ. Чтобы не нарушить законовъ, онъ съ пренебреженіемъ относится къ обычному роду защиты, а позднѣе къ средствамъ побѣга изъ темницы, и то, что Симонидъ написалъ надъ могилой Леонида, можно также примѣнить и къ Сократу: онъ умеръ именно ради послушанія государству.

Не смотря на то, что характеръ Сократа носитъ на себѣ глубокой національный отпечатокъ, мы, съ другой стороны, можемъ замѣтить въ немъ такія черты, которыя совершенно чужды духу греческой націи и которыя самимъ современникамъ Сократа представлялись чѣмъ то страннымъ и непонятнымъ. По крайней мѣрѣ, ближайшій ученикъ Сократа, Платонъ, считаетъ его за рѣдкаго и удивительнаго человѣка, слова и дѣйствія котораго

не имѣютъ никакого сходства съ словами и дѣйствіями кого либо изъ людей, какъ жившихъ въ одно время съ нимъ, такъ и жившихъ въ предшествовавшую ему эпоху. Эта особенность въ характерѣ Сократа, поражающая его современниковъ, заключается, по мѣткому и вѣрному замѣчанію Платона, въ томъ разногласіи между міромъ внутреннимъ и міромъ внѣшнимъ, которое стоитъ въ такой прямой противоположности съ пластическимъ взаимнымъ проникновеніемъ этихъ двухъ міровъ, составлявшимъ идеаль древняго грека. Съ одной стороны, мы видимъ въ Сократѣ равнодушіе къ внѣшнимъ явленіямъ, чуждое вообще духу грековъ; съ другой стороны, мы замѣчаемъ въ немъ неизвѣстное до сихъ поръ углубленіе въ созерцаніе своей внутренней жизни. Въ первомъ случаѣ Сократъ проявляетъ въ себѣ крайнюю прозаичность и какую то даже педантичность, доходящую до мелочности, рѣзко отступая отъ уваженія къ прекраснымъ и художественнымъ формамъ греческой жизни; во второмъ — онъ раскрываетъ передъ умами грековъ формы высшаго существованія, источники котораго заключаются внутри самаго человѣка и котораго самъ Сократъ не обнаруживалъ вполнѣ, представляя, такимъ образомъ, изъ себя нѣчто демоническое. Вотъ почему Сократъ своимъ слушателямъ казался существомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ существъ, — человекомъ, въ которомъ обитаетъ какая то непостижимая сила. Объ этой особенности въ характерѣ своего учителя свидѣлствуютъ одинаково какъ Ксенофонтъ, такъ и Платонъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ изъ „Меморabilia“ Ксенофонта, раскрывая понятіе объ гиппархѣ, Сократъ слишкомъ подробно перечисляетъ его обязанности. Въ другихъ мѣстахъ онъ или обстоятельно говоритъ о такихъ видахъ, которые очень хорошо извѣстны его собесѣдникамъ, или идею прекраснаго сводитъ къ понятію полезнаго и достоинство поведенія измѣряетъ степенью его цѣлесообразности. Въ діалогѣ „Федръ“ Сократъ заявляетъ, что онъ не желаетъ гулять, такъ какъ деревья и окрестности ничему не могутъ научить его, а въ „Пирушкѣ“, описываемой Ксенофонтомъ, онъ, вопреки всѣмъ древнимъ обычаямъ, одинъ танцуетъ въ домѣ, чтобы этимъ моціономъ укрѣплять въ себѣ физическія силы, причемъ самъ защищаетъ это свое обыкновеніе. Вообще, и въ словахъ, и поступкахъ Сократъ вездѣ упорно преслѣдуетъ одну только полезную сторону вещей. Эти данныя доказываютъ преобладаніе въ Сократѣ разсудочной способности, не признающей цѣны въ тонкости аттическаго вкуса къ жизни, если только въ этомъ вкусѣ отсутствуетъ элементъ полезности. Вотъ почему въ одномъ изъ діалоговъ Платона Алкивиадъ говоритъ, что рѣчи Сократа съ перваго взгляда кажутся смѣшными и невѣжественными, потому что въ нихъ онъ разсуждаетъ о вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, сапожникахъ, кожевникахъ и, вообще, о предметахъ общеизвѣстныхъ, и что Сократъ, повидимому, всегда и одинаковымъ образомъ разсуждаетъ объ одномъ и томъ же: до того странно представлялась для современниковъ разсудочная дѣятельность Сократа, которая заставляла его намѣренно пренебрегать формами изысканной рѣчи и прискивать для своихъ мыслей простыя и общепонятныя выраженія.

Эта особенность въ характерѣ Сократа зависѣла отъ полноты и но-

визны его духовнаго содержанія, для котораго обычныя формы выраженія не были достаточны. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы замѣчаемъ, что работающій духъ философа то теряется въ этой работѣ до нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, то проявляется въ неясной формѣ загадочныхъ предчувствій, которая выступаетъ въ немъ какъ нѣчто чуждое его наблюдательному существу. Случалось, что Сократъ, погруженный въ свои размышленія, въ теченіе долгаго времени оставался совершенно равнодушнымъ къ внѣшнему міру и находился даже какъ бы внѣ своего духа. Платонъ рассказываетъ, что онъ способенъ былъ отъ одного дня до другого простоять на одномъ мѣстѣ въ подобномъ состояніи. Вотъ до какой степени доходила въ немъ борьба съ самимъ собою, чтобы путемъ этой борьбы притти къ ясному міросозерцанію и такимъ образомъ разрѣшить безпокоившія его недоумѣнія. Но если при всемъ томъ оставались еще какія нибудь чувства и побужденія, которыя Сократъ затруднялся привести въ ясность въ своемъ сознаніи, то въ такомъ случаѣ къ нему являлась на помощь вѣра въ божественное откровеніе, которая въ концѣ концовъ и успокаивала его. Сократъ не только былъ вообще убѣжденъ, что онъ служитъ божеству и дѣйствуетъ во имя его, но онъ вѣрилъ также, что это божество открываетъ ему свою волю какъ посредствомъ народныхъ оракуловъ, такъ и посредствомъ сновидѣній и даже еще путемъ того особаго рода высшаго внушенія, которое извѣстно подъ именемъ *δαίμονιον*.

Подъ этимъ словомъ уже въ древнее время разумѣли какой то геній, которому приписывали отдѣльное отъ личности философа существованіе и съ которымъ онъ будто бы часто входилъ въ сношенія. Такъ, обвиняя Сократа въ томъ, что онъ отвергаетъ государственныхъ боговъ и вводитъ какія то новыя божества, обвинитель его, Мелитъ, называетъ эти божества *δαίμονια*, имѣя въ виду, конечно, то *δαίμονιον*, на которое такъ часто ссылался Сократъ. Подобный взглядъ долго господствовалъ и въ наше время. Но трудно думать, чтобы Сократъ при своей разсудительности способенъ былъ къ такого рода мечтательному пониманію, и его просвѣщенные почитатели, какъ, напр., Ксенофонтъ и Платонъ, были бы сильно огорчены этимъ обстоятельствомъ. Поэтому одни старались извинить его отчасти народными суевѣріями того времени, отчасти его личнымъ расположеніемъ къ мечтательности, а другіе прямо считали мнимыя откровенія высшаго духа за сознательное изобрѣтеніе Сократа или даже за продуктъ его ироніи. Между тѣмъ подобное толкованіе до того не согласуется съ тономъ, въ какомъ Сократъ у Платона и у Ксенофонта говоритъ объ указаніяхъ своего *δαίμονιον*, и съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ ему въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ своей жизни, что разумѣть подъ *δαίμονιον* какое нибудь произведеніе болѣзненно настроеннаго организма значитъ почти тоже, что считать это понятіе за продуктъ воображенія человѣка, тронутаго въ своемъ разсудкѣ, а въ самомъ Сократѣ, реформаторѣ философіи, видѣть не что иное, какъ безумнаго мечтателя.

Всѣ подобнаго рода объясненія потеряли для насъ всякую цѣну съ тѣхъ поръ, какъ Шлейермахеръ и, вслѣдъ за нимъ, другіе компетентные ученые

доказали, что подъ *δαίμονιον* Сократа не слѣдуетъ разумѣть какого либо генія или какого нибудь особеннаго и отдѣльнаго отъ личности философа существа и что это понятие обозначаетъ только неопредѣленнымъ образомъ какой то голосъ божества, божественное откровеніе. Ни у Платона, ни у Ксенофонта нигдѣ прямо не говорится о дѣйствительномъ сношеніи Сократа съ какимъ либо демономъ, и вездѣ у нихъ упоминается только о тѣхъ или другихъ указаніяхъ божества или демона, о томъ неопредѣленномъ голосѣ, которому Сократъ внимааетъ и который въ однихъ случаяхъ ему противодѣйствуетъ, а въ другихъ содѣйствуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что такого рода божественное откровеніе Сократъ сознавалъ внутри своего существа; но какимъ образомъ оно получилось и кто былъ его ближайшимъ виновникомъ, это чрезвычайно трудно рѣшить, и эта неопредѣленность довольно ясно доказываетъ то, что ни Сократъ, ни его ученики не составили себѣ объ этомъ опредѣленнаго представленія. Кромѣ того, *δαίμονιον* у Сократа всегда относится къ извѣстному кругу дѣйствій и по отношенію къ нимъ обнаруживается, главнымъ образомъ, въ формѣ запрещенія: *δαίμονιον* обыкновенно только препятствуетъ философу сдѣлать или сказать что нибудь и лишь косвеннымъ образомъ указываетъ ему на то, что онъ долженъ сдѣлать; въ послѣднемъ случаѣ оно какъ бы допускаетъ то, чего оно не запрещаетъ, и такимъ образомъ даетъ возможность Сократу оказать полезную услугу и своимъ друзьямъ.

Предметы, относительно которыхъ высказывается голосъ *δαίμονιον*, чрезвычайно неодинаковы и по достоинству, и по качеству. Не говоря уже о томъ, что этотъ голосъ руководитъ Сократомъ при выдающихся случаяхъ въ его жизни, какъ, напр., во время его защиты предъ судомъ или по поводу вопроса, имѣвшаго громадное вліяніе на характеръ всей его дѣятельности среди современнаго общества, — голосъ *δαίμονιον* направляетъ его дѣйствія даже при самыхъ ничтожныхъ побужденіяхъ. Вообще, Сократъ чрезвычайно часто говоритъ о немъ своимъ слушателямъ, такъ что послѣдніе, хотя и разсуждаютъ о немъ, какъ о чемъ то загадочномъ, необыкновенномъ, чего прежде никогда не бывало, и хотя видятъ въ немъ особенное доказательство божественнаго попеченія, однако не прибѣгаютъ при этомъ къ какой либо торжественности или мистицизму, выражаясь про него совершенно спокойнымъ, а иногда даже прямо шутивнымъ тономъ. Фактически *δαίμονιον* имѣло въ жизни Сократа то значеніе, что онъ нерѣдко, благодаря этому, ему самому непонятному и ни на какомъ сознательномъ изображеніи неоснованному чувству, въ которомъ онъ видѣлъ указаніе божества, не разъ былъ удерживаемъ отъ произведенія въ исполненіе какой либо мысли или какого либо намѣренія. Если бы онъ спросилъ самъ себя, зачѣмъ ему дается это указаніе, онъ могъ бы отвѣтить согласно основному пункту своей философіи: „затѣмъ, что то, отъ чего оно насъ удерживаетъ, для насъ самихъ или для другихъ могло бы быть вредно.“ Поэтому, чтобы оправдать внушенія *δαίμονιον* и отдать себѣ отчетъ въ ихъ основаніяхъ, онъ старается доказать, что дѣйствія, которыя оно одобряетъ и на которыя оно направляетъ, должны быть самыми цѣле-

сообразными и полезными. Указаніе *δαίμονιον* вмѣстѣ съ тѣмъ было для Сократа какъ бы внутреннимъ откровеніемъ божества также и относительно послѣдствій его дѣйствій, или, такъ сказать, внутреннимъ оракуломъ. Какъ у Ксенофонта, такъ и у Платона ему довольно ясно приписывается общій характеръ предсказанія. У Ксенофонта, напр., *δαίμονιον* ставится на ряду съ жертвами, полетомъ птицъ и другими средствами для узнаванія будущаго, и самъ Сократъ рекомендуетъ пользоваться имъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и при пользованіи другими гадательными средствами, т. е., когда человѣкъ собственными силами не въ состояніи рѣшить того или другого практическаго вопроса.

Уже изъ этого видно, что область философскаго изслѣдованія не подчинена Сократомъ влиянію *δαίμονιον*. Напротивъ, Сократъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто либо другой раньше его, эту область предоставилъ исключительно одной только познавательной дѣятельности человѣка. И дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ у Сократа ни одного примѣра, чтобы какое либо умодрительное положеніе или какой либо общій нравственный законъ были вредны путемъ влиянія голоса *δαίμονιον*. Даже увѣренность философа въ своемъ высшемъ посланничествѣ нельзя принимать за плодъ этого тайнаго внушенія, и то божество, отъ имени котораго Сократъ считалъ себя посланнымъ для испытанія людей, было вовсе не *δαίμονιον*. Далѣе, если этотъ голосъ, по Платону, имѣлъ въ себѣ только запретительную силу, а никакъ не побудительную, то положительное повелѣніе божества, на которомъ основываетъ свою дѣятельность Сократъ, не могло исходить отъ *δαίμονιον*. И дѣйствительно, ни у Платона, ни у Ксенофонта нигдѣ оно ему не приписывается. Сократъ, правда, говоритъ, что богъ далъ ему порученіе заниматься дѣломъ испытанія людей и что богъ побуждаетъ его къ этой дѣятельности, но онъ нигдѣ не говоритъ, чтобы все это исходило отъ *δαίμονιον*. Послѣднему онъ скорѣе обязанъ тою особенною помощію при выполненіи своего философскаго призванія, которая удерживаетъ его отъ измѣны ему вслѣдствіе занятій политическими дѣлами.

Многіе хотятъ разумѣть подъ *δαίμονιον* голосъ совѣсти; но и это опредѣленіе, съ одной стороны, слишкомъ широко, съ другой — слишкомъ узко. Если подъ совѣстью разумѣть нравственное сознаніе вообще или, точнѣе, нравственное чувство, насколько оно обнаруживается въ моральномъ сужденіи о нашихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, то ея опредѣленія не ограничиваются одной будущностью какъ опредѣленія *δαίμονιον* Сократа: она заявляетъ о себѣ прежде всего въ одобреніи или неодобреніи, слѣдующемъ за нашими поступками. Съ другой стороны, совѣсть исключительно имѣетъ отношеніе къ нравственному достоинству или недостоинству нашего поведенія; указанія же *δαίμονιον* у Сократа, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду послѣдствія поступковъ; ему приписывается особенная форма прорицанія. Если даже предположить, что Сократъ иногда ошибался относительно настоящаго свойства своихъ чувствъ и побужденій, которыя ему самому казались внушеніями, что онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ былъ того мнѣнія, что божество запрещало ему тотъ или другой поступокъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности это запрещеніе исходило отъ свой-

ственного ему нравственного чувства, то всетаки и подобное пониманіе не может относиться ко всѣмъ приговорамъ *δαμόνιον*. Если оно запрещаетъ ему заниматься политикой, то, безъ сомнѣнія, настоящая причина этого заключается въ томъ чувствѣ, что политическая дѣятельность не согласовалась съ убѣжденіемъ Сократа въ болѣе важномъ и высшемъ призваніи, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь; въ этомъ случаѣ можно, пожалуй, сказать, что опредѣленія совѣсти приняли у него форму *δαμόνιον*. Но по отношенію къ запрещенію готовиться къ защитительной рѣчи на судѣ, подобныя разсужденія уже не имѣютъ такой силы. Вотъ что говоритъ самъ Сократъ по этому поводу: „Когда одинъ изъ учениковъ его, Гермогенъ, напомнилъ ему, что онъ долженъ подумать о защитѣ, онъ сказалъ: „Не кажется ли тебѣ, что я всю жизнь провелъ, заботясь объ этомъ?“ Гермогенъ спросилъ его, чѣмъ же онъ выразилъ эту свою заботу. Сократъ отвѣтилъ: „Тѣмъ, что я ничего не дѣлалъ другого, какъ только изслѣдовалъ справедливое и удерживался отъ несправедливаго, а это я считаю лучшимъ приготовленіемъ къ защитѣ“. Тогда Гермогенъ возразилъ ему: „Развѣ ты не видишь, что аѳинскіе судьи посредствомъ обмана осудили уже многихъ ни въ чемъ неповинныхъ, а многихъ виновныхъ освободили?“ — „Но клянусь Зевсомъ, Гермогенъ“, отвѣчалъ Сократъ, „въ то время, какъ я сталъ обдумывать свою защиту предъ судьями, божество воспротивилось.“ Далѣе, въ отвѣтъ на удивленіе Гермогена, Сократъ продолжалъ: „Считаешь ли ты удивительнымъ то, что богу угодно, чтобы я уже умеръ. Развѣ ты не знаешь, что я до настоящаго времени не допускаю, чтобы кто нибудь жилъ лучше или пріятнѣе, чѣмъ я?“ По моему мнѣнію, лучше всего живутъ тѣ, которые болѣе всего заботятся о томъ, чтобы сдѣлаться какъ можно лучшими, а пріятнѣе всего тѣ, которые чувствуютъ, что становятся лучшими. До настоящаго времени я чувствовалъ, что это со мной бываетъ и . . . я всегда утверждалъ свое мнѣніе о себѣ, и не только я, но и мои друзья всегда такого мнѣнія обо мнѣ, и не потому, что они меня любятъ, . . . но потому, что думаютъ, что, находясь въ обществѣ со мною, они дѣлаются лучшими. Если же я буду жить долѣе, то, можетъ быть, придется переносить бремя старости . . . уже хуже размышлять, стать неспособнѣе къ тому, къ чему я прежде былъ способенъ . . . Если же я невинно умру, то это будетъ стыдомъ для тѣхъ, которые меня осудили несправедливо . . . Я знаю, что я найду уваженіе у людей, если теперь умру не такъ, какъ тѣ, которые меня осудили. Я знаю, что мнѣ будутъ приписывать то, что я никогда никого не обижалъ, никого не сдѣлалъ худшимъ, но всегда старался сдѣлать моихъ слушателей лучшими.“ Такого рода основанія для оправданія своего поведенія Сократъ приводитъ, очевидно, отъ имени *δαμόνιον*, и изъ этихъ основаній видно, что *δαμόνιον* ничего безнравственнаго не находило въ защитѣ Сократа, но не одобряло этой защиты, главнымъ образомъ потому, что ему самому желательно было прекратить существованіе Сократа, такъ какъ дальнѣйшая его жизнь была бы бесполезна какъ для него самого, такъ и для учениковъ его.

Такимъ образомъ необходимо отличать нравственное чувство или голосъ

совѣсти отъ голоса *δαίμονιον*. Слѣдуетъ замѣтить, что самъ Сократъ говоритъ, будто этотъ голосъ руководить имъ даже при совершенно незначительныхъ побужденіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ нравственная оцѣнка извѣстнаго поступка совершенно неумѣстна. Кромѣ того, Сократъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, старался основать свои дѣйствія на ясныхъ представленіяхъ и, съ другой стороны, онъ все, до чего мы можемъ дойти путемъ собственнаго размышленія, исключалъ изъ области проріцанія, характеръ котораго, именно, и носило его *δαίμονιον*; а если это такъ, то мы тѣмъ менѣе имѣемъ право заключать, чтобы то или другое нравственное рѣшеніе Сократа главнымъ образомъ или даже исключительно зависѣло отъ голоса *δαίμονιον*. Этотъ голосъ, вообще, является только извѣстной формой, въ которую облекалось живое, но недоведенное еще до яснаго пониманія своихъ основаній чувство несоотвѣтствія какого либо поступка съ собственнымъ сознаніемъ Сократа. Дѣйствія, которыхъ касалось это чувство, могли быть, какъ мы уже видѣли, весьма различны по своему роду и значенію; точно также должны были быть различны и внутреннія побудительныя причины, изъ которыхъ оно вытекло. Источникомъ его могло быть какое либо нравственное соображеніе, которое являлось у философа безъ яснаго, однако, сознанія его, — или забота о послѣдствіяхъ того или другого шага, которая у опытнаго наблюдателя людей возникала со всею своею силою, какъ первое впечатлѣніе, прежде чѣмъ можно было отдать себѣ отчетъ въ основаніяхъ своего предчувствія. Могло быть такъ, что дѣйствіе, которое само по себѣ не заключало въ себѣ ничего безнравственнаго и неразумнаго, въ то же время противорѣчило чувству Сократа на томъ основаніи, что оно не отвѣчало своеобразному характеру его существа, или что при незначительныхъ побужденіяхъ въ вступали вмѣстѣ всѣ тѣ безотчетныя вліянія и стремленія, которыя тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ нашему расположенію и нашимъ намѣреніямъ, чѣмъ менѣе яснымъ представляется намъ извѣстный предметъ. „*Δαίμονιον*“, если можно такъ выразиться, „есть внутренній голосъ индивидуальнаго такта“, такъ какъ этимъ названіемъ можно обозначить вообще чувство мѣры въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, насколько оно обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Это чувство уже рано и съ необыкновенною силою пробудилось въ Сократѣ, а въ послѣдствіи, благодаря присутствующему ему острому и неустанному наблюденію за самимъ собою и за другими людьми развилось до такой вѣрности, что только рѣдко, или даже, какъ онъ думалъ, никогда своими послѣдствіями не обманывало его. Однако отъ его собственнаго внутренняго сознанія былъ скрытъ психологическій источникъ этого чувства и съ самаго начала принялъ у него форму чуждаго вліянія и какого то высшаго откровенія или оракула. Здѣсь мы видимъ, насколько вѣрованія народа имѣли силу надъ Сократомъ, такъ что всѣ тѣ чувства, которыя въ своихъ основаніяхъ не могли быть имъ объяснены, приобрѣтали надъ нимъ неодолимую силу и служили такимъ образомъ областью, стоявшею выше его самосознанія. Съ другой стороны, такъ какъ *δαίμονιον* выступаетъ у Сократа на мѣсто прочихъ указаній и предзнаменованій, то

Гегель по справедливости видитъ въ немъ признакъ того, что теперь рѣшеніе, которое раньше, въ силу вѣрованія грековъ въ предсказанія, зависѣло отъ внѣшнихъ явленій, стало зависѣть уже отъ внутренняго міра человѣка; и если, притомъ, даже такимъ предчувствіямъ, которыя никакъ нельзя было разрѣшить въ ясныя понятія, приписывается очень высокое значеніе, если въ нихъ прямо замѣчается откровеніе божества, то это съ большею силою доказываетъ только то, что духъ началъ уже обращать вниманіе на свои внутреннія явленія, занимаясь собою въ той формѣ, которая до сихъ поръ была чужда грекамъ.

Сила, какую приобрѣли надъ Сократомъ уже въ раннюю пору эти чувства, и благоговѣніе, съ какимъ онъ уже въ ту пору прислушивался къ своему внутреннему голосу, даютъ намъ возможность бросить взглядъ въ глубину этой разсудочной природы. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ мы открываемъ въ немъ задатки къ тому, чтобы сдѣлаться мужемъ, для котораго непрестанное наблюденіе за своимъ нравственнымъ и духовнымъ состояніемъ, анализъ собственныхъ представленій и дѣйствій, разъясненіе ихъ внутренняго свойства и испытаніе ихъ достоинства составляли необходимую потребность. Подобное же направленіе духа мы можемъ замѣтить и въ другихъ поразительныхъ для современниковъ свойствахъ философа. Если онъ по временамъ погружался въ свои размышленія до нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, если онъ при случаѣ не обращалъ вниманія на господствовавшій обычай и шель своей дорогой, если, вообще, чрезвычайное равнодушіе къ внѣшнему міру и одностороннее предпочтеніе полезнаго прекрасному были неотъемлемыми его качествами, то все это становится намъ яснымъ изъ того значенія, какое имѣли для него занятіе самимъ собой, уединенная работа мысли и свободное, независящее отъ посторонняго приговора самоопредѣленіе. Хотя для насъ можетъ показаться страннымъ такое соединеніе въ одной личности прозы человѣка разсудительнаго и мечтательности человѣка вдохновеннаго, однако то и другое можетъ быть сведено къ одному общему основанію: и то и другое было результатомъ углубленія Сократа въ созерцаніе своего внутренняго міра, которое было столь чуждо современному поколѣнію и благодаря которому наносилась неисцѣлимая рана пластическому единству греческой жизни.

Склоненіе слова *ἔαρ* весна*).

Г. Фишеръ, Москва.

Въ склоненіе слова *ἔαρ* весна замѣчается двоякаго рода неправильность: 1) въ род. и дат. падежахъ *εα* сливаются въ *η*, между тѣмъ какъ въ имен. и винит. такого сліянія нѣтъ (Kühn. Ausführl. Gram. d. gr. Spr. 3 Auf. 1 Bd. стр. 404); 2) въ род. и дат. пад. удареніе стоитъ на пред-

*) Слову „весна“ предшествовало другое „весно“, какъ то доказывается др. чеш. *vesno* (Saf. Rozbo staroc. lit. 120.)

послѣднемъ слогѣ, хотя всѣ прочія двухсложныя формы существительныхъ третьяго склоненія въ этихъ падежахъ имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Послѣдняя неправильность легко объясняется изъ общихъ правилъ о сліяніи гласныхъ. Труднѣе объяснить ту неправильность, о которой я упомянулъ на первомъ мѣстѣ: вѣдь, странно, кажется, что въ одномъ случаѣ бываетъ сліяніе, между тѣмъ какъ въ другомъ его избѣгаютъ. Какая причина этого страннаго явленія? Почему не вездѣ *εα* (*ἔαρ*, *ἔαρος*, *ἔαρι*) или *η* (*ἦρ*, *ἦρος*, *ἦρι*)? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ слѣдующимъ путемъ: сопоставляя *ἔαρ* съ *ἦρος*, *ἦρι*, не трудно замѣтить, что всѣ три формы двухсложныя формы; поэтому мы можемъ заключить, что Греки, стягивая *ἔαρος*, *ἔαρι* въ *ἦρος*, *ἦρι*, желали имѣть во всѣхъ формахъ этого слова одинаковое число слоговъ. Другими словами, мы можемъ сказать, что на склоненіе слова *ἔαρ* повліялъ „исосиллабизмъ“. Объясняя это явленіе такимъ образомъ, мы возбудимъ въ ученикѣ то чувство, которое заставляло древнихъ жителей Аттики склонять *ἔαρ* такъ, какъ было сказано выше, такъ что ученикъ будетъ избавленъ отъ механическаго заучиванія и запоминанія склоненія этого слова.

Первый, который воспользовался исосиллабизмомъ какъ принципомъ для объясненія грамматическихъ формъ, былъ Г. Курціусъ (*Zur Kritik der neuesten Sprachf.* стр. 70), но, кажется, они не нашелъ послѣдователей. И я задумывался бы обратиться къ этому принципу, еслибы Германъ Пауль (*Prinzipien der Sprachgeschichte*, 2 Aufl.) высказался противъ исосиллабизма; мнѣніе же Бругмана для меня не обязательно, въ особенности если и другіе случаи не только въ греческомъ, но и въ русскомъ языкѣ и даже въ цѣлыхъ группахъ языковъ доказываютъ вліяніе исосиллабизма на образованіе словъ и грамматическихъ формъ.

Грамматическіе вопросы.

С. Воскресенскій, Кіевъ.

При всей логичности и послѣдовательности, отличающей латинскій синтаксисъ, не мало, какъ извѣстно всякому внимательному читателю римскихъ авторовъ, попадаетъ здѣсь и случаевъ такъ называемыхъ „отступленій“, „исключеній“ и вообще явленій, съ трудомъ подводимыхъ подъ тотъ или другой параграфъ грамматики: очевидно, что „мертвый“ теперь языкъ не былъ въ свое время чѣмъ-то установившимся, закованнымъ въ разъ-на-всегда опредѣленные формы, а жилъ такою же подвижною, доступною переменамъ, нововведеніямъ жизнью, какъ и любой изъ новыхъ языковъ.

Это общее положеніе объясняетъ, конечно, много явленій*) въ языкѣ писателей, отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе или менѣе значительнымъ промежуткомъ времени, но приходится нерѣдко прибѣгать къ этому и къ другимъ, столь же мало опредѣленнымъ объясненіямъ для толкованія разныхъ „случаевъ“ и въ языкѣ одного и того же автора.

Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся на правилахъ о замѣнѣ недостающаго въ лат. языкѣ *conjunctivus futuri*, имѣя въ виду лишь вызвать со стороны сотрудниковъ „Гимназіи“ обсужденіе даннаго и другихъ вопросовъ латинской грамматики, прекрасно разработанной съ нѣмецкой точки зрѣнія и сравнительно съ нѣмецкимъ языкомъ, но не вполне и не во всѣхъ отдѣлахъ достаточно съ точки зрѣнія языка русскаго.

Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется поставить *conjunctivus futuri*, приходится или 1) употреблять такъ называемое замѣнительное сослагательное (*praes., imperf., perf., plusquamperf.*) или 2) прибѣгать къ такъ наз. описательному спряженію на *-urus (sim, essem)* (въ случаѣ же невозможности образовать отъ глагола форму на *-urus*, къ описанію *futurum sit, esset, ut*, описанію, упорно отвергаемому новѣйшими грамматиками). Употребленіе сослагательнаго, которое мы назвали замѣнительнымъ, имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда отношеніе къ будущему достаточно обозначено управляющимъ предложеніемъ — или по самой его формѣ, или по значенію, по общему смыслу всей рѣчи.

Грамматики перебираютъ обыкновенно и случаи этой замѣны, достаточно приводятъ примѣровъ съ предложеніями цѣли, слѣдствія (*erit illud profecto tempus... cum... benevolentiam... desideres*), вопросительными (*Quid hostes consilii caperent, expectabat*). Что касается примѣровъ на придаточныя предложенія къ *acc. s. inf. futuri*, то тутъ мы отмѣтимъ одну особенность: приводя много примѣровъ съ замѣнительнымъ *conj. perfecti* и *plusquamperf.*, грамматики оказываются крайне скудными на примѣры съ замѣнительнымъ *conj. praes.* и *imperfecti*: даже Кюнеръ въ своей полной грамматикѣ (§ 180, стр. 771) довольствуется двумя довольно безсодержательными примѣрами (*Spero me, si ad te veniam, benigne exceptum iri. — Sperabam me, si ad te venirem, benigne exceptum iri*), приводя въ тоже время много хорошихъ примѣровъ изъ всевозможныхъ авторовъ на употребленіе *conj. perfecti* и *plusquamperfecti*.

По толкованію всѣхъ грамматикъ, *conj. praes.* и *imperfecti* замѣняютъ въ указанномъ случаѣ недостающій *conj. futuri I*, *conj. perfecti* и *plusquamperf.* — недостающій *conj. futuri II*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, можно удовольствоваться этимъ объясненіемъ. Въ примѣрѣ: „*solliciti erant, quo res evasura esset, cum omnis belli moles in unum ducem inclinaretur*“ — дѣйствіе *inclina-*

*) Достаточно, напр., сравнить употребленіе временныхъ союзовъ у Цезаря, Цицерона — съ одной стороны, и у Т. Ливія, съ другой: „правильное“ „по Ливію“ является „ошибкой“ „по Цицерону.“

getur еще можно представить себѣ, какъ неоконченное, продолжающееся одновременно съ дѣйствиемъ *evasura esset*, еще возможно придать предложению смыслъ: „они были озабочены исходомъ борьбы, разъ вся тяжесть ея будетъ лежать (опираться) на одномъ вождѣ.“ Понятенъ *conj. imperf.* и *praes.* и при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ, напр., воли, желанія, допускающихъ въ подобныхъ примѣрахъ представленіе о сосуществованіи, одновременности. Но не легко уже поддаются этому объясненію, этому правилу о *fut. I* такія, напр., мѣста, какъ *T. Liv. XXXIII, 12, 10: „si regnum gensque tollatur, Thracas, Illyrios, Gallos deinde, gentes feras et indomitas, in Macedoniam se et in Graeciam effusuras.“*

Перевести это мѣсто на русскій придется не иначе, какъ придавъ дѣйствию *tollatur* значеніе дѣйствія совершеннаго и при томъ оконченнаго ранѣе другого будущаго, т. е., именно значеніе *futuri II*: „если будутъ уничтожены, если допустить уничтоженіе, если покончить“...

Такое значеніе требуетъ, по правиламъ грамматики, не *conj. praes.* и *imperf.*, а *conj. perf.* и *plusquamperf.*

Чѣмъ же объяснить въ мѣстахъ, подобныхъ приведенному, *conj. praes.* и *imperf.*?

Не прибѣгая къ малосодержательной, въ сущности, фразѣ объ „иной точкѣ зрѣнія“ у римскаго писателя, по которой-де дѣйствіе *tollatur* мыслится сосуществующимъ съ дѣйствиемъ *effusuras*, возможно допустить двойное предположеніе: или *tollere* и многіе другіе глаголы уже другихъ *actionis infectae* могутъ являться съ значеніемъ дѣйствія оконченнаго, или же, что намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, подобное употребленіе *conj. praesentis* и *imperf.*, дѣйствительно замѣняя *conj. futuri I*, является остаткомъ, слѣдомъ старины, когда относительное (релятивное) употребленіе глагольных формъ еще не было разработано, когда въ построеніи предложень преобладала *parataxis*, а не *obtaxis*, рѣчь была отрывочной, а не періодической.

Такъ, въ возможной первоначальной формѣ даннаго мѣста могло быть (въ прямой рѣчи): *regnum tolletur: Thracas... se effundent*. При дальнѣйшемъ развитіи языка, формы, означающія просто предстоящее дѣйствіе, могли остаться и употребляться и при соединеніи подобныхъ предложень подчиняющимъ союзомъ *si*, на ряду съ формами релятивнаго значенія, какъ видимъ въ той же главѣ: «*si elapsus Philippus foret, mox gravius eum rebellaturum*» (12). Мѣста, подобныя приведенному, представляющія употребленіе *conj. praes.* и *imperf.* вмѣсто ожидаемаго *conj. perf.* и *plusquamperf.*, далеко не рѣдки (У Цез.: *Si obsides... dentur... , si pacem... faceret.*). Переводятъ ихъ обыкновенно на русскій формами совершеннаго вида, потому что иного перевода они и не допускаютъ; при переводѣ подобныхъ предложень съ русскаго говорится обыкновенно, что можно-де тутъ поставить и *conj. imperf.*, *plusquamperf.* (послѣ историч. вр. упр. пр.) или же *conj. praes.*, *perf.* (послѣ главн. времени), и это шатаніе и неопредѣленность грамматиками, повторяемъ, устраняется не вполне удачно: предписывая ста-

вить conj. praes. и imperf. только для замѣны conj. futuri I, они становятся въ очевидный разладъ съ авторами.

Какъ довольно характерный примѣръ для случая противоположнаго разобранному и такъ же не подходящій подъ правила грамматики, приведемъ одно мѣсто изъ Саллюстія, гдѣ по значенію глагола и по правиламъ грамматики ожидалось бы, повидимому, conj. imperfecti: Jugurtha timebat iram senatus, ni paruisset legibus.

Перейдемъ теперь къ другому правилу грамматики — замѣнѣ недостающаго conj. futuri формами описательнаго спряженія на *utus* (*sim, essem*), что имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отношеніе къ будущему не ясно ни изъ управляющаго предложенія, ни вообще изъ текста; грамматики, не довольствуясь этимъ общимъ положеніемъ, стремясь опять къ точности, перечисляютъ, но далеко не полно, случаи этой замѣны (косв. вопросы, предл. съ *quoniam*, предл. слѣдствія, относит. предл. косв. рѣчи), и это стремленіе къ точности опять ставитъ грамматику въ разладъ съ авторами.

Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, мы встрѣчаемъ большую субъективность въ употребленіи формъ на *utus*: въ случаяхъ, повидимому, тождественныхъ писатели то прибѣгаютъ (изъ стремленія сообщить рѣчи большую ясность, опредѣленность, а иногда и придать извѣстный оттѣнокъ) къ формамъ на *utus*, то довольствуются замѣной conj. futuri посредствомъ conj. praes., imperf., perf., plusquamper.

«Non intellego, quare Nullus quoniamquam iutercessurum putet, cum intercessio stultitiam intercessoris significatura sit» (C. L. agr. 2, 12). — Не понимаю, почему Р. полагаетъ, что кто нибудь будетъ протестовать; такъ какъ протестъ обнаружить лишь глупость протестующаго.

Отношеніе къ будущему, повидимому, достаточно выражено и формой *intercessurum* и общимъ смысломъ мѣста, — и всетаки употреблена форма на *utus*.

Не такъ ясно отношеніе къ будущему въ слѣдующемъ мѣстѣ: «ipso nomine paricidii et atrocitate criminis fore, ut hic nullo negotio tolleretur, cum ab nullo defensus esset...» (Cic. Pro. S. R. A. § 28). Въ этомъ мѣстѣ ясность, повидимому, принесена въ жертву краткости оборота, какъ и въ другомъ мѣстѣ, такъ же въ страдательной формѣ, находящемся почти рядомъ: «condemnari eum oportere, qui primus in iudicium adductus esset».

О переводѣ русскихъ предлоговъ на нѣмецкій языкъ.

К. Трейманъ, Краснослободскъ.

1) **Безъ** — ohne, съ винительнымъ падежемъ.

Напр.: Кошелекъ безъ денегъ ein Beutel ohne Geld. Что-за жизнь безъ друзей? was ist das Leben ohne Freunde?

2) **Для**:

a. für (съ вин. пад.), въ значеніи „въ пользу кого-нибудь.“

Напр.: Для тебя я все сдѣлаю für dich werde ich Alles thun. Благочестивый монахъ, который собираетъ для своего монастыря, ein frommer Mönch, der für sein Kloster sammelt.

b. zu (съ дат. пад.), при означеніи цѣли.

Напр.: Онъ построилъ кладовую для разныхъ товаровъ er baute eine Vorrathskammer zu verschiedenen Waaren.

Примѣч. Для того deswegen; для того, что weil; для чего? weshalb? не для чего es hat keine Ursache, keinen Zweck; es ist kein Grund.

3) **До**:

a. bis, bis zu (съ дат. пад.), bis an (съ вин. пад.), при означеніи мѣры.

Напр.: Съ головы до ногъ vom Kopf bis zu den Füßen. Онъ вошелъ въ воду по грудь er ging in's Wasser bis an die Brust.

b. gegen, an, bis, ungefähr (съ вин. пад.), когда „до“ стоитъ вмѣсто „около.“

Напр.: Это стоитъ мнѣ до пяти рублей es kostet mir gegen (an, bis, ungefähr) fünf Rubel.

c. vor (съ дат. пад.), при означеніи времени.

Напр.: Я уѣхалъ до окончанія работы ich fuhr vor (der) Beendigung der Arbeit weg. Это случилось до Рождества Христова es geschah vor Christi Geburt.

Примѣч. Что до меня касается was mich betrifft; мнѣ не до того ich fühle mich dazu nicht aufgelegt; мнѣ что до кого? was gehen mich die Leute an? коли до чего (дойдетъ) für den Fall, dass.

4) **Изъ** — aus, von (съ дат. пад.).

Напр.: Онъ взялъ деньги изъ стола er nahm das Geld aus dem Tische. Я пріѣхалъ изъ Лондона ich komme aus (von) London. Онъ изъ дворянъ er ist von Adel. Это сдѣлано изъ дерева es ist aus (von) Holz gemacht.

5) **Изъ-за** — hinter-hervor (съ дат. пад.), **изъ-подъ** — unter-hervor (съ дат. пад.).

Напр.: Вылѣзть изъ-за печки hinter dem Ofen hervorkriechen. Вытащить изъ-подъ стола unter dem Tische hervorziehen.

Примѣч. Встать изъ-за стола vom Tische aufstehen; изъ-за ничего um nichts und wider nichts; изъ-за малости wegen einer Kleinigkeit.

6) **Ради** — um-willen (съ род. пад.).

Напр.: Ради Бога um Gottes willen. Ради мира um des Friedens willen. Ради чести um der Ehre willen. Ради меня um meinetwillen; ради тебя um deinetwillen; ради него um seinetwillen.

Примѣч. Просить Христа ради um Almosen bitten, betteln; сего ради, того ради deshalb, deswegen, daher; чего ради weshalb, weswegen.

7) **Отъ**:

a. von (съ дат. пад.).

Напр.: Отъ меня von mir. Отъ стола vom Tische.

b. gegen (съ вин. пад.), когда „отъ“ можно замѣнить посредствомъ „противъ.“

Напр.: Лекарство отъ лихорадки Arznei gegen das Fieber. Средство отъ головокруженія ein Mittel gegen Schwindel.

8) **У** — bei (съ дат. пад.).

Напр.: Онъ былъ у моего брата er war bei meinem Bruder. Они живутъ у насъ sie wohnen bei uns.

Примѣч. Онъ стоитъ у дверей er steht an der Thür; замокъ у дверей das Schloss an der Thür; у самаго крыльца dicht an der Treppe; у меня нѣтъ книгъ ich habe keine Bücher.

9) **Съ** съ родительнымъ падежемъ:

a. von (съ дат. пад.), при означеніи движенія сверху внизъ.

Напр.: Слѣзть съ крыши vom Dache herunterklettern. Дитя упало со стула das Kind fiel vom Stuhle. Срывать яблоки съ дерева Aepfel vom Baume reissen.

b. von, когда „съ“ стоитъ вмѣсто „отъ.“

Напр.: Мы получили деньги съ него wir haben von ihm Geld erhalten. Братъ за входъ по два рубля съ человека für den Eintritt zwei Rubel von Jedem nehmen. Со дня на день von Tag zu Tag.

c. seit, von-an (съ дат. пад.) при означеніи времени.

Напр.: Съ того времени я болѣе къ нему не хожу seit der Zeit (von der Zeit an) gehe ich nicht mehr zu ihm. Съ нѣкотораго времени я замѣчаю здѣсь перемѣну seit einiger Zeit bemerke ich hier eine Veränderung. Со времени моего пребыванія здѣсь seit meinem Hiersein. Съ молодыхъ лѣтъ

von Kindheit an. Съ самой Троицы von Pfingsten an.

d. vor, aus (съ дат. пад.), когда означается причина.

Напр.: Съ радости vor Freude. Съ горя vor Kummer. Съ глупости aus Dummheit. Съ гордости aus Stolz.

Примѣч. Начать споръ ни съ того, ни съ сего aus freien Stücken (ganz ohne Grund, ohne irgend eine Veranlassung) einen Streit anfangen. Пошлина берется съ вѣсу die Steuer wird nach Gewicht erhoben. Съ чего ты это взялъ? woher hast du das? wie kommst du darauf? Съ какой стати? weswegen?

Съ съ винительнымъ падежемъ.

a. ungefähr, etwa, gegen (съ вин. пад.), когда „съ“ стоитъ вмѣсто „около.“

Напр.: Я пробуду у него съ недѣлю ich werde bei ihm ungefähr (etwa, gegen) eine Woche bleiben. Онъ прошелъ сегодня вереть съ двадцать er ist heute gegen zwanzig Werst gegangen.

b. von (съ дат. пад.) при сравненіи двухъ предметовъ между собою.

Напр.: Палочка (толщиною) съ палець ein Stöckchen von der Dicke eines Fingers. Онъ (ростомъ) съ меня er ist von meinem Wuchse. Это насѣкомое (величиною) съ муху dieses Insekt ist von der Grösse einer Fliege.

c. für (съ вин. пад.), когда „съ“ стоитъ вмѣсто „для.“

Напр.: Этого будетъ съ тебя das wird für dich genug (hinreichend) sein.

Съ съ творительнымъ падежемъ переводится посредствомъ mit (съ дат. пад.).

Напр.: Онъ ѣздилъ туда со мною er war dahin mit mir gefahren.

Примѣч. Братъ съ сестрою Bruder und Schwester. Мальчикъ съ дарованіями ein talentvoller Knabe. Иди съ миромъ gehe hin in Frieden. Поздравлять съ чѣмъ-нибудь gratuliren, Glück wünschen zu etwas.

10) **Между** съ родительнымъ падежемъ переводится посредствомъ zwischen (съ дат. пад. на вопросъ „гдѣ?“ и съ вин. пад. на вопросъ „куда?“)

Напр.: Дорога извивается между горъ der Weg schlängelt sich zwischen Bergen.

Между съ творительнымъ падежемъ переводится посредствомъ zwischen и unter (съ дат. пад.), причемъ надобно замѣтить, что zwischen употребляется только по отношенію къ двумъ предметамъ, а unter по отношенію къ нѣсколькимъ; слѣдовательно, можно сказать: zwischen mir und dir между мною и тобою, а нельзя сказать: zwischen der Menge sich befinden находиться въ толпѣ; слѣдуетъ сказать: unter der Menge sich befinden.

Напр.: Оно стоитъ между дверями es steht zwischen den Thüren. Волкъ между овцами ein Wolf unter den Schafen. Жить между добрыми людьми unter guten Menschen leben. Между страхомъ и надеждою zwischen Furcht und Hoffnung.

Примѣч. Между нами (будь) сказано unter uns, im Vertrauen gesagt. Между тѣмъ inzwischen, indessen, während dessen. Между прочимъ unter Anderem.

11) **Къ:**

a. zu (съ дат. пад.).

Напр.: Сходи къ нему gehe zu ihm. Приходи ко мнѣ komme zu mir.

Примѣч. Къ сѣверу nach dem Norden. Къ западу nach dem (zum) Westen.

b. gegen (съ вин. пад.) при означеніи времени.

Напр.: Къ вечеру, къ утру gegen Abend, gegen Morgen.

12) **По** съ дательнымъ падежемъ:

a. auf (съ дат. пад.) при означеніи движенія по поверхности предмета, на вопросъ „гдѣ?“

Напр.: Гулять по полю, по улицѣ auf dem Felde, auf der Strasse spazieren. Плыть по рѣкѣ auf dem Flusse fahren.

Примѣч. Гулять по городу in der Stadt spazieren. Сѣсть по мѣстамъ sich an die Plätze setzen. Ставить по угламъ in die Ecken stellen.

b. zu (съ дат. пад.) на вопросъ „по скольку?“

Напр.: По рублю съ каждаго von Jedem zu einem Rubel. По пяти фунтовъ zu fünf Pfund. По ровну zu gleichen Theilen.

c. an (съ дат. пад.) или родительнымъ, или винительнымъ падежемъ безъ предлога, для означенія времени на вопросъ „когда? въ какое время? въ какой день?“

Напр.: Онъ принимаетъ по пятницамъ er empfängt an Freitagen, des Freitags, jeden Freitag; по воскресеньямъ an den Sonntagen, des Sonntags, jeden Sonntag; по праздникамъ an den Feiertagen.

Примѣч. По цѣлымъ недѣлямъ, днямъ, мѣсяцамъ, суткамъ Wochen, Tage, Monate lang.

d. nach (съ дат. пад.) при означеніи образа дѣйствія на вопросъ „какъ? какимъ образомъ?“

Напр.: Онъ одѣвается по модѣ er kleidet sich nach der Mode. Онъ играетъ по нотамъ er spielt nach Noten. По смыслу закона nach dem Sinne des Gesetzes (dem Sinne des Gesetzes gemäss).

Примѣч. Узнать кого-нибудь по голосу Einen an der Stimme erkennen. По болѣзни wegen Krankheit. Сочиненіе по русской исторіи ein Werk über die Geschichte Russlands. Служить по Министерству Народнаго Просвѣщенія im Ministerium der Volksaufklärung dienen.

По съ винительнымъ падежомъ:

a. bis zu (съ дат. пад.), bis an (съ вин. пад.), при означеніи мѣры, когда „по“ стоитъ вмѣсто „до“ на вопросъ „до чего? до какихъ поръ?“

Напр.: Стоять по шею, по колѣно въ водѣ bis zum Halse, bis an die Knien im Wasser stehen. По это мѣсто bis zu dieser Stelle. По сіе время bis zu dieser Zeit.

Примѣч. По сю сторону *diesseits*, по ту сторону *jenseits*.

b. *nach* (съ дат. пад.), когда „по“ стоитъ вмѣсто „за“ на вопросѣ „зачѣмъ?“

Напр.: Она пошла по воду, по дрова (за водою, за дровами) *sie ging nach Wasser, nach Holz*. Ходить по ягоды *nach Beeren gehen*. Пошли кто въ лѣсъ, кто по дрова *die einen gingen in den Wald, die anderen nach Holz*. Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить *der Krug geht so lange zu (nach) Wasser, bis er bricht*.

По съ предложнымъ падежемъ:

a. *um* (съ вин. пад.), или винительнымъ падежемъ безъ предлога, при означеніи причины на вопросѣ „по комъ? по чемъ?“

Напр.: Плакать по отцѣ *um den Vater weinen, den Vater beweinen*.

Примѣч. Тосковать по родинѣ *nach der Heimat sich sehnen, Heimweh empfinden*.

b. *nach, nach Verlauf von* (съ дат. пад.) при означеніи времени.

Напр.: По прошествіи года *nach einem Jahre*. По окончаніи работы *nach Beendigung der Arbeit*. По истеченіи (прошествіи) пяти лѣтъ *nach Verlauf von fünf Jahren*.

Примѣч. Ударить по головѣ *auf den Kopf schlagen, vor den Kopf stossen*. Онъ выстрѣлилъ по немъ *er schoss nach ihm*.

13) **Въ** съ винительнымъ падежемъ:

a. *in* (съ вин. пад.); при названіяхъ земель и городовъ *nach* (съ дат. пад.), на вопросѣ „куда?“

Напр.: Онъ пошелъ въ садъ *er ging in den Garten*. Онъ уѣхалъ въ Италію *er ist nach Italien gereist*. Онъ поѣхалъ Петербургъ *er ist nach Petersburg gefahren*.

b. *während* (съ род. пад.), *in* (съ дат. пад.), при означеніи продолжительности дѣйствія, времени; *um* (съ вин. пад.) при означеніи опредѣленнаго срока; *an* (съ дат. пад.) при означеніи дней; винительнымъ падежемъ безъ предлога, или съ предлогомъ *über* (съ вин. пад.) въ значеніи „во время,“ на вопросѣ „какъ долго?“

Напр.: Въ царствованіе Петра I *während der Regierung (in der Regierung) Peters des Ersten*. Онъ окончитъ свою работу въ два мѣсяца *er wird seine Arbeit in zwei Monaten beendigen*. — Приходи ко мнѣ въ два часа *komme zu mir um zwei Uhr*. Это случилось въ полночь *es geschah um Mitternacht*. Въ эту пору *um diese Zeit*. — Въ среду *am Mittwoch*. Въ Новый годъ *am Neujahrstage*. — Во всю ночь я глазъ не смыкалъ *ich habe die ganze Nacht kein Auge geschlossen*. Во все лѣто онъ былъ здѣсь *den Sommer über war er hier*. Во все это время *diese ganze Zeit über*.

c. *zu* (съ дат. пад.) при означеніи цѣны; *von* (съ дат. пад.) при означеніи мѣры, вѣса.

Напр.: Сукно въ пять рублей *Tuch zu fünf Rubel*. Комедія въ одинъ

актъ ein Lustspiel von einem (in einem) Aufzuge. Голова сахару въ двадцать фунтовъ ein Hut Zucker von zwanzig Pfund.

d. zu (съ дат. пад.) при означеніи поступленія въ чинъ, со-
словіе.

Напр.: Произвести въ офицеры zum Offizier behördern. Разжаловать zum Soldaten degradiren.

e. винительнымъ падежемъ безъ предлога, при означеніи игры
во что-н.

Напр.: Играть въ карты, въ мячъ Karten, Ball spielen.

Примѣч. Бить въ барабанъ die Trommel rühren. Давать деньги въ задатокъ Handgeld geben. Выдать въ зачетъ жалованья auf Abschlag des Gehaltes zahlen. Пуститься въ дорогу sich auf dem Weg begeben. Она всегда одѣта въ черное sie kleidet sich immer schwarz. Онъ весь въ отца er ist ganz dem Vater ähnlich; gleicht ganz dem Vater; gleicht dem Vater auf ein Haar; ist dem Vater aus den Augen, aus dem Gesichte geschnitten. Онъ не въ отца пошелъ er ist garnicht so, wie der Vater. Безъ товарища радость не въ радость ohne einen Gefährten ist auch die Freude keine wahre Freude. Смотрѣть въ окно durchs Fenster, aus dem Fenster sehen. Расти въ листь nur Blätter treiben. Стрекоза въ то только и жила, что пѣла die Grille lebte nur zu dem Zwecke, um zu singen. Приняли ихъ въ рычаги, копы и сабли man trat ihnen entgegen mit Knitteln, Lanzen und Säbeln.

Въ съ предложнымъ падежемъ:

a. in (съ дат. пад.) при означеніи мѣста на вопросъ „гдѣ?“ и времени на вопросъ „когда?“

Напр.: Твой братъ въ саду dein Bruder ist im Garten. Сестра моего друга живетъ теперь въ Парижѣ die Schwester meines Freundes lebt jetzt in Paris. Въ прошедшемъ году im vorigen Jahre. Въ 1812 году im Jahre eintausend achthundert zwölf.

Примѣч. При названіи городовъ вмѣсто in можно употреблять предлогъ zu; напр., отецъ мой жилъ въ Берлинѣ, а братъ мой учился въ Галле mein Vater lebte in Berlin, und mein Bruder studirte zu Halle.

b. an (съ дат. пад.) при означеніи избытка и недостатка.

Напр.: У мельника недостатокъ въ водѣ, въ вѣтрѣ — der Müller hat Mangel an Wasser, an Wind. Въ городѣ было изобиліе въ жизненныхъ предметахъ die Stadt hatte Ueberflusz an Lebensmitteln.

c. винительнымъ падежемъ безъ предлога, при означеніи разстоянія.

Напр.: Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня er stand zwei Schritte weit von mir. Въ десяти верстахъ отъ города zehn Werst von der Stadt.

Примѣч. Она всегда ходитъ въ черномъ sie geht immer schwarz gekleidet. Онъ былъ во фракѣ, въ перчаткахъ er hatte einen Frack, Handschuhe an. Онъ былъ въ шляпѣ, въ очкахъ er hatte einen Hut, eine Brille auf. Онъ былъ сегодня въ лентѣ er hatte heute ein Ordensband an. Въ усахъ и шпорахъ mit Schnurbart und Sporen. Одинъ въ рогахъ, другой съ пѣтушьей

головой der eine mit Hörnern, der andere mit dem Kopfe eines Hahnes. — Онъ влѣзъ въ окно er kroch durchs Fenster. Въ эти очки я ничего не вижу durch diese Brille sehe ich nichts. Твой братъ говоритъ въ носъ dein Bruder spricht durch die Nase. — Во первыхъ erstens; во вторыхъ zweitens.

14) **На** съ винительнымъ падежемъ:

a. auf (съ вин. пад.) при означеніи мѣста на вопросъ „куда?“

Напр.: Сѣсть на стулъ sich auf einen Stuhl setzen. Выйти на улицу auf die Strasse gehen.

Примѣч. Повѣсить на стѣну an die Wand hängen. Итти на службу an sein Geschäft gehen.

b. zu (съ дат. пад.) при означеніи дѣли, особенно послѣ глаголовъ пригласить, просить и т. п.

Напр.: Пригласить на свадьбу, именины, крестины zur Hochzeit, zum Namenstage, zur Taufe einladen.

Примѣч. На здоровье zur Gesundheit. На радость родителей zur Freude der Eltern.

c. auf и иногда für (съ вин. пад.) при означеніи времени на вопросъ „какъ долго? на сколько времени?“ an (съ дат. пад.), при означеніи дней.

Напр.: На два года auf zwei Jahre. Оставайся у меня на нѣкоторое время bleibe bei mir auf einige Zeit. Недѣли на двѣ auf ein Paar Wochen. На этотъ, на слѣдующій разъ für dieses, für das künftige Mal. Уѣхать куда-н. на зиму irgendwohin für die Winterzeit verreisen. Онъ пришелъ на другой день er kam am anderen Tage. На Рождество, на Пасху zu Weihnachten, zu Ostern.

d. für, gegen (съ вин. пад.), когда „на“ стоитъ вмѣсто „за“, на вопросъ „на что? за что?“

Напр.: Товаръ купленъ на наличныя деньги die Waare ist für baares Geld gekauft. Закупить хлѣба на десять рублей für zehn Rubel Brot kaufen. Я охотно промѣняю свое имѣніе на этотъ домъ ich vertausche gern mein Gut gegen (für) dieses Haus Промѣнять что-н. на товары etwas gegen Waaren eintauschen.

e. zu (съ дат. пад.), когда „на“ стоитъ вмѣсто „для“, на вопросъ „на что? для чего?“

Напр.: На что тебѣ это? wozu brauchst du das? Вотъ деньги на сахаръ и на чай da hast du Geld zu (für) Zucker und Thee. Сукно на сюртукъ Tuch zum Rock.

f. nach (съ дат. пад.), когда „на“ стоитъ вмѣсто „по“, на вопросъ „какъ? какимъ образомъ?“

Напр.: Покупать на вѣсъ nach Gewicht kaufen. Какъ это на твой взглядъ? wie ist das nach deiner Ansicht.

g. um (съ вин. пад.) при означеніи дѣли, послѣ глаголовъ спорить, играть и т. п., на вопросъ „на что?“

Напр.: Они спорили на сто рублей sie wetteten um (auf) hundert Rubel.
Играть на деньги um Geld spielen.

Примѣч. Драться на кулаки mit Fäusten schlagen. Онъ не чистъ на руку er ist unzuverlässig, er ist diebisch.

На съ предложнымъ падежемъ.

a. auf (съ дат. пад.), при означеніи мѣста на вопросъ „гдѣ?“

Напр.: Сидѣть на стулѣ auf dem Stuhle sitzen. Быть на часахъ auf der Wache sein. Быть на свадьбѣ, на крестинахъ auf einer Hochzeit, auf einer Taufe sein. Купить что-н. на рынкѣ etwas auf dem Markte kaufen.

b. in (съ дат. пад.), при означеніи времени на вопросъ „когда?“

Напр.: На этой, на будущей недѣлѣ in dieser, in der künftigen Woche. На дняхъ in diesen Tagen.

Примѣч. Играть на скрипкѣ, на флейтѣ die Violine, die Flöte spielen. Жениться на мѣщанкѣ eine Bürgerliche heirathen.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Греческій языкъ въ англійскихъ гимназіяхъ.

[D. hum. Gymnas. 1891 p. 147.]

С. Николаевъ, Воронежъ.

Вопросъ о школьной реформѣ, такъ горячо обсуждавшійся на континентѣ, былъ, хотя и въ болѣе слабой формѣ, возбужденъ и въ Англии. «Прогрессивная» часть англійской печати и общества побудила на сѣздѣ директоровъ въ Оксфордѣ въ декабрѣ 1890 года д-ра Вельдона изъ Гаррау пропагандировать идею петиціи къ университетскимъ начальствамъ о томъ, чтобы знаніе греческаго языка отнынѣ не было непремѣннымъ условіемъ для полученія ученой степени бакалавра. Онъ основался въ своей рѣчи на томъ, что есть ученики, которымъ, вслѣдствіе незнанія греческаго языка, преграждается или, по крайней мѣрѣ, затрудняется пользованіе плодами университетской науки, съ другой же стороны ничтожныя познанія по греч. яз., которыя требуются университетомъ, совершенно недостаточны для оказанія воспитательнаго воздѣйствія.

Правда, ни д-ръ Вельдонъ, ни кто либо изъ другихъ ораторовъ не оспаривалъ, что для тѣхъ учениковъ, которые дѣйствительно изучили греческій языкъ въ школѣ, онъ имѣетъ огромное, своеобразное

значеніе; они утверждали, что они хотятъ не ограниченія греческихъ студій въ гуманистическихъ школахъ, а только облегчить тѣхъ учениковъ, спеціальныя занятія коихъ не распространялись на эту область. Одинъ изъ затѣмъ говорившихъ ораторовъ назвалъ это предложеніе «a Moderne Side Rélief Bill», т. е. проектомъ облегченія учениковъ современныхъ школъ; другіе указывали на то, что школа должна заботиться также и о тѣхъ ученикахъ, которые не имѣютъ въ виду посѣщать университетъ. Было бы непонятною жестокостію по отношенію къ этимъ ученикамъ изъ за одного греческаго языка отрѣзать пути научнаго знанія. Другіе, напротивъ, указывая на извѣстное «Гейдельбергское заявленіе» нѣмецкой интеллигенціи, доказывали необходимость обязательности греч. яз. также и тѣмъ соображеніемъ, что, коль скоро университеты перестанутъ требовать знанія его, такъ въ большинствѣ школъ, въ особенности въ малыхъ городахъ, прекратится преподаваніе греч. яз. совсѣмъ, такъ что и желающіе или нуждающіеся въ немъ не будутъ имѣть возможности изучить его. Послѣ продолжительныхъ преній предложеніе Вельдона было большинствомъ отклонено.

Тѣмъ не менѣе началась ожесточенная полемика, содержаніе которой хорошо извѣстно всякому по фактамъ, совершенно однороднымъ имѣвшимъ мѣсто, какъ за границей, такъ и у насъ, въ Россіи. Противники опирались на совершенно различные принципы, такъ что въ странѣ съ конституціоннымъ порядкомъ, для рѣшенія спора, оставалось единственное, хотя и примитивное средство: узнать мнѣніе большинства.

Къ сожалѣнію, въ чисто теоретическомъ вопросѣ оказались осложненія посторонняго свойства: именно, какъ, напр., въ Оксфордскомъ университетѣ, вслѣдствіе упадка цѣнности земли, доходы университетовъ уменьшились; поэтому весьма желательнымъ являлось увеличеніе числа студентовъ и выплачиваемаго ими гонорара; а для этого наилучшимъ средствомъ могло быть облегченіе вступленія въ университетъ даже полуобразованныхъ юношей. Такъ или иначе дѣло должно было быть рѣшено высшей научной истанціей и вотъ 29-го окт. 1891 года сенатъ Кембрическаго университета при полномъ составѣ, чего прежде, какъ говорятъ, не бывало, приступилъ къ обсужденію всѣхъ волновавшаго вопроса о греческомъ языкѣ. Дебаты были жаркіе; совѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлился на двѣ партіи. Вопросъ былъ поставленъ такъ: не находить ли совѣтъ возможнымъ удалить изъ испытанія на степень бакалавра одинъ изъ древнихъ

языковъ съ компензаціей въ другихъ предметахъ. Такимъ однимъ изъ древнихъ языковъ могъ быть только греческій. Послѣ преній произведена была подача голосовъ, при чемъ большинствомъ 525 противъ 185 было рѣшено не допускать въ университетъ ни на какой факультетъ безъ знанія обоихъ древнихъ языковъ. Важность этого постановленія очевидна сама собою: по крайней мѣрѣ, въ продолженіе десяти-двадцати лѣтъ ни въ Кембричѣ, ни гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ въ Англии не поднимется болѣе оффиціальнй споръ о системѣ образованія, которая такимъ образомъ получитъ нѣкоторую твердость. Но съ другой стороны, конечно, нельзя ожидать, чтобы противники греческаго языка удовлетворились столь даже рѣшительнымъ и яснымъ выраженіемъ мнѣнія ученой интеллигенціи. Борьба будетъ продолжаться по прежнему, что побуждаетъ, въ свою очередь, защитниковъ классической системы образованія къ особенной бдительности.

Ученое путешествіе баденскихъ филологовъ въ Грецію.

[D. hum. Gymnas. 1892 г. № 1—2].

С. Николаевъ, Воронежъ.

Путешествіе въ Грецію, на родину Сократа и Демосѣена, по крайней мѣрѣ для значительной части русскихъ учителей, будетъ оставаться трудно достижимымъ идеаломъ по разнымъ причинамъ.

Тѣмъ не менѣе не лишено интереса для насъ описаніе перваго ученаго путешествія нѣмецкихъ учителей изъ Бадена въ Грецію. Идеальная цѣль подобнаго предпріятія ясна сама по себѣ и потому не требуетъ разьясненій; за то подробности о томъ, какъ при скромныхъ средствахъ стало возможнымъ сдѣлать образовательное путешествіе въ довольно отдаленную страну, вѣроятно будутъ интересны многимъ.

Для совмѣстнаго путешествія нынѣшнею весною составилось общество изъ 12 баденскихъ преподавателей, трехъ учителей изъ другихъ государствъ Германіи и 3 профессоровъ Фрейбургскаго университета, изъ коихъ два — Францъ Студничка и Эрнстъ Фабриціусъ взяли на себя ученое руководство.

Цѣлью путешествія было дать участникамъ возможность пополнить свои университетскія занятія всестороннимъ обзорѣмъ главныхъ центровъ и памятниковъ еллинской исторіи и непосредственнымъ ознакомленіемъ съ природою и климатомъ страны, насколько это будетъ способствовать углубленію и оживленію преподаванія въ гимназіяхъ древнихъ языковъ и исторіи. Слѣдовательно, все спеціальныя занятія лежали внѣ плана и цѣлей подобнаго предпріятія.

Продолжительность путешествія съ момента общаго отъѣзда изъ Базеля до возвращенія на родину, разсчитана на 10 недѣль. Кромѣ того, въ запасъ имѣется еще одна недѣля, если гдѣ нибудь окажется необходимымъ или желательнымъ продлить предполагаемое пребываніе. Отъѣздъ изъ Базеля были предположены 4 или 11 Марта с. г.

Маршрутъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

а) Базель — Анкона — Бриндизи, Переѣздъ на Корфу (остановка). Двухдневная экскурсія на Итаку и Кефалонію. Патрасъ — Олимпія (3 дня). 14-дневное путешествіе по Пелопонесу, большею частію пѣшкомъ и на лошадяхъ верхомъ: Олимпія — Фигалія — Мессинія — Итома — Каламата; черезъ Тайгетъ — Спарта (два дня) — Селлазія — Тегея — Приполисъ; экскурсія на Мантинею; Навплия, Тиринсъ, Эпидавръ, Аргосъ, Микена, Коринѣъ — Аѣины.

б) 14 дней въ Аѣинахъ и окрестностяхъ; 9 дней удѣляются на осмотръ горда, его памятниковъ и музеевъ. Въ промежутки предположены экскурсіи: черезъ Пентеликонъ на Мараѳонъ, Суній, Элевсисъ, Саламинъ и Эгину.

в) 12-дневное путешествіе по средней и сѣверной Греціи, большею частію пѣшкомъ и на лошадяхъ, какъ въ Пелопонесѣ: Аѣины-Платея, Оивы-Орхомень, Херонея — Дельфы-Термопилы, Ламія-Ларисса, долина Темпе, Фарсалъ и назадъ на пароходъ въ Пирей.

г) 24-дневное путешествіе въ Малую Азію и Константинополь; Пирей-Смирна, Эфесъ-Сарды, Пергамонъ-Митилена, Дарданеллы-Троя; Константинополь (5—6 дней); обратное путешествіе съ восточною желѣзною дорогою при двухдневной остановкѣ въ Вѣнѣ.

Эти предварительныя свѣдѣнія или, какъ ихъ за границей обыкновенно называютъ, «проспектъ» или «циркуляръ» были разосланы за мѣсяць до предполагаемаго отъѣзда всеѣмъ желавшимъ съ нимъ ознакомиться. Кромѣ этихъ сообщеній, онъ содержалъ въ себѣ весьма цѣнныя указанія чисто практическаго характера, какъ, напр., безусловное требованіе повторнаго оспопрививанія у тѣхъ лицъ, которыя не были вакци-

нированы въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Привитіе оспы должно быть предпринято, по крайней мѣрѣ, за 3 недѣли до отбѣзда, такъ какъ въ Греціи оспа появляется гораздо чаще, чѣмъ въ остальной Европѣ.

Равнымъ образомъ проспектъ даетъ подробныя наставленія объ одеждѣ (оружіе — излишній балластъ), багажѣ, паспортѣ и т. п.

Расходы во все время путешествія считаны въ 1400 марокъ (около 700 руб.) на лицо; большинство участниковъ, впрочемъ, получили значительное пособіе (въ 1000 мар.) отъ баденскаго правительства, которе такимъ образомъ дало первый примѣръ поддержки образовательныхъ стремленій учителей гимназій, прежде не имѣвшихъ ея.

Таковы были планъ и предположенія; посмотримъ теперь, удалось ли въ дѣйствительности исполнить задуманное. Ясный отвѣтъ на это даетъ письмо одного изъ участниковъ въ путешествіи, Хильгарда, преподавателя гейдельбергской гимназій, писанное къ редактору журн. *Das humanistische Gymnasium* и помѣщенное въ № 1 1892 года названнаго журнала. Оно гласитъ: «Хотя мы уже въ началѣ путешествія ожидали многого отъ него, однако до сихъ поръ результаты превосходятъ всѣ наши надежды. Наши руководители, соединяя въ себѣ глубокія познанія съ необыкновенною любезностію, умѣютъ устранить всѣ незначительныя случайности и непріятности, которыя могли бы умалить наслажденіе нашими занятіями. Къ сожалѣнію, мы должны были отказаться отъ посѣщенія Итаки, потому что, вслѣдствіе неисправности пароходнаго сообщенія, мы были задержаны въ Корфу почти на 4 дня. Не смотря на это, мы отлично воспользовались продолженнымъ пребываніемъ на Корфу, чтобы при постоянныхъ экскурсіяхъ внутрь острова основательно познакомиться съ прелестью этого главнаго представителя іоническихъ острововъ. Въ Олимпіи насъ ожидалъ Дерпфельдъ, специально съ этою цѣлью пріѣхавшій сюда изъ Аѳинъ; онъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе и прежде другихъ призванъ быть руководителемъ на полѣ раскопокъ въ Олимпіи, гдѣ онъ самъ провелъ нѣсколько лѣтъ. При 2¹/₂ часовомъ обходѣ онъ не только изложилъ намъ исторію и значеніе отдѣльныхъ зданій и храмовъ, но также въ связи съ отдѣльными архитектурными формами и частями разъяснилъ главнѣйшія эпохи въ развитіи греческой архитектуры и при томъ въ самой привлекательной формѣ изложенія. По вопросамъ эпиграфики нами руководствовалъ проф. Фабриціусъ, который, начиная съ цитадели Корфу, представилъ намъ при указаніи на древніе источники полную топографію и исторію древней Керкиры и событій 427—425 и 373 гг. до

Р. Х. Проф. Студничка взялъ на себя руководство нами въ музеѣ на Корфу и затѣмъ въ обширномъ, роскошно построенномъ, но немного запущенномъ олимпійскомъ музеѣ. Изслѣдованіе фронтона храма Зевса, Ники Пэонія и Гермеса Праксителя онъ превратилъ въ необыкновенно наглядное изложеніе главныхъ художественныхъ школъ 5 и 4-го ст. до Р. Х. При разборѣ восточнаго фронтона онъ предложилъ, на основаніи глубоко обдуманыхъ соображеній, новую разстановку фигуръ, которая казалась дѣйствительно наиболѣе вѣроятной, если видишь предъ собою самые оригиналы. — Олимпія скоро соединится со всеѣмъ остальнымъ свѣтомъ, изъ Пиргоса сюда проведена желѣзная дорога и рядомъ со старою гостиницею стоитъ новый, хотя и скромный, *Hôtel de l'Olympe*; а за музеемъ то же самое общество, которое строитъ дорогу, воздвигаетъ новый отель съ великолѣпною панорамною раскопкой. Уже въ настоящее время Олимпія весьма охотно посѣщается иностранцами. Но удержать ли торжественно-важная тишина, лежащая надъ Альтидою и настраивающая зрителя благоговѣнно, пронзительный свистъ желѣзной дороги и шумный водоворотъ движенія, — это, конечно, другой вопросъ.

Не смотря на огромную разницу въ возрастѣ и характерахъ, отношенія между отдѣльными участниками весьма дружественны. Студничка и Фабриціусъ даютъ прекрасный примѣръ. Дерпфельдъ увлекаетъ ясностію рѣчи и мыслей. Завтра утромъ начнемъ поѣздку въ Пелопонесъ. До сихъ поръ мы имѣли прекрасное помѣщеніе, хорошую пищу и прелестную погоду. Объ остальномъ мірѣ мы узнаемъ очень мало; вчера Дерпфельдъ читалъ въ одной греческой газетѣ довольно темную телеграмму объ отставкѣ Цейдлица*)).

Это письмо свидѣтельствуетъ объ удачѣ предпріятія и намъ остается только пожелать, чтобы подобная возможность усовершенствованія въ наукѣ была доставлена русскимъ учителямъ.

*) Прусскій мин. нар. проsv.

Замѣтки по школьному дѣлу заграничныхъ славянъ.

Θ. Штифтаръ, Калуга.

Въ корреспонденціяхъ изъ разныхъ славянскихъ земель, помѣщенныхъ въ II томѣ «Славян. Обзоръ» за мѣсяцы май и іюнь, нашли мы между обильнымъ матеріаломъ κατ' ἐξοχήν политическаго характера также немало любопытныхъ свѣдѣній касательно устройства народныхъ и среднихъ школъ у нѣкоторыхъ заграничныхъ славянъ. Полагая, что всякая, хотя бы на первый взглядъ ничтожная замѣтка, касающаяся школьнаго дѣла, можетъ, въ концѣ концовъ, оказаться занимательной и полезной для людей, занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей, мы и рѣшились собрать эти отрывки и помѣстить ихъ на страницахъ «Гимназіи», тѣмъ болѣе, что они относятся исключительно къ устройству школъ у разныхъ заграничныхъ славянскихъ племенъ, составляющихъ въ этомъ отношеніи, быть можетъ, для большинства читателей «Гимназіи» еще въ значительной степени своего рода terra incognita.

Начнемъ съ Черногоріи. Въ отдѣлѣ «Смѣсь», стр. 223, сообщаетъ М. Драговичъ нѣкоторыя данныя о нынѣшнемъ государственномъ строѣ Черногоріи. Переходя отъ общаго къ частному, онъ пишетъ о современном положеніи школьнаго дѣла въ Черногоріи слѣдующее: «До 1869 г. Черногорія не имѣла ни одного средняго учебнаго заведенія. Теперь ихъ два: духовная семинарія и женскій институтъ въ Цетиньѣ. Оба открыты при содѣйствіи Россіи, которая назначила на содержаніе первой 8000 р., а второго 5,500 р. въ годъ. Цетинская семинарія учреждена

для приготовленія молодыхъ людей Черногоріи и окрестныхъ странъ къ священническому и учительскому званію. Курсъ ея продолжается три года. На счетъ казны содержится 30 учениковъ; число своекоштныхъ учениковъ не ограничено. Въ семинаріи всего четыре учителя. Высшій надзоръ надъ ней порученъ черногорскому митрополиту. Женскій институтъ носить названіе: «Дѣвочки Институтъ Царице Марије на Цетиньѣ». Институтъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всероссійской Императрицы, а подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Княгини Черногорской. Начальница его избирается Государынею Императрицею, двѣ же учительницы утверждаются Княгинею Черногорскою. 20 ученицъ принимаются на казенный счетъ, а 10 своекоштныхъ съ платою по 200 гульд. Начальницами института назначаются русскія. До сихъ поръ въ такой должности были: Н. П. Пацевичъ, Н. Месарошъ, Ю. А. Лопухина и нынѣшняя, С. П. Мертваго, которая состоитъ начальницей съ 1888 г. Кромѣ того, въ Цетиньѣ теперь существуютъ еще классическая полугимназія и нормальная школа — особая для мальчиковъ и особая для дѣвочекъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Черногоріи имѣется 52 нормальныя школы, изъ коихъ 3 для дѣвочекъ».

Отъ Черногоріи перейдемъ къ Далмаціи. Объ этой злополучной странѣ находимъ въ отдѣлѣ «Письма изъ славянскихъ земель» три письма, помѣченныя изъ древняго Дубровника, который южные славяне не даромъ величаютъ Аѳинами славянскаго Приморія. Авторъ этихъ писемъ, нѣкто г. С., обнаруживаетъ въ своихъ очеркахъ близкое знакомство съ современнымъ положеніемъ Далмаціи, принадлежащей на основаніи историческаго права къ троединому королевству Хорватовъ, на дѣль же все еще входящей въ составъ Цислейтаніи подъ австрійскимъ, т. е. италіано-нѣмецкимъ режимомъ. Во второмъ письмѣ, посвященномъ собственно состоянію народнаго образованія страны, г. С. между прочимъ говоритъ, что «въ этомъ отношеніи Далмація порядочно отстала отъ прочихъ цислейтанскихъ провинцій австро-угорской имперіи. Въ среднихъ школахъ обучаютъ по-хорватски, кромѣ задрскихъ, гдѣ учатъ по-италіански. Народныхъ школъ до 300, всѣ хорватскія, кромѣ двухъ, трехъ. Православныя имѣютъ большею частью особыя конфессіональныя школы. Народъ по немногу привыкаетъ къ книгѣ, но все-таки Далмація и теперь еще занимаетъ въ Австріи чуть ли не послѣднее мѣсто по грамотности населенія; лишь Буковина стоитъ еще ниже. Причиною того слѣдуетъ считать крайнюю запущенность далматинскаго управленія какъ въ венеціанское, такъ и въ австрійское

время. Литература далеко не процвѣтаетъ въ Далмаціи такъ, какъ въ прежніе вѣка, когда отсталый теперь Дубровникъ считался умственнымъ центромъ всего южнаго славянства. Старые далматскіе классики и теперь служатъ основою развитія новохорватской образованности, но центръ ея перенесся изъ Далмаціи въ Хорватію, именно въ Загребъ, который является культурнымъ средоточіемъ всѣхъ хорватовъ. Мнѣ кажется, что причиною умственного упадка Далмаціи нужно считать аналогическій упадокъ Италіи; ибо, хотя Далмація теперь не подчинена итальянскому управленію, все же мы еще пропитаны итальянскимъ языкомъ, литературою и вообще культурою. Нѣмецкая образованность вовсе не имѣетъ для насъ такого обаянія, да объ этомъ не стоитъ и сожалѣть; молодое поколѣніе настолькоъ уже окрѣпло въ народномъ духѣ, что итальянская литература для него не опасна, а даже полезна, доколь мы не будемъ имѣть подъ рукою другой, болѣе сильной и родственной литературы».

Возвращаемся къ отдѣлу «Смѣсь», стр. 216. Здѣсь сообщаетъ сама редакція «Слав. Обзор.» по официальнымъ свѣдѣніямъ угорскаго правительства *слѣдующія данныя о состояніи народнаго образованія племенъ, составляющихъ вторую половину австрійской имперіи, такъ называемую Транслейтанію или Угрію (Венгрію):*

«Къ концу 1891 г. считалось въ Угріи до 14,000 сельскихъ школъ, между которыми было: мадыарскихъ 8,944, румынскихъ 2,587, словацкихъ 1,115, нѣмецкихъ 674, сербскихъ 312, русскихъ 211, хорватско-словенскихъ 39. Число мадыарскихъ школъ въ послѣднее 30-лѣтіе увеличилось на 146%, сербскихъ же на 50%, а число остальныхъ уменьшилось. Изъ общаго числа сельскихъ учителей 24,908 — болѣе 22,000 уже теперь владѣютъ мадыарскимъ языкомъ. На содержаніе всѣхъ этихъ школъ было расходуемо до 15,5 мил. гульд., такъ что въ среднемъ приходится на каждаго учителя 388 гульд., а на ученика 7 гульд. въ годъ. Насколько различно жалованье учителей, видно изъ того, что въ Пештѣ они получаютъ болѣе 1000 гульд., а напр., въ турчанской жупаніи — 48 гульд.»

Таковы голыя, или почти голыя цифры, за достовѣрность которыхъ отвѣчаетъ и ручается редакція «Слав. Обзор.» Къ этимъ голымъ цифровымъ даннымъ находимъ мы краснорѣчивый комментарий въ другомъ отдѣлѣ журнала. Въ числѣ писемъ изъ славянскихъ земель подъ заглавіемъ «Изъ Кошиць» помѣщена нѣк. Ж. З. И. обширная статья, имѣющая своимъ предметомъ современное печальное положеніе школы

у угорскихъ славянъ вообще, а закарпатскихъ руссовъ въ особенности. Извѣстно, что закарпатскій русскій народъ почти безъ исключенія исповѣдуетъ пресловутую унію. Замѣтивъ, что, за отсутствіемъ народнаго самосознанія у закарпатскихъ руссовъ, единственный надежный оплотъ противъ мадьяризаціи русскаго элемента въ наше время составляетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, за которое по легко понятнымъ причинамъ ратуетъ де даже римская курія, хорошо освѣдомленный сотрудникъ «Слав. Обзор.» продолжаетъ такимъ образомъ:

«При такихъ условіяхъ правительство не можетъ рѣшиться на введеніе мадьярскаго языка въ богослуженіе въ чисто русскихъ мѣстностяхъ. А пока держится русскій или вѣрнѣе церковно-славянскій языкъ въ церкви, онъ не можетъ быть изгнанъ изъ приходскихъ школъ, слѣдовательно, остается и впредь для угрорусскаго народа связующимъ звеномъ съ его прошлымъ и остальными частями русскаго племени».

Послѣ этого общаго замѣчанія, авторъ письма изъ Кошицъ переходитъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію положенія народнаго образованія у угроруссовъ. «Нельзя сказать», говоритъ Ж. З. И., «чтобы у мадьяръ не было желанія и попытокъ мадьяризовать простой угрорусскій народъ. Предположено было основать цѣлый рядъ государственныхъ народныхъ школъ, съ мадьярскимъ преподавательскимъ языкомъ, и замѣнить ими существующія до сихъ поръ школы приходскія. Недостатокъ средствъ помѣшалъ выполненію этого плана. До сихъ поръ основано болѣе сотни правительственныхъ школъ въ болѣе богатыхъ русскихъ селахъ, да и то нѣкоторыя изъ нихъ по недостатку средствъ опять переданы приходу; ибо приходскія школы, въ которыхъ обучаютъ мѣстные дьячки (пѣвцо-учители), обходятся значительно дешевле. Теперь правительство заводитъ ясли или сельскіе пріюты, куда будутъ брать дѣтей отъ 3—6 лѣтъ, на время дневныхъ работъ. Дѣти находятся въ ясляхъ подъ присмотромъ надзирательницы-мадьярки, играютъ, понемногу учатся и все, конечно, должно итти по мадьярски. Содержаніе ихъ возлагается на села, которыя, однако, крайне враждебно относятся къ этимъ новымъ очагамъ мадьяризаціи».

Такимъ образомъ, дѣти русскихъ крестьянъ до сихъ поръ получаютъ или вѣрнѣе должны получать образованіе главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ. Лѣтъ 10—15 назадъ преподаваніе въ нихъ велось по-русски, но съ каждымъ годомъ обращалось все большее вниманіе на изученіе мадьярскаго языка, на которомъ стали, наконецъ, преподавать часть предметовъ. Окружные инспекторы, назначаемые правительствомъ,

заботятся только о мадыарскомъ языкѣ; на остальные предметы они не обращаютъ никакого вниманія. Выборный отъ духовенства — обыкновенно кто нибудь изъ канониковъ — долженъ слѣдить за преподаваніемъ русскихъ предметовъ и особенно закона Божьяго. Но по вліянію мадыаръ, на эти посты избираются такіе каноники, которые тоже гораздо болѣе озабочены успѣхами мадыарщины».

Шутя, волей неволей спросимъ, чѣмъ же кончаются въ концѣ концовъ подобнаго рода школьные пріемы? Ж. З. И. даетъ намъ и на этотъ вопросъ вполне основательный отвѣтъ. «До сихъ поръ», утверждаетъ онъ, «однако результаты ничтожны. Дѣти учатся по мадыарски лишь на показъ и вовсе не успѣваютъ прочно усвоить себѣ этотъ трудный финскій языкъ. Дальнія разстоянія, суровыя зимы, бѣдность населенія, нуждающагося въ работѣ дѣтей, наконецъ, отсутствіе сознанія пользы школь — все это мѣшаетъ правильному посѣщенію ихъ, несмотря на налагаемые за то штрафы, которыхъ нѣтъ возможности взыскать, по бѣдности крестьянъ. Такимъ образомъ школа не можетъ имѣть глубокаго вліянія на народъ, тѣмъ болѣе, что и приходскія школы устроены довольно плохо. Пѣвцо-учители приготавливаются въ особенныхъ учительскихъ семинаріяхъ (препарадіяхъ), гдѣ все сосредоточено на мадыарщинѣ. За очень скудное вознагражденіе долженъ такой пѣвцо-учитель и дѣтей учить, и требы отправлять, да къ тому же обрабатывать свою землю. Все это отвлекаетъ отъ школы и онъ, очевидно, не можетъ вести преподаваніе, какъ слѣдуетъ. Довольно апатично относятся и угрорусскіе священники къ дѣлу народнаго образованія. Въ большинствѣ случаевъ они мало обращаютъ вниманія на ознакомленіе дѣтей въ народныхъ школахъ съ церковнымъ языкомъ, съ церковнымъ пѣніемъ и даже съ закономъ Божиимъ, предоставляя все это малосвѣдущимъ дьячкамъ. Между тѣмъ народъ чрезвычайно любитъ церковную азбуку, церковную службу, пѣніе, молитвы и сравнительно охотно слушаетъ и читаетъ книги духовнаго содержанія. Понятно, что въ такой школѣ ничему не научатъ толкомъ, тѣмъ менѣе мадыарщинѣ. Окруженные сплошнымъ русскимъ населеніемъ, дѣти скоро забываютъ скудный запасъ заученныхъ мадыарскихъ словъ и фразъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ вовсе нѣтъ охоты читать, да и книгъ нѣтъ. Мадыары мало обращаютъ вниманія на изданіе книгъ для простонародія». Отъ русскихъ деревень переходитъ г. корреспондентъ «Слав. Обзор.» къ городамъ, преимущественно съ русскимъ народонаселеніемъ. «Тутъ», по словамъ Ж. З. И., «мадыаризація гораздо успѣшнѣе подвигается.

Русскіе города и селенія расположены въ Угорской равнинѣ. Тамъ и почва богаче, и школы лучше, крестьяне развитѣе, охотно посылаютъ своихъ дѣтей учиться, а что всего важнѣе — есть прямое вліяніе мадьярскаго элемента изъ селъ вполне мадьярскихъ или хоть на половину омадьяренныхъ. Въ городахъ на народъ вліяетъ интеллигенція и еврей. Въ такихъ мѣстностяхъ усилія правительства на школьной почвѣ не безплодны: граница мадьярско-русская — правда, медленно, но постоянно — передвигается съ юга и запада на сѣверъ и востокъ, къ подножіямъ горъ. Но здѣсь она должна остановиться и много времени понадобится, чтобы мадьяризмъ проникъ въ глубь Бескидовъ, если это вообще возможно». Не лучше поставлено учебное дѣло въ угрорусскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго характера. «Въ правительственныхъ и епархіальныхъ школахъ», продолжаетъ Ж. З. И. на стр. 159 «Слав. Обзор.», «гдѣ обучаются дѣти священниковъ, русскій языкъ, если и не вытѣсненъ окончательно, то поставленъ въ такія условія, что изучается лишь немногими, и при томъ въ очень слабой мѣрѣ; мадьярскій же усваивается ими съ дѣтства, ибо и въ русскихъ священническихъ семьяхъ на половину уже говорятъ по мадьярски».

Русскихъ гимназій, по словамъ Ж. З. И., въ Угріи никогда не было. «Но въ прежнее время въ нашихъ правительственныхъ гимназіяхъ всетаки кое-что преподавалось по-русски, именно русскій и церковнославянскій языки и законъ Божій. Съ 1879 года русскій языкъ сдѣлался необязательнымъ, всѣ же остальные предметы преподаются по мадьярски, кромѣ закона Божія, который въ четырехъ низшихъ классахъ гимназіи долженъ преподаваться по мадьярски, въ четырехъ же высшихъ можетъ быть преподаваемъ и по русски. Эти уступки въ пользу русскаго языка, при теперешнемъ положеніи угроруссовъ, похожи скорѣе на насмѣшки».

О дальнѣйшей участи угрорусскаго юношества успѣшно окончившаго среднія учебныя заведенія, Ж. З. И. повѣствуетъ слѣдующее: «Изъ гимназій сыновья священниковъ, если хотятъ итти по свѣтской карьерѣ, потупаютъ или прямо на службу, или въ мадьярскіе университеты. Въ обоихъ случаяхъ они почти всегда теряются для русскою народности. Нѣсколько лучше въ народномъ смыслѣ положеніе тѣхъ, кто поступаетъ въ духовныя семинаріи Ужгородскую и Пряшевскую. Въ нихъ кое-что преподается по русски, а именно пастырское и нравственное богословіе, церковный уставъ и церковно-славянскій языкъ;

остальные предметы читаются или по мадярски, или по латыни. Если принять во вниманіе слабую подготовку семинаристовъ въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, общій мадярскій духъ, господствующій въ обществѣ, а, слѣдовательно, и въ семинаріи, то легко понять, почему и эти заведенія мало способствуютъ развитію въ молодежи національнаго сознанія. Теперешніе наши семинаристы, кончая курсъ, почти не знаютъ вовсе литературнаго языка, плохо понимаютъ и языкъ церковныхъ книгъ, даже въ народномъ діалектѣ многіе не особенно сильны, такъ что принуждены коверкать его въ своихъ проповѣдяхъ, особенно въ первые годы священства. Богословское ихъ образованіе очень неполно и односторонне; оно почерпается главнымъ образомъ изъ католическихъ источниковъ, такъ что встрѣчаются между семинаристами и завзятые ультрамонтане, т. е. приверженцы Рима; но всего чаще они совершенно равнодушны къ богословскимъ вопросамъ».

Еще разрушительнѣе дѣйствуетъ школа на женскую половину угрорусскаго населенія. Дочери священниковъ учатся, по словамъ Ж. З. И., или въ общественныхъ, иногда и въ монастырскихъ школахъ, или въ Ужгородскомъ институтѣ, основанномъ въ 1875 г. для священническихъ сиротъ. Но и въ институтѣ этомъ всѣ предметы, не исключая и закона Божія, преподаются по мадярски. Русскій языкъ тутъ необязателенъ . . . «Вотъ почему у насъ дочери священниковъ еще менѣе своихъ братьевъ знакомы съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ», восклицаетъ съ глубокимъ сожалѣніемъ Ж. З. И., «вотъ почему онѣ только по мадярски свободно говорятъ и читаютъ. Если же знаютъ и народное нарѣчіе, то стыдятся говорить на немъ въ обществѣ.»

О дочеряхъ свѣтскаго происхожденія, конечно, и говорить нечего, имъ въ большинствѣ случаевъ даже нечего болѣе стыдиться, такъ какъ; за весьма рѣдкими исключеніями, съ окончаніемъ школьнаго образованія родной языкъ ими окончательно забывается.

Слѣдствіемъ подобной постановки воспитательно-учебнаго дѣла у угрорусскаго народа получается въ высшей степени печальная картина. Национальное паденіе угрорусскаго общества быстро подвигается впередъ. Мадярскій языкъ сталъ не только официальнымъ органомъ во всѣхъ отрасляхъ церковнаго и гражданскаго учебныхъ вѣдомствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и языкомъ общества, гостинной, дружеской переписки, семьи. Даже дѣти во многихъ русскихъ семьяхъ учатся лепетать всего ранѣе по-мадярски. Почти всѣ читаютъ только мадярскія книги и газеты. По словамъ Ж. З. И., изъ русскихъ вышло

даже не мало мадьярскихъ публицистовъ и поэтовъ. Въ комъ же не заглохло народное чувство, у тѣхъ замѣчается — за малыми исключеніями — полная апатія. Старшее поколѣніе, помнящее время русскаго возрожденія въ Угрии, сознаетъ еще свою народность и любитъ ее; но оно не имѣетъ рѣшимости высказываться, а тѣмъ менѣе дѣйствовать. Въ обществѣ, на улицѣ бояться заговорить по-русски, бояться каждаго письма, книги, газеты изъ Россіи или изъ Галичины, бояться выписывать свой угрорусскій «Листокъ», составляющій — *nota bene* — единственный печатный органъ на русскомъ языкѣ во всей странѣ; бояться даже покупать русско-мадьярскій словарь Матрака, такъ какъ правительство считаетъ его языкъ не русскимъ, а «московскимъ».

Приводимъ еще заключительныя слова прекраснаго сообщенія Ж. З. И., которымъ мы воспользовались, поскольку оно касается дѣла воспитанія и школьнаго обученія угрорусскаго народа: «Безпристрастному наблюдателю нынѣшнее положеніе угорской Руси не можетъ не представляться крайне труднымъ и опаснымъ для ея церкви, школы и народности. Можно смѣло утверждать, что въ послѣднее тысячелѣтіе она никогда еще не переживала болѣе тяжелыхъ для ея церкви и школы дней. Въ національномъ отношеніи она истекаетъ кровью и не можетъ уже подняться на ноги безъ посторонней помощи. Наступитъ ли, наконецъ, день ея избавленія? Мы вѣримъ и надѣмся. Одна эта вѣра и поддерживаетъ еще насъ въ неравной борьбѣ за жизнь».

Но вѣра вѣдь смиреніе разума, а кто живетъ одной надеждой, тотъ рискуетъ умереть голодной смертью... Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ американцы.

КРИТИКА.

С. Ламовицкій. Школьный методъ и его отношеніе къ учебному предмету исторіи. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 30 коп.

И. Виноградовъ, Вязьма.

Въ 10—12 кн. „Гимназіи“ за 1891 г. мы дали разборъ методики исторіи г. Кролюницкаго. Теперь предъ нами другой трудъ, касающійся также преподаванія исторіи. Выше названный трудъ г. Ламовицкаго существенно отличается въ самой основѣ отъ всего, что писано по этому вопросу. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ серьезной попыткой поставить школьное преподаваніе исторіи въ болѣе тѣсную связь съ законами человѣческаго мышленія и, такимъ образомъ, изученіе исторіи сдѣлать на самомъ дѣлѣ средствомъ развитія логическаго мышленія и познавательной способности ученика, чтобы такимъ преподаваніемъ исторія служила не только реальному образованію, но (и главнымъ образомъ) и формальному.

Трудъ г. Ламовицкаго уже въ силу своей новизны взглядовъ является крайне интереснымъ и, по массѣ указаній, нелишненнымъ пракческаго значенія и весьма полезнымъ; въ виду этого, мы передадимъ краткое содержаніе его.

Онъ распадается на 8 главъ. Въ 1-ой гл. „значеніе общаго образованія вообще и роль исторіи въ общеобразовательной школѣ въ частности“, г. Ламовицкій опредѣляетъ, что такое общеобразовательная школа и въ чемъ ея цѣль. Слѣдующимъ образомъ отличаетъ онъ общеобразовательную школу отъ практической: „не давая знаній, непосредственно полезныхъ въ жизни, образовательная школа, въ интересахъ самаго знанія, заботится о томъ, чтобы была развита способность сравненія и наблюденія, т. е. способность добывать и накапливать знанія, — словомъ, разсудочная дѣятельность. Всѣ предметы школьнаго обученія должны развивать эти познавательныя способности, потому, говоря объ общеобразовательной школѣ, гораздо важнѣе имѣть въ виду вопросъ, какъ учить преподающимся въ ней предметамъ, а не чему учить.

Образовательная школа должна гармонически развить человѣка, т. е., его умъ, сердце и волю; поэтому и исторія, какъ школьный учебный предметъ должна развить всѣ тѣ способности, которыя даны Творцемъ человѣку, облагородить, сообразуясь съ тѣми средствами, которыми она можетъ располагать. Опредѣливъ далѣе (во 2-й главѣ) сущность мышленія или процесса познания и роль его въ жизни и наукѣ, въ слѣдующей затѣмъ (3-й) главѣ („одна изъ цѣлей, которыя должны преслѣдоваться въ школѣ преподаваніемъ исторіи, какъ учебнаго предмета“) г. Ламовицкій говоритъ, „исторія, какъ предметъ общеобразовательной школы, должна развить разсудочныя способности, которыя служатъ органомъ познания и описаніемъ которыхъ занимается логика. Чѣмъ глубже и разностороннѣе повліяетъ исторія на разсудочныя способности, тѣмъ совершеннѣе выполнить она свое назначеніе и, наоборотъ, чѣмъ меньшее вліяніе окажетъ она въ названномъ направленіи, тѣмъ ниже падаетъ значеніе ея, какъ учебнаго предмета. Далѣе, въ той же главѣ онъ на основаніи примѣровъ доказываетъ, какимъ образомъ историческое содержаніе можетъ оказать вліяніе на развитіе разсудочныхъ способностей ученика. Сначала беретъ примѣры, въ которыхъ проявляется индуктивный методъ мышленія, потомъ примѣры дедукціи. Указавъ на довольно многочисленныхъ примѣрахъ примѣненіе индукціи и дедукціи, какъ средствъ развитія высшихъ разсудочныхъ формъ при изученіи исторіи, авторъ переходитъ къ вопросу о развитіи низшихъ формъ, начиная съ перевода представленій въ понятія, понятій въ сужденія, сужденій въ умозаключенія, гдѣ говоритъ, „чтобы обучающіеся исторіи въ школѣ умѣли переводить представленія въ понятія, изъ понятій и представленій составлять сужденія, на основаніи частныхъ сужденій находить общія, для этого ихъ нужно предварительно научить сравнивать и различать свои разсудочныя явленія, для этого нужно, чтобы они ознакомились съ разсудочнымъ процессомъ сравненія и различенія и поупражнялись въ немъ. Пока же про этотъ процессъ они еще не знаютъ и пока они не упражнялись въ немъ, до тѣхъ поръ и не требуйте отъ нихъ разсудительности, ума, а рассчитывайте только на память ихъ. Если желаете, чтобы они вышли людьми очень разсудительными, давайте имъ вопросы для размышленія, рѣшенія очень сложныя и не рѣшайте сами за нихъ этихъ вопросовъ . . . ; если хотите, чтобы они остались съ одною памятью, со способностію и привычною склонностію усвоить только готовое, безъ способности размышлять, безъ ума, заставляйте усвоить только готовое, пусть они заучиваютъ задачи, уже вами рѣшенныя, и т. п. . . . Такъ называемое формальное образованіе, по крайней мѣрѣ, относительно разсудка . . . совершается всегда, когда человѣкъ что либо разумно изучаетъ.“ Но г. Ламовицкій не ограничивается указаніемъ вліянія изученія исторіи на одни мыслительныя способности: онъ указываетъ и вліяніе исторіи на остальные способности человѣческой души, а потому и заключаетъ эту главу словами: „попеченіе только о сообщеніи знаній и больше ни о чемъ на дѣлѣ очень часто приводитъ къ омертвленію живого духа, живой мысли; истины, входящія въ умъ, животворятъ его, когда пробуждаютъ въ немъ тотъ процессъ мышленія, благодаря которому онѣ появились въ свѣтъ.“

Въ 5-й гл. дается понятіе объ исторіи. Послѣ краткаго очерка исторіографіи и указаній нѣкоторыхъ теорій исторической науки, напр., теоріи Бокля, въ концѣ главы исторія опредѣляется, какъ наука хронологически описывающая тѣ явленія, въ которыхъ выражалась жизнь духа человѣчества въ отношеніи умственномъ, нравственномъ, религіозномъ, эстетическомъ, матеріальномъ и политическомъ, притомъ же какъ наука, рассматривающая эту, столь разнообразную жизнь человѣчества въ причинной связи, обобщая сходныя комбинаціи явленій, причинная зависимость которыхъ установлена; а этимъ путемъ она открываетъ и устанавливаетъ законы, которыми управляетъ жизнь человѣчества.

Построя 6 гл. „наглядность и методы обученія“ на развитіи законовъ человѣческаго мышленія, авторъ говоритъ: „прежде, чѣмъ взяться за свое дѣло, преподаватель исторіи долженъ узнать, изъ какихъ представлений, которыхъ нельзя сообщить словами, и какихъ ощущеній скомбинировано содержаніе историческаго курса, подлежащаго изученію, составить этимъ представленіямъ и ощущеніямъ списокъ, реестръ и потомъ справиться, какія изъ нихъ имѣются у учащихся. Всѣ недостающія, или слабыя, или неполныя ощущенія и представленія должны быть восполнены, усилены и уяснены. Только послѣ этого преподаватель можетъ приступить къ обобщенію историческаго знанія; только теперь онъ можетъ надѣяться на то, чтобы быть понятымъ, соблюдая, конечно, общедидактической принципъ, въ силу котораго требуется постепенность перехода отъ конкретнаго, нагляднаго къ отвлеченному. Для поясненія этого приводитъ примѣръ и на основаніи его доказываетъ необходимость наглядныхъ бесѣдъ для учителя исторіи, на которыхъ онъ долженъ дать учащимся при помощи ихъ собственныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ нужныя ощущенія и представленія и сообщить имъ названія послѣднихъ, долженъ заставить учащихся выразить въ звуковой формѣ все узнанное во время наглядныхъ бесѣдъ. Считаая такимъ образомъ эти наглядныя бесѣды подготовительною ступенью къ изученію исторіи и отвергая значеніе для этой цѣли сагъ, г. Ламовицкій, переходитъ къ методу преподаванія исторіи, причемъ такими методами, по его мнѣнію, должны быть, главнымъ образомъ, индукція и дедукція, ибо преподаваніе исторіи, сопровождаемое обобщеніями, оказываетъ большую услугу памяти, такъ какъ не все равно, будутъ ли историческіе факты соединены только хронологической связью, или же, кромѣ того, они будутъ связаны еще причинной зависимостію; да кромѣ того, подъ вліяніемъ общеисторическихъ положеній, каждый историческій фактъ получитъ извѣстное освѣщеніе, окраску, смыслъ, въ каждомъ историческомъ фактѣ будетъ просвѣчивать извѣстная мысль, идея, а цѣлая группа фактовъ будетъ связываться одной идеей; а при такомъ способѣ изученія, исторія не испаряется такъ быстро. Значеніе же историческаго образованія, какъ средства для общаго развитія и заключается въ томъ, чтобы развить въ учащихся способность изъ представлений выводить понятія, низшія понятія переводить въ высшія. Вообще, говоритъ г. Ламовицкій, методъ преподаванія исторіи заключается въ такомъ под-

борѣ и расположеніи учебнаго матеріала, при которомъ всего удобнѣе и чаще разсудокъ упражняется во всѣхъ формахъ логическаго мышленія. Индукція и дедукція, употребляемыя для этой цѣли, могутъ обнаруживаться въ разныхъ формахъ, которыя и называетъ г. Ламовицкій формами преподаванія исторіи. Онѣ суть: біографическая, регрессивная, группирующая, календарная, хрестоматическая и хронологическая, причеиъ ихъ называютъ частными формами преподаванія, такъ какъ онѣ употребляются только при изученіи исторіи, въ отличіе отъ общихъ: эвристической, акроматической и концентрической. Такимъ образомъ у г. Ламовицкаго формами преподаванія исторіи называется то, что въ методикахъ исторіи называется методами (кромѣ эвристики и акроматики). Не будемъ подробно касаться разбора, дѣлаемаго имъ формамъ (методамъ) историческаго обученія; замѣтимъ только, что въ основу этого разбора у него положено то, поскольку та или другая форма (методъ) способствуетъ упражненію высшихъ, самыхъ важныхъ и существенныхъ формъ мышленія и поскольку онѣ способствуютъ накопленію знаній; причеиъ въ хрестоматической формѣ г. Ламовицкій видитъ весьма талантливую попытку въ смыслѣ усовершенствованія формъ преподаванія исторіи.

Въ 7 гл. („совмѣстное преподаваніе исторіи и географіи“) авторъ говорить, что сліяніе исторіи съ географіей нужно считать преждевременнымъ, ибо нельзя сочетать въ одно двухъ элементовъ, между которыми не знаютъ еще связующихъ звеньевъ, хотя при преподаваніи исторіи географическіе моменты должны быть указываемы тамъ, гдѣ они проглядываютъ ясно, осязательно, ибо это уяснить представленіе объ исторической жизни, не только какъ произведеній челоиъческаго духа, но и физической неодушевленной природы.

Опредѣливъ въ предыдущихъ главахъ, какъ нужно преподавать исторію въ качествѣ учебнаго предмета, чтобы она могла имѣть воспитательное вліяніе на разсудокъ учащихся, въ заключеніи (8 гл.) г. Ламовицкій говорить о возможномъ состояніи учебныхъ предметовъ въ нашей школѣ, включая сюда и исторію; а такъ какъ въ школѣ большую роль играетъ учебникъ, то онъ разсматриваетъ, какимъ требованіямъ долженъ отвѣчать хорошій учебникъ или, останавливаясь на учебникѣ Иловайскаго, какъ болѣе распространенномъ, видитъ слѣдующіе въ немъ недостатки. Въ немъ излагаются очень часто цѣлыя ряды такихъ историческихъ явленій, которыхъ совсѣмъ нельзя связать причинною зависимоіію, не выходя изъ предѣловъ этихъ явленій; сплошь и рядомъ вмѣсто дѣйствительныхъ даетъ представленіе о мнимыхъ и воображаемыхъ причинахъ и, вмѣсто того, что было, собираетъ свѣдѣнія о томъ, чего не было. Далѣе, заключаетъ: когда руководство по исторіи составлено изъ историческихъ явленій, несвязанныхъ между собою органически, тогда не можетъ быть ни причинной связи, ни обобщеній, т. е., индуктивнаго мышленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дедуктивнаго. При такомъ условіи работаетъ одна память, разсудокъ же остается въ полномъ бездѣйствіи. Мѣриломъ достоинства преподаванія исторіи служатъ

такимъ образомъ количество и качество выведенныхъ изъ представленийъ понятий, количество и качество высшихъ понятий, выведенныхъ изъ низшихъ, и количество и качество индуктивныхъ положеній. Когда преподаваніе исторіи ведется такимъ образомъ, то, съ одной стороны, обеспечивается развитіе познавательной способности учащихся, а, съ другой, — получается рядъ истинъ, дающихъ здоровое направленіе жизни и поступкамъ человѣка. Чѣмъ больше получено понятий, индуктивныхъ и дедуктивныхъ положеній, тѣмъ преподаваніе исторіи выше и цѣннѣе, и наоборотъ. Когда же оно не даетъ ничего въ этомъ родѣ, тогда пользы отъ него, можно сказать, никакой нѣтъ. Поэтому нельзя не осудить того преподаванія исторіи, когда при вполне неудовлетворительномъ руководствѣ ограничиваются только его заучиваніемъ и передачей.

Вотъ вкратцѣ содержаніе труда г. Ламовицкаго. Изъ него видно и серьезность взгляда, и новизна его, и строгая обдуманность всѣхъ тѣхъ положеній, какія выводитъ авторъ изъ своихъ наблюденій и возрѣній. Если это не методика исторіи, то во всякомъ методическомъ трудѣ это сочиненіе, должно занять серьезное мѣсто. Можно надѣяться, что при такихъ серьезныхъ работахъ о значеніи исторіи, какъ общеобразовательнаго предмета, какъ школьный методъ г. Ламовицкаго, исчезнетъ взглядъ на исторію, какъ науку, удовлетворяющую лишь праздному любопытству, памяти, и неимѣющую въ общеобразовательной школѣ никакого значенія для развитія ума. Въ такомъ случаѣ исторія займетъ подобающее ей мѣсто, среди другихъ предметовъ школьнаго обученія и равное имъ, мѣсто, котораго она не имѣла и не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что главная задача школы — помочь выработкѣ нравственнаго идеала, какъ основы всякаго развитія, а въ этомъ исторія играетъ главную роль.

А. И. Ельсинъ. Правила ударенія въ русскомъ языкѣ. Варшава, 1890 г.

М. Преображенскій, Полангенъ.

Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что слогуудареніе составляетъ въ изученіи русскаго языка камень преткновенія не только для иностранцевъ и нашихъ инородцевъ, но подчасъ и для природныхъ русскихъ. Востоковъ, Гротъ, Кайслеръ, Брандтъ, Шарловскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ не пришли ни къ какимъ прочнымъ

результатамъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о русскомъ слогуудареніи по сей часъ остается открытымъ. Было бы хорошо, еслибы наши словари (академическій и Даля) показывали ударенія словъ хоть въ своихъ оправдательныхъ примѣрахъ; но, къ сожалѣнію, и тотъ и другой словарь даетъ намъ ударенія только начальныхъ формъ грамматическихъ категорій (именит. падежъ или неопред. наклоненіе), совсѣмъ не приводя тѣхъ именныхъ и глагольныхъ формъ, въ которыхъ мѣсто ударенія слова измѣняется. Поэтому понятенъ тотъ интересъ, съ какимъ, по крайней мѣрѣ, любители русскаго слова встрѣчаютъ всякое новое изслѣдованіе въ этой мало выясненной области нашего языка; такой же интересъ возбуждаетъ и книга г. Ельсина.

Авторъ «Правиль русскаго ударенія» въ своемъ почтенномъ трудѣ пытается рѣшить вопросъ о русской просодіи и дать опредѣленные правила, съ помощью которыхъ «можно легко и скоро научиться русскому ударенію». Такимъ образомъ, главная цѣль книги — практическая. При составленіи этихъ правилъ авторъ пользовался академическимъ словаремъ и всѣми литературными трудами по русскому ударенію, вышедшими до послѣдняго времени. Не вдаваясь въ оцѣнку основныхъ положеній автора, мы намѣрены въ своей краткой замѣткѣ познакомить читателя съ сущностью теоріи г. Ельсина и указать тѣ достоинства и недостатки, которые замѣчены нами при чтеніи практической части интересующей насъ книжки. Путемъ наблюденія и изслѣдованія г. Ельсину удалось «уловить способы произношенія русскіхъ словъ и открыть фонетическій законъ русскаго ударенія». Всѣ русскія слова, по утвержденію автора, мы произносимъ или по способу фонетическаго соединенія, или по способу разъединенія слоговъ. Въ первомъ случаѣ, произнося слово, мы «растягивамъ серединную согласную (согласный?), соединяя ее съ обѣими (обоими?) смежными съ нею (съ нимъ?) гласными», напр.: гѣл-лосъ, дѣм-ма, сѣн-но и т. д.; во второмъ — фонетически соединяемъ согласный звукъ со слѣдующимъ за нимъ гласнымъ: кры-лѣ, во-дѣ и т. д. На этихъ двухъ способахъ произношенія словъ основанъ слѣдующій, открытый г. Ельсинымъ, фонетическій законъ русскаго ударенія: «1) въ словахъ, произносимыхъ по способу фонетическаго соединенія слоговъ, удареніе падаетъ на первый изъ фонетически соединяемыхъ слоговъ, и 2) въ словахъ же, произносимыхъ по способу фонетическаго разъединенія слоговъ, удареніе падаетъ на послѣдній изъ слоговъ слова». Когда же, спрашивается, слова произносятся по способу соединенія и когда — разъ-

единенія слоговъ? Къ сожалѣнiю, г. Ельсинъ только отчасти рѣшаетъ этотъ вопросъ по отношенiю къ простымъ кореннымъ словамъ (напр., по отношенiю къ двусложнымъ существительнымъ съ полногласнымъ корнемъ), главнымъ же образомъ его вниманiе останавливаютъ на себѣ слова, соединенныя съ приставками и суффиксами. По вычисленiю г. Ельсина, въ составъ $\frac{9}{10}$ русскихъ словъ входятъ суффиксы, «отъ фонетическаго характера которыхъ ударенiе этихъ словъ собственно и зависитъ». Слѣдовательно, все дѣло въ томъ, какiе изъ (суффиксовъ удерживаютъ на себѣ ударенiе (соединительно-неуступительные суффиксы), какiе передаютъ его предыдущему слогу (соединительно-уступительные суф.) и какiе — окончанiю (разъединительно-перемѣстительные суффиксы). Итакъ, г. Ельсинъ, въ сущности, свелъ рѣшенiе даннаго вопроса къ тому, насколько русское ударенiе зависитъ отъ производства и состава словъ. Дѣло не новое: какъ извѣстно, первый опытъ такого разсмотрѣнiя былъ сдѣланъ Я. Гротомъ. Такова сущность теорiи автора «Правиль русскаго ударенiя».

Книга г. Ельсина раздѣлена на слѣдующiе отдѣлы: 1) Теорiя русскаго ударенiя, 2) образованiе и характеристика суффиксовъ, 3) морфологическiя схемы ударенiя, 4) основныя и общiя правила ударенiя.

Въ концѣ перваго отдѣла приведены 10 выводовъ, предназначенныхъ для примѣненiя фонетическаго закона на практикѣ. Намъ кажется, что эти выводы, тѣсно связанные съ дѣленiемъ и терминологiей суффиксовъ, было бы цѣлесообразнѣе помѣстить послѣ втораго отдѣла.

Что касается этого послѣдняго отдѣла, то здѣсь нельзя не обратить вниманiя на то обстоятельство, что авторъ почему-то окончанiя словъ называетъ суффиксами; екъ — суффиксъ, тель — суффиксъ и пр. Кромѣ того, въ 5-ой группѣ (всѣ суффиксы, для болѣе удобнаго изученiя, раздѣлены на 7 группъ) мы замѣтили пропускъ суффиксовъ: «ищъ», «алищъ» и «илищъ» («ищъ» — въ словахъ безъ приставокъ), хотя въ дальнѣйшемъ изложенiи они показаны соединительно-неуступительными съ ссылкой на эту группу, напр., на стр. 107, § 2.

Въ отдѣлѣ 3-мъ: «Морфологическiя схемы ударенiя русскихъ словъ въ именительномъ падежѣ и неопредѣленномъ наклоненiи» особенной надобности не ощущается, такъ какъ воспроизведенiе его мы находимъ въ «основныхъ правилахъ ударенiя». Притомъ формула оглавленiя этого отдѣла не совсѣмъ точна: кромѣ ударенiя склоняемыхъ и спрягаемыхъ

частей рѣчи, здѣсь показано удареніе и нарѣчій. 4-ый отдѣлъ подраздѣляется на 1) основныя и 2) общія правила ударенія; по первымъ изучается удареніе въ начальныхъ формахъ грамматическихъ категорій, а по вторымъ — измѣненіе ударенія словъ при склоненіи или спряженіи ихъ. Свои замѣчанія объ этомъ отдѣлѣ мы приведемъ ниже.

По увѣренію автора «Правиль русскаго ударенія», русскіе люди, изучающіе слогаудареніе, могутъ довольствоваться: 1) теоріей русскаго ударенія, 2) образованіемъ и характеристикой суффиксовъ, 3) морфологическими схемами и 4) основными правилами; къ общимъ же правиламъ нужно прибѣгать, какъ къ справочной книжкѣ. Намъ же кажется, что русскому человѣку придется пользоваться по преимуществу 4-мъ отдѣломъ, если онъ не желаетъ притти къ невѣрнымъ заключеніямъ относительно мѣста ударенія въ иныхъ разрядахъ словъ. Пользуясь только указанными авторомъ отдѣлами, онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что всѣ существительныя съ «суффиксомъ» *ло* имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, потому что этотъ суффиксъ во всѣхъ отдѣлахъ показанъ разьединительно-перемѣстительнымъ, передающимъ удареніе на окончаніе, и только изъ «общихъ правилъ» онъ узнаетъ, что есть много исключеній изъ этого правила и что, напр., въ словѣ «русло» удареніе не на послѣднемъ слогѣ, а на первомъ. Подобная же исторія можетъ произойти и съ существительными, оканчивающимися на «бище», если не справиться въ общихъ правилахъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не указать на нѣкоторые недосмотры и ошибки, вкравшіеся и въ «общія правила». Такъ, на стр. 26 въ числѣ существительныхъ, въ которыхъ удареніе переходитъ съ корня на окончанія падежей, начиная съ родит. един. числа, показаны «альтъ», «басъ», «бантъ». Относительно двухъ первыхъ нужно сказать, что еще Гротъ въ «Филолог. Разысканіяхъ» приводилъ примѣръ: «Пѣтъ бѣсомъ, ѡлтомъ, а не бѣсомъ, ѡлтѣомъ», чего г. Ельсину нельзя не знать. Что же касается слова «бантъ», то оно во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на корнѣ, а не на флексіи (см. тамъ же). Стр. 28-ая: врядъ ли удареніе въ им. пад. мн. ч. словъ: «жукъ» и «шутъ» будетъ жуки, шуты. На страницѣ 29-ой въ число существительныхъ, оканчивающихся въ имен. пад. мн. ч. на *ья*, попали и слѣдующія: пукъ, маршъ, кусъ. Иностранецъ или инородецъ и впрямь, пожалуй, подумаютъ, что слѣдуетъ говорить: пучья, маршья, кусья. Стр. 32-я: имен. п. множ. числа отъ «черепъ» — черѣпя (?). На страницѣ 70-й къ сущ. женскаго рода отнесены слѣдующія: замѣтыча, зѣ-

вака, гуляка. Стр. 71-ая: ладонка и ноченька: слѣдовало бы оговорить, что «ладонка» — уменьшит. отъ «ладонъ», ибо есть и слово «ладонка»; въ словѣ «ноченька» —, очевидно, опечатка. На стр. 73-ей среди сущ. жен. рода на ъ, какъ *deus ex machina*, является «мгла», «мзда», «ржа» и «тьма». Стр. 76-ая: къ группѣ трехсложныхъ существительныхъ съ удареніемъ на окончаніяхъ падежей обоихъ чиселъ отнесены и слѣдующія: полоса, железа, слобода, тогда какъ извѣстно (акад. словарь и Гротъ), что имен. п. мн. ч. отъ нихъ будетъ: полосы, железы, слободы. На стр. 79-ой авторъ утверждаетъ, что въ словахъ: рѣка и тоска «буква к» принадлежитъ корню; между тѣмъ въ первомъ словѣ корень — «рѣ», а во второмъ — «тѣс» (см. «Корнесловъ рус. языка», В. Зелинскаго). Стр. 123-я: въ словѣ «кладбище» г. Ельсинъ допускаетъ только показанное удареніе; однако Я. Гротъ и Даль говорятъ, что удареніи въ этомъ словѣ двойное: кладбище и кладбище. Стр. 124-ая: «Въ слѣдующихъ существительныхъ удареніе падаетъ постоянно на второй слогъ: ворота, перила» . . . Въ словѣ «ворота» удареніе можетъ быть и на послѣднемъ слогѣ: воротá (акад. словарь, Гротъ и Даль).

„Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть воротá, —
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ“.

Крыловъ.

„Воротá тесовы растворилися“ . . .

Кольцовъ.

Стр. 125-ая: суффиксъ (окончаніе) «овать» категорически показанъ соединительно-неуступительнымъ съ удареніемъ на концѣ слова (толковать), хотя дальше, на 142 стр., мы встрѣчаемъ цѣлую группу глаголовъ на «овать», передающихъ удареніе предыдущему слогу (бесѣдовать, вѣровать и пр.). На стр. 168-й: «Въ прилагательныхъ съ соединительно-неуступительными суффиксами: альный, ильный, ельный, яльный (ая, ое), удареніе удерживается на суффиксѣ: альн, ильн, ельн, яльн во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ». Что же, наконецъ, авторъ называетъ суффиксомъ, и что — окончаніемъ?

Можетъ быть, въ книгѣ г. Ельсина найдется и гораздо больше недостатковъ, чѣмъ указано: въ своей краткой замѣткѣ мы не брали на себя задачи указать всѣ недосмотры; мы хотѣли, съ одной стороны, предостеречь читателя «Правилъ русскаго ударенія» отъ слишкомъ большой довѣрчивости «общимъ правиламъ», а съ другой, — по-

будить автора къ пересмотру своего почтеннаго труда при будущихъ его изданіяхъ. Несмотря на указанные недосмотры (что, конечно, вполне можно оправдать, принявъ во вниманіе всю трудность принятой г. Ельсинымъ на себя задачи), мы все-таки полагаемъ главное достоинство «Правиль русскаго ударенія», кромѣ оригинальной теоріи, въ «общихъ правилахъ»: здѣсь указывается удареніе начальной формы слова, удареніе во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, по склоненіямъ или спряженіямъ, и всѣ исключенія изъ общихъ правилъ. Благодаря же прекрасно составленному оглавленію, любую справку можно найти легко и скоро.

J. Spangenbergius.

ВОЙНА

ВЪ

ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКѢ

(Bellum grammaticale)

Перевелъ съ латинскаго

Д. Ячевскій

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатня Г. Матизена

1892

Предисловіе издателя.

Издать вновь эту книжку, въ которой J. Spangenbergius, почти три столѣтія назадъ, описалъ Войну въ Грамматикѣ, побудило меня не столько отношеніе ея къ грамматикѣ, сколько изящество и остроуміе изложенія.

Ученый авторъ представляетъ возникновеніе кровопролитнѣйшей войны между Именемъ и Глаголомъ, которымъ даетъ названіе царей грамматики, и подробно описываетъ все сраженія и битвы. Мнѣ кажется, что изданіе этой книги не будетъ бесполезно какъ для юношей, такъ и для знатоковъ латинскаго языка. Чтеніе этого занимательнаго разсказа заставитъ учениковъ заучивать или повторять грамматическія формы. Знатоки тоже прочтутъ не безъ удовольствія, потому что здѣсь шутовое содержаніе замѣчательно остроумно перемѣшано съ серьезнымъ.

Что касается правописанія, то я рѣшилъ держаться тѣхъ формъ, которыя требуются нынѣшними правилами. Поэтому я нашелъ необходимымъ исправить тѣ мѣста, которыя несогласны съ правилами грамматики, какъ будто авторъ нарочно дѣлалъ въ нихъ ошибки противъ правописанія. Самый языкъ автора я оставилъ безъ перемѣны.

Разумно и вѣрно ли я исполнилъ обязанности издателя, пусть судятъ благосклонные читатели.

Гальберштадтъ,
въ началѣ ноября 1886 г.

R. Schneider.

Предисловіе

Dodecastichon.

Повѣсть о войнахъ лгушекъ съ мышами Гомеръ намъ оставилъ.

Также Овидій воспѣлъ битвы Олимпа съ людьми.

Много хранится разсказовъ о Галльскихъ дружинахъ военныхъ,
Копьяхъ, омытыхъ въ крови, брошенныхъ смѣлой рукой.

Было угодно другимъ описать всѣ раздоры Испанцевъ

И Ватикана Отца войны въ далекой землѣ;

Были, которые славно воспѣли Турецкія брани:

Я почему жъ не могу распрю въ Грамматикѣ пѣть?

Пусть отъ войны потеряли тѣ оба царя много бѣдствій,

Пусть пропитала насквозь землю зеленую кровь,

Всякій однако жестокия битвы царей знаменитыхъ,

Съ смѣхомъ большимъ иногда, очень охотно прочтеть.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава	I. Предисловіе.
"	II. Причина и поводъ войны. Рѣчь царя Именъ, Поэта.
"	III. Отвѣтъ царя Глаголовъ, Люблю.
"	IV. Дальнѣйшіе упреки; вспыльчивость царя Поэта.
"	V. Военный совѣтъ и объявленіе войны.
"	VI. Посольство царя Глаголовъ къ своимъ подвластнымъ народамъ.
"	VII. Остальныя вспомогательныя войска Глаголовъ.
"	VIII. Расположеніе лагеря. Прибытіе войскъ.
"	IX. Приготовленіе къ войнѣ царя Именъ.
"	X. Прибытіе вспомогательныхъ войскъ въ лагерь царя Именъ.
"	XI. Описаніе лагеря царя Поэта и старанія обоихъ царей привлечь на свою сторону Причастіе.
"	XII. Письмо царя Именъ къ Причастію.
"	XIII. Письмо царя Глаголовъ къ Причастію.
"	XIV. Размышленія Причастія и письмо къ обоимъ царямъ.
"	XV. Коварныя дѣйствія Причастія для нападенія на обоихъ царей и помощь, оказанная имъ каждому.
"	XVI. Наканунъ войны.
"	XVII. Письмо царя Глаголовъ къ царю Именъ.
"	XVIII. Отвѣтъ царя Именъ.
"	XIX. Описаніе разбоевъ и бѣдствій войны.
"	XX. Продолженіе.
"	XXI. Нападеніе Глаголовъ.
"	XXII. Местъ царя Именъ.
"	XXIII. Измѣна, открытая въ лагерѣ Глаголовъ, и расположеніе строя.
"	XXIV. Стычка Глаголовъ Недостаточныхъ (Defectiva) съ Именами Разносклоняемыми (Heteroclitā).
"	XXV. Описаніе того же сраженія.
"	XXVI. Потери Глаголовъ.
"	XXVII. Добыча Глаголовъ.
"	XXVIII. Предостереженіе отъ коварства нѣкоторыхъ Глаголовъ.
"	XXIX. Потери Именъ.
"	XXX. Продолженіе того-же.
"	XXXI. Дальнѣйшее описаніе потерь, понесенныхъ Именами.
"	XXXII. Добыча Именъ.
"	XXXIII. Миръ и рѣчь царя Именъ.
"	XXXIV. Избраніе Тріумвировъ.
"	XXXV. Окончательное рѣшеніе Тріумвировъ.
"	XXXVI. Принятіе окончательнаго рѣшенія и признаніе новой власти.

Глава I.

Предисловіе.

Хотя страна «Грамматика» едина и нераздѣльна, но ею управляютъ два брата — близнецы, два могущественныхъ царя, а именно: царь Глаголовъ и царь Имень. Перваго зовутъ Люблю (Амо), второго Поэтъ (Роѣта).

Долгое время они царствовали въ такомъ мирѣ и согласіи, что не только какого либо раздора, но даже простого спора никогда не бывало между ними.

И вотъ, среди такой дружбы царей, когда дѣла во всей Грамматикѣ шли прекрасно и всѣ наслаждались благоденствіемъ, случилось, что, изъ-за ничтожной причины, между царями произошла ссора, и прежнее согласіе омрачилось раздорами и неожиданной войною. Чего не сдѣлаетъ вино и неумѣренность въ ѣдѣ? Невоздержаніе царей, на одномъ только пиру, обратило ихъ тѣсную дружбу въ такую вражду, что, увлекшись необузданною страстью къ владычеству, они едва не погубили всего славнаго царства Грамматики.

Глава II.

Причина и поводъ къ войнѣ. Рѣчь царя Имень, Поэта.

Прежде всего опишу, какимъ образомъ произошло это дѣло, для того, чтобы всѣ знали, что нѣтъ такой тѣсной дружбы, которая не была бы расторгнута изъ желанія самовластія.

Въ одинъ жаркій лѣтній день оба царя, о которыхъ я уже говорилъ, обѣдали вмѣстѣ. Они сидѣли подлѣ тихаго неизсякаемаго источника, берега котораго были осѣнены чудною тѣнью зеленыхъ буквъ и высокихъ платановъ.

Послѣ того какъ они вдоволь поѣли и разгорячились отъ вина, между ними поднялся споръ о томъ, чьи части области лучше. Глаголь приписывалъ себѣ главное мѣсто. Съ нимъ сильно спорило Имя, увѣряя, что безъ Имени рѣчь существовать не можетъ и что оно гораздо древнѣе и достойнѣе.

— Кто не знаетъ, говорило оно, что Имя было раньше, чѣмъ Глаголь? Извѣстно, что все сотворено Богомъ; а если все, то, конечно, и Глаголь. Богъ же есть Имя, а не Глаголь. Слѣдовательно, все сотворено Именемъ, даже сама Рѣчь. Ты, вѣроятно, читалъ: «Между рожденными отъ женщинъ никто не сталъ выше Іоанна Крестителя». Это священныя слова, и тебѣ даже грѣшно не соглашаться. Никто не выше Іоанна, а Іоаннъ есть Имя. И въ другомъ мѣстѣ: «Имя ему было Іоаннъ». Ясно, что нѣтъ ничего выше Имени.

Глава III.

Отвѣтъ царя Глаголовъ, Люблю.

— Поэтъ! отвѣтилъ Глаголь: я прежде удивлялся, что Платонъ, этотъ божественный мужъ, выгналъ тебя изъ своего «государства». Теперь я вижу, какъ ты нахально и безмысленно оскорбляешь божественныя власти и священныя страницы своими нелѣпыми словами. Но чтобы не казалось, что ты только одинъ умный, я докажу мое превосходство самыми очевидными свидѣтельствами изъ св. Писанія. Приведу ту самую главу изъ Новаго Завѣта, гдѣ говорится: «Въ началѣ былъ глаголь, и глаголь былъ у Бога, и Богъ былъ глаголь».

Слушай внимательно. Что морщишься? «Богъ, сказано, былъ Глаголь. Все сотворено Имъ, и безъ Него ничто не сотворено». Слѣдовательно, не Имя все сдѣлало, а Глаголь, такъ какъ Богъ былъ Глаголь, а не Имя. Вѣдь глаголомъ Божиимъ и небеса утверждены и дыханіемъ устъ Его вся слава ихъ. Что ты на это скажешь? нечего ломать голову надъ этими божественными доказательствами. Видишь, что они за меня и противъ тебя. И что это за сумасбродство твое? откуда ты набрался неожиданно столько нахальства, чтобы осмѣлиться присвоить себѣ первое мѣсто въ рѣчи? Развѣ ты никогда не слыхалъ, что вся красота и сладость рѣчи является только благодаря мнѣ, что имя привыкло повиноваться глаголу, а не глаголь имени?

Изящество глаголовъ дѣлаетъ рѣчь красивой и выразительной. И еслибы я въ рѣчи не управлялъ и не распоряжался тобою, ты сдѣлался бы дряхлѣе и немощнѣе. Можешь ли ты сдѣлать хоть одно такое

построение рѣчи, въ которомъ бы мнѣ тотчасъ не было дано главное мѣсто? Что же ты болтаешь и говоришь высокопарныя полутораффовыя слова?

Глава IV.

Дальнѣйшіе упреки; вспыльчивость царя Поэта.

Ты говоришь: я царь Имень. Но какое у тебя имя? Ты отвѣтишь: Поэтъ. А что такое поэтъ, какъ не вздорный бездѣльникъ, изобрѣтатель басенъ, учитель зла, болтунъ, пустомеля, лжець и пьяный дуракъ, который извращаетъ истину, распространяетъ ложь и болтовнею наполняетъ и возмущаетъ всю землю.

Что узнаютъ отъ тебя юноши такого, что бы ихъ могло поощрять къ добродѣтели, исключая того, что Юпитеръ былъ невѣрный мужъ, Юнона — ревнива, Венера — легкомысленна, Марсъ — развратникъ, и прочія милыя измышленія твоей премудрости, въ которыхъ ты беззастѣнчиво мѣшаешь небо съ землею и землю съ небомъ.

На это царь Поэтъ, внѣ себя отъ гнѣва, воскликнулъ: — О безчестная башка! ты смѣешь говорить на насъ такія вещи своимъ глупымъ языкомъ! . . . — И въ ярости онъ пустилъ бы въ него чашей, еслибы одинъ изъ прислуживавшихъ не схватилъ его за руку и не остановилъ удара.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба раздраженные царя перешли бы отъ словъ къ побоямъ и пораненіямъ, еслибы не пришли случайно старики и не развели по дворцамъ царей, разгоряченныхъ виномъ.

Глава V.

Военный совѣтъ и объявленіе войны.

На слѣдующій день сошлись главные чины на обѣихъ сторонахъ и начали великое преніе о бывшемъ наканунѣ столкновеніи. Большая часть, особенно юноши, удивительнымъ образомъ шумѣли.

Хотя бывший тамъ Теренцій заявлялъ, что никогда не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній и что благоразумный долженъ испытывать раньше умомъ, чѣмъ оружіемъ, однако всѣ Имена съ ихъ царемъ такъ рвались къ оружію, что было постановлено: немедленно объявить войну всѣмъ Глаголамъ.

Къ царю Глаголовъ послали трубача и смѣло объявили открытую войну.

Такія же намѣренія были и у царя Глаголовъ. У него собрались чины его стороны и всѣ въ длинныхъ рѣчахъ говорили о томъ, что слѣдуетъ возстановить въ Грамматикѣ достоинство царя Глаголовъ и подавить владычество Именъ.

Между тѣмъ неожиданно пришелъ посоль отъ царя Поэта и буквально объявилъ войну, какъ ему было приказано. Съ радостью, сказалъ онъ, мы принимаемъ вашъ отвѣтъ о томъ, что всѣ вы только и заняты мыслями о войнѣ.

Глава VI.

Посольство царя Глаголовъ къ подвластнымъ народамъ.

Тогда царь Глаголовъ отправилъ трубачей и пословъ ко всѣмъ племенамъ и народамъ, которые покорялись его власти, и велѣлъ всѣмъ способнымъ къ оружію собираться въ назначенный день.

Прежде всѣхъ явился вождь Нарѣчій Quando съ 6 центуріонами, а именно: Quo, Ubi, Qua и Unde, Quorsum и Quousque. За ними слѣдовали войны.

Первый центуріонъ велъ слѣдующихъ: Huc, istuc, illuc, intro, foras, alio, nequo, aliquo, siquo, illo и eo.

Второй: Hic, illic, istic, intus, foris, ibi, ibidem, sicubi, necubi, alicubi, alibi, alias, usquam и nusquam.

Третій: Hac, illac, istac, nequa, siqua.

Четвертый: Hinc, illinc, istinc, inde, aliunde, alicunde, caelitus, funditus.

Пятый: Horsum, illorsum, introrsum, extrorsum, dextrorsum, sinistrorsum, aliorsum, retrorsum, sursum, deorsum.

Шестой: Hactenus, hucusque, eousque, usquemodo и usquenunc.

Шестой центуріонъ несъ въ своей рукѣ знамя и шелъ посрединѣ, такъ что двѣ центуріи шли впереди, потомъ шелъ онъ самъ, а три центуріи заключали войско.

Много другихъ Нарѣчій шло впереди. Развѣдывали дорогу тѣ, которыя охраняли крылья переднихъ строевъ. Они же слѣдили, чтобы ряды не разстраивались. Имена ихъ были: Peregre, pone, supra, intra, extra, citra, ultra и мн. др.

Послѣ этихъ прибыли Нарѣчія Качественныя, Количественныя и Числительныя. Съ ними были также Нарѣчія Клятвенныя: Edepol, ecastor, mehercule и profecto.

Нарѣчія Восклицательныя, какъ Heus и Ô; Отвѣта — Нем;

Смѣха — *Ha, ha, ha*; Отрицанія — *Minime, Nequaquam*. Хотя этотъ *Nequaquam* былъ очень дѣятельный и опытный на войнѣ, однако считался самымъ большимъ лжецомъ.

Всѣ эти Нарѣчія были вооружены тройнымъ оружіемъ: щитомъ у нихъ служилъ *Species*, панциремъ — *Significatio*, а мечемъ — *Figura*.

Глава VII.

Остальная вспомогательная войска Глаголовъ.

Много другихъ племень, подвластныхъ Глаголамъ, пришли на помощь своему царю, а именно племена: *Inchoativa, Frequentativa, Meditativa* или *Desiderata, Imitativa* и *Diminutiva*, и пришли съ войсками не малыми.

Явились также очень храбрые сатрапы-глаголы *Anomala*, власть которыхъ простиралась очень далеко, хотя жили въ сосѣдствѣ съ Грамматикой. Они были самые воинственные и постоянно встрѣчались въ Грамматикѣ, но не подчинялись никакимъ порядкамъ и постоянно уклонялись отъ правильнаго спряженія. Это было: *Sum, Fero, Edo, Eo* и т. д.

Имъ было позволено царемъ разбить свои палатки въ какомъ угодно мѣстѣ лагеря, лишь бы только не производить между воинами безпорядка.

Послѣ этихъ пришло Глагольное племя *Defectiva*, прекрасно распредѣленное по своимъ дружинамъ: *Memini, Novi, Coepi, Odi*. Также *Salve, Vale, Ave, Inquam, Aio, Faxo, Cedo* и др. Всѣ были вооружены и готовились къ битвѣ съ рѣшительнымъ духомъ.

За ними слѣдовали всѣ Глаголы *Activa*, одѣтые въ *O*, и *Passiva*, одѣтые въ *Or*; а также *Neutra* со своими *Deponentia, Communia* и *Impersonalia*. Всѣ были вооружены посредствомъ *Genera, Tempora, Modi, Species, Figurae, Personae* и *Numeri*.

Глава VIII.

Расположеніе лагеря. Прибытіе множества войскъ.

Собравъ такую рать, царь Глаголовъ всѣ свои войска вывелъ на громадныя поля Союзовъ, въ мѣсто, называемое «Связка». Тамъ, подлѣ рѣчки *Sive*, принадлежащей Раздѣленіямъ, онъ разбилъ лагерь.

Всѣ Глаголы онъ раздѣлилъ на 4 Спряженія и каждому назначилъ

свое мѣсто въ лагерѣ, исключая нѣкоторыхъ родственниковъ Глаголовъ, какъ, напр.: *Incipit, desinit, debet, vult, potest, jubet, audet, nititur, tentat, dignatur* и др., которымъ было поручено нести поклажу для *Infinitivus*.

Позже всѣхъ въ лагерь явились Глаголы съ великою властью. Эти Глаголы внѣшняго дѣйствія, не зависящія ни отъ государства, ни отъ человѣческаго рѣшенія. Таковы: *Pluit, ningit, grandinat, fulgurat, tonat, fulminat, coruseat, lucescit, noctescit, vesperascit* и др.

Они вели за собою когорты своихъ храбрѣйшихъ солдатъ.

Даже *Gerundia* и *Supina*, оставивъ Имена, перебѣжали къ Глаголамъ.

Глава IX.

Приготовленіе въ войнѣ царя Имень.

Царь Имень, Поэтъ, услышалъ, какую рать приготовилъ противъ него врагъ, и испугался. Онъ видѣлъ, что сразу можетъ быть уничтоженъ неожиданнымъ нападеніемъ, если будетъ ждать нападенія такихъ силъ безъ приготовленій. Поэтому, онъ объявилъ всѣмъ находящимся подъ его владычествомъ, чтобы, какъ можно скорѣе, явились вооруженные и распределенные по силамъ.

На помощь царю первыми явились, какъ наиболѣе близкіе родственники, вожди Мѣстоименій *Ego, Tu, Sui* и родные самого царя, происшедшіе отъ одной крови: *Meus, Tuus, Suus, Noster, Vester, Nostras, Vestras*. Также *Ille, Ipse, Hic, Quis, Qui*. Всѣ Мѣстоименія были раздѣлены по клинамъ. Были тамъ *Primitiva, Relativa, Demonstrativa*, нѣсколько *Reciproca, Possessiva* или *Gentilia*.

Пришли еще три очень отважные и бывшіе во многихъ войнахъ брата *Hic, Haec, Hoc*.

Всѣ Мѣстоименія были вооружены посредствомъ *Species, Genera, Numeri, Figurae, Personae* и *Casus*, и раздѣлены на 4 Склоненія. Предводители Мѣстоименій *Relativa* — *Quis, Qui, Quae, Qua, Quod, Quid* — были главными докладчиками у царя Имень. При нихъ были всѣ *Relativa Substantiae*, раздѣленные на 2 дружины: *Identitas* и *Diversitas*.

Въ первой считались: *Tuus, Suus, Ipse, Sui, Ille, Idem*. Во второй: *Ceterus, Alius, Reliquus, Alter*. Начальники *Relativa Accidentia* были: *Qualis, Talis* и др. Рядомъ съ ними сражались: *Tantus, Quantus, Tot, Toties, Quot, Quoties, Cuias, Nostras* и др.

Глава X.

Прибытіе остальныхъ вспомогательныхъ войскъ въ лагерь Имень.

Пришла также царица Предлоговъ Ad. Съ нею были Ab и In, соединенныя падежами Имень. Они вели съ собою три фаланги воинственныхъ воиновъ. Въ первой были:

Ante, apud и adversus,
 Circum, circa, citra, cis,
 Contra, erga, extra, intra,
 Infra, inter, juxta, ob,
 Penes, pone, post и praeter,
 Prope, propter, per, secundum,
 Supra, versus, ultra, trans, —

всѣ подчинены Винительному падежу. Во второй были:

Absque, a, ab, abs и de
 Coram, clam, cum, ex и e,

Sine, Tenus, pro и prae, —

всѣ служатъ падежу Творительному.

Въ третьей: In, sub, super и subter, которые подчиняются обоимъ падежамъ.

Служили здѣсь также Предлоги Inseparabiles — di, dis, re, se, an, con. Ихъ собственною обязанностью было дѣлать въ военныхъ дѣлахъ различныя сочетанія, которыхъ тогда было сорокъ.

Всѣ Имена, распределенныя по частямъ, шли въ прекрасномъ порядкѣ, а именно: Собственные, Наричательныя, Существительныя, Прилагательныя. За ними шли Comparativa и Superlativa, Heteroclita, Patronymica, Possessiva, Denominativa и Numeralia, раздѣленныя на 5 склоненій — первое, второе, третье, четвертое и пятое. Оружіемъ были: Species, Genera, Numeri, Figurae и Casus.

Глава XI.

Описание лагеря царя Имень и старанія обоихъ царей привлечь на свою сторону Причастіе.

Когда такимъ образомъ всѣ силы были собраны вмѣстѣ, царь Имень вывелъ свои войска на ту же равнину Союзовъ. Онъ сталъ лагеремъ по другую сторону вышеупомянутой рѣки Sive, такъ что только русло рѣки раздѣляло двѣ такія громадныя рати.

Это было причиною того, что между приходившими брать воду происходили иногда небольшія схватки.

Однако всѣ войска еще ни разу не вступали въ битву. Этому мѣшали оба царя, такъ какъ полагали, что не все еще готово къ сраженію.

Каждый царь думалъ, какъ бы переманить на свою сторону Причастіе. Причастіе имѣло громадную власть во всей Грамматикѣ. По достоинству и по вліянію, оно было первымъ послѣ царей. Со своими войсками Причастіе склонялось на ту и на другую сторону, и не было сомнѣнія, что оно можетъ даровать рѣшительную побѣду. Поэтому и Глаголь, и Имя, пускали въ ходъ всякіе способы, чтобы только привлечь къ себѣ Причастіе.

Глава XII.

Письмо царя Имень къ Причастію.

Царь Имень, Поэтъ, заранѣе написалъ такое письмо къ Причастію:

«Братъ. Думаю, что тебѣ не безъизвѣстно, съ какою надменностью, съ какимъ высокомеріемъ, царь Глаголовъ, Люблю, посягнулъ на честь Имень и какъ безумно отваживается захватить первое мѣсто въ области.

«Поэтому, противъ нашей воли, мы принуждены взяться за оружіе и собрать войско, чтобы смирить его гордость и сохранить нашу власть въ цѣлости.

«Ты прекрасно знаешь, сколько ты обязанъ племени Имень и сколько благодарній получилъ отъ нихъ. Поэтому ты совершишь дѣло, достойное твоей дружбы и вѣрности, если присоедишься къ намъ со своими легіонами, чтобы вмѣстѣ съ нами защищать наше общее дѣло, наши общія стремленія. Въ случаѣ ниспроверженія державы Имень, въ земляхъ Грамматики не останется ничего, что бы ты могъ считать надежнымъ для себя.

«Будь здоровъ и, насколько можешь, ускори свой приходъ».

Глава XIII.

Письмо царя Глаголовъ къ Причастію.

Также царь Глаголовъ, Люблю, написалъ Причастію въ такихъ словахъ:

«Бездѣнный другъ.

«Отъ меня не скрылось, что наши враги, съ величайшей настой-

чивостью, подговариваютъ тебя пойти противъ насъ войною и, въ союзѣ съ ними, выступить на поле сраженія. Хотя мы увѣрены, что, при твоёмъ благоразуміи, ты ничего не сдѣлаешь необдуманно, однако признали необходимымъ напомнить и убѣдить тебя, чтобы ты точно обдумалъ, какія выгоды получишь отъ насъ, и сколько чести доставилъ тебѣ союзъ съ Глаголами.

«Кажется, ты получишь отъ Имени какія то крохи. Однако гораздо важнѣе то, что тебѣ дано нами.

«Поэтому, ты поступишь болѣе справедливо, если вступишь въ нашу, столь счастливый станъ. Невѣроятно, чтобы, въ случаѣ нашей гибели, эти самые враги не тронули твоихъ владѣній и (что да отвратить небо!) не обратили противъ тебя счастливаго оружія, чтобы могли, наконецъ, одни свирѣпствовать во всѣхъ концахъ Грамматики, изъ-за своей необузданной развращенности.

«Будь здоровъ».

Глава XIV.

Размышленія Причастія и письмо его къ обоимъ царямъ.

Прочитавъ оба письма, Причастіе увидѣло, что не можетъ перейти ни на одну сторону безъ громадной опасности для своихъ владѣній. Напротивъ, если оно останется въ сторонѣ, то, или сохранить дружбу обоихъ, или (чего оно болѣе всего желало въ душѣ) оба царя могутъ такъ обезсилѣть отъ битвъ и пораженій, что, подавивъ ихъ окончательно, Причастіе безъ сопротивленія овладѣетъ всѣмъ царствомъ Грамматики. Однако оно рѣшило скрыть свои мысли и обманывать обоихъ, покуда не увидитъ исхода войны.

Обоимъ оно написало такъ:

«Свѣтлѣйшіе цари.

«Получилъ ваши письма и прочелъ ихъ съ великой душевною скорбью. Узнаю, что между столь дружественными правителями произошелъ такой раздоръ, что вы уже не можете удержаться, и намѣрены, въ кровопролитнѣйшей войнѣ, разорить великую державу и отдѣльныя царства Грамматики.

«Какая злоба васъ объяла? Откуда это затемненіе разума? Ради самого безсмертія! подумайте, до чего вы дойдете? Разсудите немного, какъ обрадуются ваши враги — невѣжественные и дикіе народы, видя, какъ силы ихъ противниковъ раздираются отъ междоусобій.

«Заклинаю васъ всѣми богами небесными, земными и подземными! возвратитесь, удержитесь отъ смертоснаго оружія и, изъ-за погубной смерти ко владычеству, не покрывайте прекраснѣйшей въ мірѣ страны мятежами и кровопролитіемъ.»

«Однако, если будетъ угодно судьбѣ, и вы всетаки намѣрены рѣшить дѣло войной, моимъ долгомъ будетъ не помогать никому изъ васъ. Ибо одни мои права я получилъ отъ Глагола, другія отъ Имени.»

Такъ какъ я многимъ обязанъ вамъ обоимъ, то, насколько буду въ состояніи, помогу вамъ продовольствіемъ и другими средствами, необходимыми для прокормленія. Не подыму оружія, но выставлю лишь столько моихъ войскъ, чтобы, среди превратностей войны, не было сдѣлано никакого разоренія въ предѣлахъ моего государства.

«Да даруютъ вамъ боги болѣе здоровыя мысли.»

«Будьте здоровы.»

Глава XV.

Коварныя дѣйствія Причастія для нападенія на обоихъ царей и помощь, оказанная имъ каждому.

Такъ отвѣтило Причастіе. Но на дѣлѣ, съ хитростью и коварствомъ оно поддерживало распрю царей, какими могло средствами и тайными письмами разжигало воинственный духъ народовъ. Оно надѣялось, что, съ ихъ гибелью, для него можетъ легко явиться случай овладѣть всей Грамматикой.

Причастіе назначило день, въ которой должны были собраться у него его войны, и выставило не плохое войско. Сперва явились кончающіеся на Ans, Ens, Tus, Sus, Xus, Rus и Dus, съ отглагольвыми Именами на Tor, Trix и подобными. Тѣ, которые жили въ мѣстахъ, близкихъ и къ Глаголу, и къ Имени, присоединились къ Причастію. Даже Gerundia и Supina перебѣжали теперь къ Причастію, чтобы не участвовать въ междоусобной войнѣ. Устроивъ дѣло такимъ образомъ, чтобы быть приятнымъ обоимъ царямъ, Причастіе назначило каждому дары большой цѣны.

Сперва оно послало Глаголу такія Neutropassiva: Gaudeo, Soleo, Audeo, Frandeo, Caeno, Juro, Fido и др. Царю Имень дало кончающихся на Tor и Trix. Глаголу послало также, какъ подтвержденіе для войска, сто телѣгъ Настоящихъ, Прошедшихъ и Будущихъ и тысячу верблюдовъ — Figurae сложныя и простыя.

А для Имени отправило черезъ рѣку Sive десять грузовыхъ судовъ, съ Casus, Nominativi и Genetivi, а также Numeri — Singularia и Pluralia, и много еще Genera — Masculina, Feminina, Neutra и Communia.

Сдѣлавъ это, Причастіе со своими легионами остается въ собственныхъ предѣлахъ, выжидая, куда повернетъ судьба. А воинственные цари все приготовили къ войнѣ и думали только о томъ, чтобы какой нибудь прекрасный случай открылъ войну.

Глава XVI.

Наканунѣ войны.

Случилось, что царь Глаголовъ посредствомъ обмана овладѣлъ двумя изъ наиболѣе знаменитыхъ государствъ: А и U. Узнавъ объ этомъ, царь Имень такимъ же образомъ занялъ три другія: Е, I и O. Остальные государства были болѣе бдительны и осторожны. Они сохранили свою свободу, и выставили себя друзьями обоихъ царей. Именно: b, c, d, f, g, l, m, n, p, r, s, t, x и z. Никто не спорилъ, что на нихъ покоятся основы всей Грамматики. По два Дифтонга были даны каждому царю исполнять должность трубачей.

Бромъ того, за обоими войсками слѣдовали молодыя танцовщицы, которыя различнымъ образомъ развеселяли солдатъ.

Однѣ изъ нихъ горько оплачивали предетоящую гибель всей Грамматики, грозное приближеніе которой онѣ уже видѣли: это были — Oh, Ah, Heu и Hei. Другія какъ Vah, Proh, Vae, Atot, негодовали и поносили распрю царей.

Большая часть удивлялась, что раздоръ возникъ между столь близкими друзьями, напр., Pape. Но нѣкоторые, изъ легкомыслія, радовались и подстрекали воиновъ сразиться, какъ, напр., Eia и Eux.

Глава XVII.

Письмо царя Глаголовъ къ царю Имень.

Когда все было готово къ сраженію, царь Глаголовъ захотѣлъ отвратить междоусобную войну, насколько это будетъ ему возможно, чтобы этимъ прославить свой поступокъ. Онъ написалъ слѣдующее письмо царю Имень:

«Поэтъ.

«Ты могъ понять, съ какими силами я выйду въ поле, чтобы

сразиться съ тобой, и очень хорошо знаешь, что ты рѣшительно не въ состояніи выдержать нападеніе моихъ легионовъ.

«Если уступишь мнѣ и останешься въ своихъ предѣлахъ, то только благоразумно сбережешь свое достояніе.

«Если не будешь продолжать безумствовать, и намѣренъ рѣшить дѣло оружіемъ, то я, черезъ два дня, со всѣми моими войсками, выйду въ поле, чтобы сразиться съ тобою».

Глава XVIII.

Отвѣтъ царя Имень.

Когда трубачи Аи и Ец передали это письмо царю Имень, тотъ, по мысли своихъ совѣтниковъ, отвѣтилъ такъ:

«Глаголь.

«Всегда у тебя больше словъ, чѣмъ нужно, и не въ первый разъ ты терзаешь умы своимъ вздоромъ. Ты хвастаешь своими воинственными легионами и ужасными орудіями, какъ будто мы считаемъ себя карликами или комарами. У тебя всегда была маленькая власть въ рѣчи. По твоему безумству, тебѣ не избѣгнуть того, что законное оружіе изгонитъ тебя изъ твоей половины нашего царства, которую ты плохо приобрѣлъ, еще хуже устроилъ и совсѣмъ скверно сохраняешь. Чтобы ты зналъ, какъ мы смотримъ на твою вражду, наши трубачи Ае и Ое, нашимъ именемъ, покажутъ тебѣ *nudatos lumbos*.

«Если ты здоровъ, чего я желаю, то будь здоровъ — навсегда».

Глава XIX.

Описаніе разбоевъ и бѣдствій войны.

Когда оба царя были раздражены такими письмами, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали дня сраженія. Между тѣмъ, съ временемъ, общее нетерпѣніе возрасло до того, что, по своеволю нѣкоторыхъ злодѣевъ, появилась большая шайка грабителей, которые стали разорять всю страну Грамматики и нападать на путниковъ и другихъ, которые доставляли продовольствіе въ оба лагеря.

Когда поэтому въ обоихъ войскахъ сталъ увеличиваться недостатокъ въ пищѣ и была открыта причина, то, по соглашенію обоихъ царей, были отправлены самые опытные военачальники съ хорошимъ отрядомъ солдатъ. Они должны были ловить и вѣшать разбойниковъ, а бѣглецовъ изгонять изъ всей Грамматики. Военачальники пришли

къ тѣмъ мѣстамъ и окружили солдатами одинъ лѣсъ, къ которомъ скрывалось большое число разбойниковъ. Переловили всѣхъ до одного и между ними былъ нѣкій Каѳоликонъ; онъ велъ въ Италію громаднаго осла, на котораго были навалены въ безпорядкѣ греческія и латинскія слова — цѣлый грузъ варваризмовъ.

Хотя всѣхъ удавили петлею, однако одного Каѳоликона оставили въ живыхъ и отвели въ лагерь съ осломъ. Пытками онъ былъ принужденъ признаться, что всѣ слова тайно укралъ въ земляхъ Грамматики.

Когда кто то спросилъ его по гречески, онъ откровенно отвѣтилъ, что ничего по-гречески не знаетъ, а по-латыни мало.

— Чего же ты, говорятъ судьи, везешь съ собою греческія слова, которыхъ не понимаешь?

На это онъ сказалъ:

— Да наши всѣ такіе неучи, что, хотя бы я сталъ говорить по-варварски, ихъ легко убѣдить, будто я проникъ во всѣ закоулки аттическаго краснорѣчія.

Всѣ присутствовавшіе громко расхохотались и сказали:

— Клянемся Геркулесомъ, что если ты имѣешь такихъ легко-вѣрныхъ слушателей, то можешь итти невредимо и везти къ нимъ то, въ чемъ нельзя будетъ различить твое отъ чужого. Но мы постановляемъ, чтобы ты возвратилъ то, что явно будетъ имѣть другого владѣтеля.

Затѣмъ было сдѣлано точное разслѣдованіе, и почти все греческое судьи возвратили грамматикѣ Исидору, которому это принадлежало, а остальное позволили отвезти Латинянамъ, и отпустили его вмѣстѣ съ осломъ, которому стало гораздо легче итти. Вмѣстѣ съ тѣмъ они посоветовали никогда не выдавать себя за ученаго, развѣ только передъ невѣжественными и безграмотными слушателями.

Глава XX.

Продолженіе того же.

Присціанъ, замѣчательнѣйшій мужъ и наиболѣе почитаемый во всей Грамматицѣ, тяжело переносилъ то, что Грамматика опустошается отъ междоусобныхъ войнъ. Когда онъ спѣшилъ въ лагерь, чтобы усмирить возстаніе, то былъ схваченъ разбойниками и соумышленниками Каѳоликона, ограбленъ, побитъ палками и получилъ въ голову такую рану, что никогда не могъ вылѣчиться, не смотря ни на какія старанія врачей.

Не много спустя, былъ схваченъ одинъ изъ этихъ разбойниковъ, который передъ всѣми ложно выдавалъ себя за исторіографа. Онъ собралъ въ одну книгу кучу нелѣпостей и назвалъ эту книгу дополненіемъ къ лѣтописи.

На допросѣ его принудили сознаться, что все его — краденное, и навсегда сослали въ землю невѣжества.

Глава XXI.

Нападеніе Глаголовъ.

Въ это время нѣсколько вождей изъ рода *Anomala: Sum, Volo* и *Fero*, вышли изъ лагеря Глаголовъ съ тремя когортами и захватили одного изъ центуріоновъ Имень, по имени *Ceterus*. Онъ былъ изъ рода *Relativa* и со своими солдатами скрывался въ ущельи, расположенномъ на распутьи Союзовъ *Quod* и *Sum*. Глаголы изрубили его со всѣми его Единственными; но его Множественныя, очутившись въ такой опасности, дали обѣтъ поставить громадную свѣчу Римскому Пасквилю и, по молитвамъ этого римлянина, сверхъ всякаго ожиданія, остались невредимы.

Глава XXII.

Местъ царя Имень.

Когда объ этомъ было донесено царю Имень, онъ страшно разгнѣвался и не могъ снести, что потерялъ такого центуріона. Этотъ *Ceterus* былъ замѣчательнъ по своей силѣ, славился храбростью и никому не уступалъ въ знаніи военнаго дѣла. Поэтому царь съ большимъ стараніемъ искалъ случая, чтобы еще въ большей степени отплатить врагамъ за полученное пораженіе.

Счастье, которое имѣетъ наибольшее значеніе во всѣхъ дѣлахъ и особенно властно дѣйствуетъ на войнѣ, доставило ему отличный случай. Легковооруженные солдаты Имень взяли въ плѣнъ и отвели въ лагерь нѣсколько человѣкъ изъ Глагольныхъ легионовъ. Между ними было нѣсколько изъ рода *Imperativa: Dice, Duce, Face* и *Fere*. Чтобы опозорить ихъ, царь Имень велѣлъ обрѣзать у нихъ сзади одежду, такъ что эти Глаголы были сзади обнажены. Ихъ отпустили, и съ того времени они были названы *Dic, Duc, Fac, Fer*.

Подобнымъ образомъ были схвачены *Fuo* и *Specio*. Царь велѣлъ ихъ казнить и возратить царю Глаголовъ ихъ добро, всѣхъ законно происходящихъ отъ нихъ по прямой линіи, именно *Futurus* и *Fui*,

съ другими, образовавшимися отъ *Fuo*; а также *Conspicio*, *Despicio* и прочихъ, происшедшихъ отъ *Specio*.

Глава XXIII.

Измѣна, открытая въ лагерѣ Глаголовъ, и расположеніе войскъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ Глаголовъ была открыта ужасная измѣна. Нѣсколько воиновъ-уродовъ изъ племени *Praeterita Perfecta*, у которыхъ было по двѣ головы, составили заговоръ и начали строить козни противъ царя Глаголовъ. Они были схвачены и обвинены въ измѣнѣ или преступленіи противъ величества. Имена ихъ были: *Momordi*, *Totondi*, *Spondi*, *Cecidi*, *Pepedi*, *Tutudi*, *Pepuli*, *Fefelli*, *Cecini*, *Cecidi*, *Cucurri*, *Peperi* и др. По приказанію царя у нихъ, въ Настоящемъ времени, было отрублено по одной головѣ, и тѣ, которые прежде назывались *Momordeo*, *Cucurro* и т. д., впоследствии стали называться *Mordeo*, *Curro* и т. д.

Когда, наконецъ, сталъ приближаться день боя, оба царя велѣли поставить, на возвышенномъ мѣстѣ лагеря, по красному знамени, для того, чтобы воины были извѣщены о предстоящей битвѣ, позаботились о себѣ и приготовили оружіе и все необходимое.

На слѣдующій день, рано утромъ, послѣ того, какъ солдаты позавтракали, войска со всѣхъ сторонъ, въ глубокомъ молчаніи, были выведены въ поле.

Когда всѣ выстроились, оба царя начали возбуждать сильными рѣчами своихъ, чтобы мужественно бились. Однако не было никакой нужды воспалять словами тѣхъ, которые безъ того уже были воспламенены и, размахивая стрѣлами, потрясая копьями, держа мушкеты, съ яростью выжидали знака для вступленія въ бой.

Вотъ, здѣсь и тамъ заиграла труба, земля гудитъ и дрожитъ отъ треска и грома оружія, обѣ стороны испускаютъ крикъ. Въ обоихъ войскахъ начальники даютъ обѣты Юпитеру, ободряютъ войска. Каждый за себя дѣлаетъ все, что можетъ, рубитъ мечемъ, ломаетъ копья. Небо стонетъ отъ вопля мужей, и много ихъ падаетъ отъ ранъ, на обѣихъ сторонахъ.

Глава XXIV.

Схватка Глаголовъ Defectiva съ Именами Heteroclita.

Между прочимъ, тамъ бились Глаголы Defectiva съ Именами Heteroclita. Имена довольно жестоко поражали противниковъ своими

Casus, Genera, Numeri plurales. Но Глаголы крѣпко стояли и громили Имена своими *Modi* и *Tempora*, а ихъ *Numeri* и *Genera* разбивали своими *Conjugationes*.

Одинъ изъ Глаголовъ, *Aio*, полагаясь на одну свою храбрость, долго выдерживалъ бой съ двумя Именами. Но когда онъ уже не былъ въ состоянїи драться, у него отняли много Лицъ, Наклоненій, Временъ и Чиселъ, и остались только слѣдующія: *Aio, ais, ait, aiunt; Aiebam, aiebas, aiebat, aiebamus, aiebatis, aiebant; Aias, aiat, aiant; Aiens.*

Остальное пало отъ меча враговъ.

Глава XXV.

Описаніе того-же сраженія.

Такимъ образомъ бились легионы обоихъ царей, и до того все смѣшалось, что враговъ едва можно было отличить отъ своихъ. Всѣхъ въ сраженіи охватила такая горячность, такое напряженіе, что никто даже не замѣтилъ страшнаго землетрясенія, которое случилось тогда и разрушило ближайшіе города той страны.

Солнце омрачилось отъ множества стрѣлъ, пущенныхъ Числами, единственными и множественными; слухъ оглушался криками *Figuratum compositarum* и *simplicium*. Дротики *Specierum primitivae* и *derivatae* наносили безчисленныя раны.

На обѣихъ сторонахъ трубачи играли *taratantara* и воспаляли отвагу воиновъ до высшей степени. Но молодыя танцовщицы, т. е. Междометія, обходя ряды бьющихся, только разстраивали все своимъ присутствіемъ. Изъ нихъ чаще всего были слышны тѣ, которыя стонали: *Heu* и *hui, oh, ah, vaе*.

Битва была жестокая, и, еслибы вдругъ не поднялась гроза и хлынувшій громадный ливень не остановилъ побоища, то всѣ силы Грамматики были бы, безъ сомнѣнія, уничтожены.

Всѣ съ такимъ бѣшенствомъ стали уничтожать другъ друга, что ихъ съ трудомъ можно было отвести обратно въ лагери, не смотря на то, что полился дождь и былъ данъ знакъ къ отступленію.

Нельзя было рѣшить, кто побѣдилъ въ этомъ сраженіи. Тѣ и другіе потерпѣли страшное потрясеніе, страшное пораженіе, страшное побоище, и на словахъ трудно перечислить взаимныя потери.

Глава XXVI.

Потери Глаголовъ.

Во первыхъ, со стороны Глаголовъ, недостаточный глаголь *Infit* потерялъ всѣхъ происходящихъ отъ него, Виды, Времена, Наклоненія, Лица и Числа, и самъ, только особеннымъ чудомъ, остался цѣль. Однако отъ тѣхъ ужасовъ онъ былъ такъ потрясенъ, что съ того времени рѣдко показывается въ царствѣ Грамматики.

Forem лишился всего, что имѣлъ, исключая *fores, foret, forent* и *fore*.

Ave, Salve и *Vale* изъ рода Повелительныхъ, потерѣли жестокое избиеніе своихъ соратниковъ. Немногіе спаслись и существуютъ до сихъ поръ, остальные погибли.

Faxo, изъ рода Дѣйствительныхъ, спаслось бѣгствомъ только съ тремя товарищами *faxit, faxitis* и *faxint*. Всѣ остальные были вокругъ него изрублены.

Inquam, изъ рода Среднихъ, сохранилъ: *inquis, inquit, inquamus, inquamus, inquietabat, inquietabant; inquiet, inquietant; inquisti, также inque* и *inquito*. Прочихъ уничтожила война.

Arage и *Cedo* спаслись одни, лишившись всѣхъ товарищей.

Facio лишился своего сына *Facior*, который, однако, прежде чѣмъ испустилъ духъ, успѣлъ назначить своимъ наслѣдникомъ *Fio*.

Poseo, Disco, Metuo, Timeo, Compesco, Urgeo и др., а также всѣ изъ рода Дѣйствительныхъ, потеряли свои *Supina*.

Occasum вышелъ цѣлымъ, благодаря ночи.

Нѣкоторые Глаголы, которые потеряли свои *Praeterita* третьяго Спряженія, вполнѣдствіи, для пополненія, получили *Praeterita* четвертаго Спряженія: *Supio, Peto, Quaero, Rudo, Tero, Arcesso, Capesso, Facesso, Lacesso* и *Incesso*.

Нѣкоторыя лишились *Futura* на *Am* и, чтобы не потерять окончательно надежды на будущее, купили на ярмаркѣ другія *Futura* на *Vo*, какъ, напр., *Ео, Queo* и *Veneo*.

Большая часть Среднихъ Глаголовъ, особенно втораго Спряженія, и почти всѣ Глаголы *Splendendi* были лишены Супиновъ, между ними *Luceo, Fulgeo, Splendeo* и подоб.

Также очень много другихъ Глаголовъ либо лишились въ этой борьбѣ нѣкоторыхъ частей тѣла, либо потеряли своихъ товарищей. Слишкомъ долго входить здѣсь въ ихъ перечисленіе и называть всѣ имена,

Глава XXVII.

Добыча Глаголовъ.

Мы перечислили большую часть несчастій, какія достались на долю каждаго. Было бы очень несправедливо лишить похвалъ тѣ глаголы, которые, съ рвеніемъ исполнивъ свое дѣло, увеличили свое прежнее достояніе или вражеской добычей, или подаркомъ отъ своего царя.

Между другими отличаются: *Coenatus, juratus, nuptus, potus* и *gransus*, къ которымъ, кромѣ собственныхъ *Praeterita* дѣйствительнаго значенія, прибавились еще *Praeterita* значенія страдательнаго.

Redimo увеличился двумя значеніями и съ этого времени владѣть тремя обозначеніями, какъ, напр., *vitam, dotum, captos, redimere*.

Explicare, помимо собственнаго значенія *extendere* или *emittere*, приобрѣло смыслъ: *explanare* и *ostendere*.

Praesto приняло много значеній: *se fortem, aliquid, alicui aliquid praestare*.

Naugio обогатился наибольшей добычей. Онъ обозначаетъ *accipere, cupide audire, conficere, evacuare, devorare*.

Pasco получило два смысла — *comedere* и *alere*.

Vaco меньше всѣхъ вмѣшивался въ битву, и, какъ у Плавта говорить Созія, когда другіе сражались, онъ бѣжалъ сильнѣе всѣхъ. Однако счастье, которое даже лѣнливыхъ нерѣдко вѣнчаетъ, захотѣло наградить его трусость очень большой добычей. Онъ исподтишка взялъ въ плѣнъ нѣсколько враговъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія, которыхъ замѣтилъ изъ своей палатки. Послѣ того какъ они выкупились за большія деньги, онъ приобрѣлъ слѣдующія значенія, кромѣ прежняго: *operam dare, in otio esse* и *carere*.

Studeo добылъ три смысла: *favere, operam dare* и *incumbere*.

Pango достались три значенія: *canere* и тогда въ Прошедшемъ имѣеть *panxi*; *pacisci* — тогда имѣеть *perigi*; *conjungere* — *regi*.

Sapio съ того времени обладаетъ двумя значеніями: *saporem* и *sapientiam habere*.

Изъ *Anomala Fero* увеличился многими значеніями: *portare, pati* или *sustinere, ducere, dirigere, dicere, nominare, dare, exhibere, concupiscere, extollere, gignere, afferre, auferre, recipere, assequi*, смотря по соединенію словъ.

Supero, за необыкновенную силу среди всѣхъ глаголовъ, приобрѣлъ шесть значеній: *supergradi, traicere, perferre, vincere* или *excellere, superstitem esse* и *occidere*.

Были также нѣкоторые Глаголы, которые потеряли собственныя *Praeterita* и, взамѣнъ ихъ, получили потомъ отъ своего царя *Praeterita* отъ *Passiva*, павшихъ въ сраженіи, именно *Audeo*, *Gaudeo*, *Soleo*, *Fido* и *Fio*.

Глава XXVIII.

Предостереженіе отъ коварства нѣкоторыхъ Глаголовъ.

Нельзя не упомянуть о тѣхъ зловредныхъ и пагубныхъ Глаголахъ, у которыхъ всегда на языкѣ одно, а на сердцѣ другое, хотя они и не приобрѣли ничего въ этой войнѣ. Полагаю, что нельзя умолчать объ ихъ именахъ, для того, чтобы всѣ ихъ остерегались. Постоянно, вмѣсто дѣйствія, они выражаютъ страдательность, и Имена ихъ слѣдующія: *Exsulo*, *Veneo*, *Liceo*, *Nubo* и *Varulo*.

Чѣмъ юноша будетъ осторожнѣе, въ виду особенно козней этого послѣдняго, тѣмъ онъ вѣрнѣе ихъ устранить, если желаетъ вполне обезопасить свое сѣдалище.

Глава XXIX.

Потери Именъ.

Оказалось, что Именамъ счастье измѣняло не менѣе, чѣмъ и Глаголамъ. Мы начнемъ съ *Positiva*. Нѣсколько изъ нихъ ранено въ свои *Comparativa* и перевязаны усердными врачами, это были: *melior*, *peior*, *maior*, *minus*, *plus*, *nequior*, *deterior*, *elegantior*, *maledicentior*, *magnificentior* и *benevolentior*. Съ того времени всѣ они неправильны и зависятъ отъ третьяго склоненія.

Arduus, *dubius*, *egregius*, *idoneus* и *necessarius* и под. также лишились своихъ *Comparativa* и *Superlativa* и замѣнили ихъ словами *magis* и *maxime*.

Прилагательныя, оканчивающіяся на *er*, въ Превосходной степени потеряли *issimus* и, вмѣсто него, потомъ получили *Rimus*, какъ, напр., *Asper*, *niger*, *celer* и др.

Нѣкоторымъ, вмѣсто *issimus*, которое у нихъ было отнято, уступили *Limus*, какъ *Facilis*, *difficilis*, *similis*, *dissimilis*, *gracilis* и *humilis*.

Vetus теперь имѣетъ *veterrimus*.

У нѣкоторыхъ отрубили ихъ *Positiva*, напр., *Citerior*, *deterior*, *interior*, *ocior*, *prior*, *proprior*, *potior*, *ulterior*. Нѣкоторымъ мечъ

отсѣкъ ихъ *Comparativa*, какъ у *Bellus, diversus, falsus, inclitus, novus, sacer, vetus*.

Ударъ копья лишилъ нѣкоторыхъ ихъ *Superlativa*: *Adolescens-adolescentior, juvenis-junior, senex-senior, alacer, diuturnus, insignis, longinquus, opimus, propinquus, satur, salutaris* и почти всѣ, имѣющія на концѣ *Bilis* и *Iis*.

Нѣкоторыя прилагательныя лишились обоихъ видовъ Сравненія: *Aureus, ferreus, ligneus; Graecus, Romanus; aestivus, hodiernus*, и большая часть прилагательныхъ, составленныхъ Сущестительными или Глаголами. *Degener, discolor, inops, magnanimus, praeceps, pestifer* и мн. др.

Глава XXX.

Продолженіе о томъ же.

Между названіями деревьевъ было нѣсколько такихъ, которыя мужественно дрались въ битвѣ и внезапно, самымъ удивительнымъ образомъ, перемѣнили свой видъ. Къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, они изъ женщинъ стали мужчинами. Это были *Oleaster, pinaster, dumus* и *calamus*. Ливій посовѣтовалъ утопить ихъ въ водѣ, какъ чудищныя и худыя предзнаменованія, или съ корнемъ повырывать изъ земли Грамматики.

Но царь Поэтъ, смѣясь надъ излишнимъ суевѣріемъ, не позволилъ. Онъ сказалъ, что превращеніе женщинъ въ мужчинъ не составляетъ худого предзнаменованія, такъ какъ превращеніе было изъ худого рода въ самое лучшее.

У нѣкоторыхъ Именъ *Heteroclita*, во время ихъ боя съ Глаголами *Defectiva*, были отняты всѣ признаки возмужалости, во множественномъ числѣ. Въ этомъ числѣ они не были ни *Feminina*, ни *Masculina*, но *Neutra*, что, конечно, достойно сожалѣнія. Названія ихъ слѣдующія: *Tartarus — Tartara, Infernus — Inferna, carbasus — carbasa*.

То же случилось съ нѣкоторыми названіями Горъ: *Dindymus — Dindyma, Ismarus — Ismara, Maenalus — Maenala, Pangaeus — Pangaea, Taenarus — Taenarum, Taygetus — Taygeta*.

Другимъ былъ сужденъ болѣе счастливый исходъ. Тѣ, которыя въ единственномъ числѣ были *Neutra*, во множеств. ч., къ великой ихъ радости, стали всегда являться *Masculina*. Напр., *Caelum — caeli, frenum — freni, rastrum — rastri*.

Изъ всѣхъ названій деревьевъ *Balsamum* и очень немного другихъ: *acer*, *robur*, *siler*, *suber*, остались средняго рода, Такъ какъ, вслѣдствіе этого, *Balsamum* не можетъ ни производить, ни раждать, то встрѣчается очень рѣдко и его находятъ только въ Іудейской землѣ. Для самого дерева, это очень тяжело, и въ горѣ онъ приноситъ всѣ свои плоды покрытые слезами.

У нѣкоторыхъ Именъ были ограблены ихъ *Neutra pluralia*, и они получили *Feminina*, какъ *epulum* — *epulae*, *balneum* — *balneae*.

Глава XXXI.

Дальнѣйшее описаніе потерь, понесенныхъ Именами.

Нѣкоторыя Имена лишились во множеств. числѣ всѣхъ Падежей и и остались обрубленными и искалченными: *Aer*, *limus*, *vesper*, *rudor*, *sanguis*, *sol*. Правда, появлялись иногда *soles*; но такія явленія были противны законамъ природы и считались чудомъ.

Подобнымъ образомъ у нѣкоторыхъ *Feminina* были отрублены всѣ множественные падежи, какъ у *Infantia*, *pueritia*, *adolescentia*, *juventus*, *senectus*, *experientia*, *justitia*, *pietas*, *temperantia*, *fames*, *sitis*, *indoles*, *scientia*, *sapientia*, *argilla*, *humus*.

Слѣдующія *Masculina* и *Feminina* потеряли всѣ един. числа въ той битвѣ: *Gemini*, *liberi*, *inferi*, *superi*, *posterii*, *maiores*, *optimates*, *penates*, *argutiae*, *cunae*, *divitiae*, *excubiae*, *indutiae*, *minae*, *nuptiae*, *reliquiae*, *tenebrae* и др. Также *Alpes*, *Calendae*, *Nonae*, *Idus*.

Нѣсколько *Neutra* лишились всего множеств. числа: *Coenum*, *letum*, *sabulum*, *ver*, *virus*, *vulgus*.

Кромѣ того, слѣдующія *Neutra* потеряли уронъ во всемъ единств. числѣ: *Arma*, *castra*, *cunabula*, *extea*, *hiberna*, *praecordia*, *ilia*, *moenia*, *viscera* и др. А также почти всѣ названія Праздниковъ и Книгъ: *Bacchanalia*, *Saturnalia*, *sponsalia* и др. *Chronica*, *Georgica* и т. д.

Тѣ пустыя названія, которыя всегда говорятъ о многомъ, а обозначаютъ только одно, потеряли все единств. число и спаслись бѣгствомъ: какъ, напр., *Athenae*, *Thebae*, *Delphi*, *Veii*, *Arbela*, *Leuctra*, *Gades*, *Sardes* и т. д.

Названія Металловъ потеряли все множеств. число: *Argentum*, *aurum*, *ferrum*, *orichalcum*, *plumbum*, *stannum*. *Aes* едва сберегло *aera*.

Къ чему мнѣ вспоминать тѣ названія, которыя испытали подобное же побоище, какъ, напр., Имена Собственные, Возрастовъ, Жидкостей, многихъ предметовъ, вырастающихъ изъ земли, *Virtutum* и *Vitiorum*?

Сверхъ того, много Именъ потеряли всѣ части своего тѣла и называются теперь *Aptota* или *Indeclinabilia*.

По возстановленіи мира, нѣкоторымъ изъ нихъ была оказана такая льгота: не смотря на очевидную потерю надежныхъ окончаній, употребленіе ихъ допускалось во всѣхъ областяхъ Грамматики. Такими были: *Fas*, *nefas*, *instar*, *mane*, *pondo*, *semis*, *tot*, *quot*, *aliquot*.

Также Числительныя отъ *quatuor* до *centum* включительно.

А тѣ калѣки, которые потеряли два, три, четыре, даже пять членовъ, съ позоромъ скитаются до сихъ поръ въ царствѣ Грамматики и, смотря по тому, сколько у нихъ отрублено членовъ, называются *Tetraptota*, *Triptota*, *Diptota*, *Monoptota*.

Глава XXXII.

Добыча Имень.

Не всѣ Имена пострадали отъ войны. Было очень много такихъ, которыя обогатились неприятельской добычей и поэтому приобрѣли еще большую власть. Одни изъ нихъ, кромѣ первоначальнаго *Nominativus*, достали еще другой: *honos* — *honor*, *labor* — *labos*, *vulpis* — *vulpes*. Хотя они ежегодно и не облачаются въ оба *Nominativi*, однако берегутъ добычу для праздничныхъ и торжественныхъ случаевъ.

Какъ я могу умолчать о множествѣ тѣхъ Именъ, которыя увеличились то окончаніями, то склоненіями, то тѣмъ и другимъ вмѣстѣ и съ триумфомъ возвратились въ лагерь, послѣ сраженія: напр., *ficus*, *i-us*, *laurus*, *i-us*, *pinus*, *i-us*, *materiae*, *materies-ei*, *mendae*, *mendum-i*, *baculus-i*, *baculum-i*, *eventus-us*, *eventum-i*.

Plaga, кромѣ основнаго значенія — *vulnus* или *percussio*, приобрѣла еще три другихъ и употребляется вмѣсто *retis*, *spatium caeli* или *terrae* и вмѣсто *linteum candidum*, которымъ до сихъ поръ покрываются Римскія матроны, когда выходятъ изъ дому.

Ops съ того времени имѣетъ три смысла. *Ops* обозначаетъ землеродительницу, *ope* доставляетъ помощь, *opibus* — богатства.

Много другихъ Именъ возвратились къ своимъ нагруженнымъ и обогащеннымъ награбленными значеніями.

По заключеніи мира, Gerundia и Supina получили наказаніе отъ обоихъ царей, такъ какъ очень часто оказывались перебѣжчиками.

Противъ нихъ держалъ рѣчь Демосеенъ и привелъ законы Солона. Въ нихъ было сказано, что «тѣ, которые, во время мятежа въ ихъ городѣ, не примкнули ни къ одной сторонѣ, должны быть лишены всѣхъ отечественныхъ должностей, за то, что больше заботятся о собственныхъ выгодахъ и пренебрегаютъ общественными дѣлами отечества». Пользовались же они, какъ и большинство другихъ въ земляхъ Грамматики, Аттическими законами.

Поэтому у Gerundia были отняты всѣ падежныя окончанія, кромѣ трехъ. Supina удержали только два.

Всѣ жители Грамматики пришли въ негодованіе, когда узнали объ этомъ, и бранили не столько темные законы Солона, сколько безстыдную болтовню Демосеена.

Всѣ говорили, что онъ забылъ дома повязки и шерсть и что не выдумалъ болѣзни горла, такъ какъ не получилъ золота Мидаса отъ Герундіевъ и Супиновъ, какъ нѣкогда отъ Гарпала (см. у Плутарха).

Однимъ словомъ, все, что въ предѣлахъ Грамматики увеличилось или уменьшилось, все это произошло отъ этой кровавой, преступной и гибельной войны.

Глава XXXIII.

Миръ и рѣчь царя Имень.

Послѣ того какъ на обѣихъ сторонахъ легіоны были отведены въ лагери, убитымъ и раненымъ сдѣланъ счетъ и опредѣлены взаимныя потери, всѣ пришли въ отчаяніе. Всѣ стали громко жаловаться на царей, что, отъ необузданной страсти къ владычеству, они нанесли такое страшное пораженіе собственному достоянію. Каждый сторонникъ мира, побуждаемый раскаяніемъ, еще больше жаждалъ мира.

Царь Имень созвалъ собраніе и со слезами началъ такъ говорить:

«Мои соратники! Вы, конечно, знаете, какъ неохотно я поднималъ оружіе противъ племени Глаголовъ, нашихъ братьевъ, вступая за честь, власть и, какъ я тогда думалъ, за цѣлость Имень. Вы знаете, къ какимъ я прибѣгалъ средствамъ, лишь бы только, при ихъ уступчивости, отдалить какъ можно больше междоусобную войну.

«Но если подумать о потеряхъ нашихъ и Глаголовъ, такъ какъ я вижу пораженіе на обѣихъ сторонахъ, то хочется скорѣе плакать, чѣмъ говорить. Мы бы не напрасно потрудились, еслибы вспомнили только о

тѣхъ народныхъ смутахъ и войнахъ, которыя описали наши сограждане, о томъ позорѣ, которымъ эти народы покрыли свое властолюбіе. Если бы мы только объ этомъ подумали, то никогда бы мы не дошли до такого безумія и никогда бы не были до того ослѣплены гнѣвомъ и яростью, чтобы не знать, что дѣлаемъ, и чтобы раздирать наше чрево собственными руками.

«Но прошедшее можно бранить, исправить нельзя. Лучше бросить, чѣмъ продолжать худо начатое. Если мы не перестанемъ обнажать оружія, если будемъ безумствовать до конца, то царство Грамматики уже погибло. Народомъ овладѣлъ припадокъ такого невѣжества и дикости, что всюду ими управляла одна страсть; и никто этому не препятствовалъ, никто не шелъ противъ ихъ безумія.

«Храбрые соратники! Такъ какъ рѣчь идетъ о благосостояніи обоихъ государствъ, то, я думаю, слѣдуетъ добровольно просить мира у царя Глаголовъ и добровольно подать ему руку. Но я никакъ не говорю этого потому, что у меня не хватаетъ мужества или чтобы я поколебленъ былъ страхомъ. Яснѣе дня, что, безъ взаимнаго, стойкаго и непоколебимаго согласія въ мысляхъ, ни Имена, ни Глаголы существовать не могутъ.

«Я исполню мой долгъ и сдѣлаю то, что, по моему убѣжденію, служить общему благу. Я смѣло доведу до конца то, что вы пожелаете, и я желалъ бы, чтобы всѣ боги благословили ваше дѣло».

Удивительно, какъ всему собранію понравилась эта рѣчь царя, дѣльно и во время сказанная. Всѣ ряды солдатъ подняли страшный крикъ и сильно просили, чтобы немедленно было исполнено то, что царь такъ благоразумно совѣтовалъ.

Глава XXXIV.

Избраніе Тріумвировъ.

Послѣ этого въ лагерь Глаголовъ было отправлено нѣсколько пословъ, самыхъ умныхъ среди Именъ. Когда, безъ всякаго затрудненія, было заключено перемиріе, послы, вмѣстѣ съ царемъ Глаголовъ и его сановниками, пришли къ мысли избрать трехъ мужей, опытныхъ во всѣхъ дѣлахъ Грамматики, съ тѣмъ, чтобы обѣ стороны приняли ихъ посредничество и рѣшеніе.

Съ общаго одобренія эта обязанность была поручена Присціану, Сервію и Донату.

Они узнали притязанія обѣихъ сторонъ и, тщательно обсудивъ дѣло, издали такое рѣшеніе.

Глава XXXV.

Окончательное рѣшеніе Триумвировъ.

«Да будетъ счастье и благоденствіе всѣмъ царямъ, воеводамъ и гражданамъ Грамматики и всѣмъ, занимающимся ею.

«Мы, избранные въ Триумвиры для прекращенія несогласія, всѣ споры, проступки, несправедливости и потери, которые произошли до этого дня между царями Грамматики и ихъ воинами, прекращаемъ, уничтожаемъ и предаемъ забвенію. Хотя бы этого даже нельзя было забыть, по крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ покрыть молчаніемъ, какъ мы рѣшили. Мы также постановили, чтобы впредь, въ книжной торжественной рѣчи, каждый царь Грамматики былъ въ согласіи со своими послѣдующими, т. е., Глаголь и Имя, Причастіе и Мѣстоименіе, Нарѣчіе, Предлогъ, Междометіе и Союзъ.

«Въ обыденной и простой рѣчи, весь трудъ несутъ только Имя и Глаголь. Они призываютъ подъ свое покровительство тѣхъ, которыхъ выберутъ изъ своихъ, и щадятъ прочихъ, для того, чтобы они не были обременены слишкомъ частымъ употребленіемъ ихъ.

«Мы желаемъ, чтобы въ рѣчи Имя подчинялось Глаголу и рѣшаемъ, что, при согласованіи, Имя должно управляться Глаголомъ, — въ случаѣ, если падежи косвенные. Если-же имѣются падежи прямые, а также лица и числа, то Глаголь долженъ уступить Имени.

«Также желаемъ, чтобы Причастіе одинаково почитало и Имя, и Глаголь, а управленіе получало отъ своего Глагола.

«Если же заставитъ необходимость, мы будемъ дѣлать уступку одному Глаголу. Такъ, первое и второе лицо, а также третье лицо въ Глаголахъ вѣшняго дѣйствія, напр., *ningit, tonat, pluit* и др. заключаютъ въ себѣ смыслъ рѣчи. Однако, здѣсь всегда понимается власть Имени, хотя она и не выражена».

Глава XXXVI.

Принятіе окончательнаго рѣшенія и признаніе новой власти.

Это рѣшеніе было предложено обѣимъ сторонамъ, обнародовано и принято всѣми жителями Грамматики, съ удивительнымъ всеобщимъ согласіемъ. Рѣшеніе это одобрили всѣ гимназіи Италіи и Германіи. Но коллегіи Парижская и Краковская, хотя и приняли все прочее,

однако сохраняли одно исключеніе для своихъ соотечественниковъ: онѣ позволили произносить Глаголы и Имена одинаково свободно и безъ всякаго различія въ долготѣ гласныхъ.

Затѣмъ, по ненарушиму постуновленію, изъ всѣхъ концовъ Грамматики были изгнаны всѣ любители невѣжества и презрѣнное племя варваризмовъ. Однако, не только въ Италіи встрѣчаются до сихъ поръ такіе неучи, по милости и покровительству нѣкоторыхъ знатныхъ, но даже — къ ея огорченію — въ Германіи, въ этомъ разсадникѣ изящныхъ наукъ.

Можно найти не мало людей, обладающихъ громадными богатствами, но такихъ невѣжественныхъ и необразованныхъ, что если спросить ихъ: что такое *Амо*? они отвѣчаютъ: *je ne sais le latin*. Невѣдѣніемъ и тупостью ума они превосходятъ даже тѣхъ ословъ, которые ихъ такъ величественно везутъ.

Посредникамъ (о нихъ мы говорили выше) была дана, по общему приговору, неотмѣняемая власть и порученъ надзоръ за тѣмъ, чтобы отыскивать, наказывать и изгонять всѣхъ грамматиковъ, извратителей Грамматики, Полулатинцевъ, Полугрековъ и дѣлать все, что служитъ къ процвѣтанію и распространенію высшихъ наукъ.

ЛЮБОВЬ КЪ ЗЛУ.

[Paulhan. Revue philosoph. т. 23.]

Е. Гомеровъ, Бѣла.

Предисловіе переводчика.

Знакома читателей «Гимназіи» со статьей, выписанной въ заголовкѣ, переводчикъ имѣеть въ виду словами авторитетнаго французскаго ученаго опредѣлить отношеніе чтенія извѣстнаго рода къ складу ума и области чувства читателя. Читателямъ «Гимназіи» хорошо, конечно, извѣстно пристрастіе воспитанниковъ къ чтенію въ младшемъ возрастѣ произведеній такихъ писателей, какъ Майнъ-Ридъ, Куперъ, Эмаръ, Маріэттъ; произведеній, наполняющихъ страницы журнала «Вокругъ свѣта», многими выписываемаго для дѣтскаго чтенія; и въ старшемъ — произведеній такихъ писателей, какъ Байронъ, Зола, Бодлеръ, Бурже, Гартманъ, Шопенгауэръ. Пусть читатели не удивляются такому сопоставленію именъ: оно вызвано однородностью психологическаго вліянія на читателей. Предполагаемая статья указываетъ психологическія отношенія читаемаго матеріала къ настроеніямъ читающаго и даетъ оцѣнку міросозерцанія, выносимаго изъ такого чтенія. Кромѣ того, внимательно относящіяся къ воспитанію юношества читатели найдутъ въ этой статьѣ объясненіе нѣкоторыхъ странныхъ настроеній, нерѣдко наблюдаемыхъ въ представителяхъ современной молодежи и поражающихъ наблюдателя своими контрастами: мистицизмъ и какая-то духовная пришибленность уживаются рядомъ съ вѣрой лишь въ одно земное и излишней духовной развязностью; самый крайній пессимизмъ гнѣздится

рядомъ съ самымъ рѣзкимъ самообладаніемъ и т. п. Наконецъ, многія просто «дѣтскія» шалости находятъ себѣ объясненіе въ высказываемыхъ авторомъ положеніяхъ, которыя такимъ образомъ даютъ возможность установить правильность взгляда на нихъ. Конечно, авторъ не говоритъ обо всемъ этомъ прямо, но читателю небольшого труда будетъ стоять на основаніи предлагаемой его вниманію статьи установить извѣстную точку зрѣнія.

I.

Любовь ко злу, заманчивость запрещеннаго плода, хорошо извѣстное чувство, о которомъ часто говорятъ, въ наши дни развивается и организуется. Нѣкоторые литераторы въ своихъ произведеніяхъ, по крайней мѣрѣ, доводятъ его до высокой степени совершенства. Часто смѣялись надъ ними, да и на самомъ дѣлѣ это было легко, а подчасъ и справедливо, но, можетъ быть, интереснѣе, эстетичнѣе и полезнѣе изучить то чувство, которымъ они вдохновлялись.

Любовь ко злу есть чувство очень утонченное: оно предполагаетъ извѣстныя условія, встрѣчающіяся, по крайней мѣрѣ, въ его высшихъ формахъ лишь въ умахъ тонкихъ, сложныхъ, многодумающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это чувство предполагаетъ, что человѣкъ, его испытывающій, ощущаетъ болѣе или менѣе отчетливое, болѣе или менѣе задержанное хотѣніе дурной вещи. Оно предполагаетъ извращенность ума; кромѣ того, необходимо также, чтобы эта развращенность сознавалась, и, наконецъ, чтобы сознание этой извращенности было пріятно. Любовь ко злу есть то странное состояніе, въ которомъ больной сознаетъ себя больнымъ и наслаждается своей болѣзью, относясь къ ней съ снисходительнымъ удивленіемъ. Можетъ быть, подобное состояніе покажется невозможнымъ людямъ, вполне здоровымъ, но есть ли такіе? Мы, однако, думаемъ, что возможно уяснить себѣ такое состояніе и понять его.

Извращенность часто встрѣчается естественной, даже почти можно сказать, нормальной. Идеальной здоровости совѣмъ не встрѣчается, какъ нѣтъ и здоровья совершеннаго. Намъ извѣстны все тѣ болѣзненные состоянія, гдѣ аппетитъ получаетъ ложное направленіе и больной жадно глотаетъ уголь, землю или хуже того. Также точно и воля

бываетъ испорчена, и разстраивается въ какомъ-нибудь пунктѣ и характеръ. Подобные патологическіе случаи поразительны. Нѣтъ определенной границы между сумасшедшимъ и нормальнымъ человѣкомъ. Ла-Рошфуко, отличавшійся умѣньемъ отличать дурныя стороны человѣческой природы, говорилъ, что въ несчастьи нашихъ лучшихъ друзей есть что-то такое, что намъ нерѣдко нравится. Видѣ страданія не всегда бываетъ непріятенъ, и многіе его ищутъ. Казни преступниковъ часто бываютъ любимымъ зрѣлищемъ, и, если предложить себѣ вопросъ о причинѣ этого, то нашлось бы не мало любителей думать, что «это позволяетъ убить часъ или два времени». Развѣ англичанинъ, по пятамъ слѣдовавшій за извѣстнымъ укротителемъ звѣрей въ надеждѣ увидѣть моментъ, когда онъ будетъ съѣденъ своими львами, былъ монотоненъ? Развѣ были бы такъ многочисленны и обнаруживали бы столько интереса зрители, еслибы не представлялось никакой опасности войти въ клѣтку? Несомнѣнно, нѣкоторые, а пожалуй и очень многіе, питаютъ отвращеніе къ крови и испытывали бы страданіе при видѣ пролитой крови, но имъ нравится думать, что она можетъ пролиться и съ возрастаніемъ опасности ради опасности, а не ради ея результатовъ. Только въ случаѣ несчастья эти извращенныя чувства не настолько сильны, чтобы взять верхъ надъ симпатіей, надъ пробудившейся впечатлительностью, почему мы и склонны думать, что на самомъ дѣлѣ въ насъ существуютъ только послѣднія. И если мы пойдемъ далѣе, то развѣ любовь къ чтенію о разныхъ происшествіяхъ, случаяхъ и преступленіяхъ не есть лишь ослабленное проявленіе извращенныхъ чувствъ? А интересъ, испытываемый при чтеніи романа, исключительно для фавулы? Несомнѣнно, читателямъ нравится видѣть добродѣтель награжденною, но имъ нравится не только это: имъ нравится видѣть все въ опасности. Читатели настолько честны, чтобы страдать при видѣ ея гибели; столько же они извращены, чтобы съ удовольствіемъ созерцать перипетіи ея борьбы. А что сказать о любителяхъ пѣтушійхъ боевъ и завсегдатаяхъ суда присяжныхъ? Подобные случаи перечислять пришлось бы безъ конца. Изъ перечисленія подобныхъ случаевъ я не вправѣ, конечно, заключать о глубокой испорченности человѣка: я хочу только установить фактъ, что въ немъ есть что-то дурное, есть извѣстный элементъ извращенности, который можетъ видоизмѣняться отъ полной испорченности до невинности почти безусловной.

Я говорилъ только о кровожадности, но еслибы мнѣ пришла охота говорить объ алчности или о роскоши, напримѣръ, то сколько бы ма-

теріала нашлось для подобной темы! Я отсылаю читателя къ казуистамъ, медикамъ и психологамъ, занимавшимся этимъ вопросомъ. Извращенность въ этой области встрѣчается во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Смѣшно было бы не видѣть этихъ уклоненій инстинктовъ, и развѣ много нашлось бы людей «движенія», съ гордостью сознающихъ въ томъ, что они вполне избѣгли ихъ? Кромѣ того, въ сколькихъ дѣйствіяхъ пришлось бы имъ сознаться, которыхъ они не посмѣли бы выполнить, въ удовольствіяхъ, которыя не строго научны?

Впрочемъ, не на мнѣ лежитъ обязанность доказывать, что человекъ не ангелъ, не Богъ, и что онъ заключаетъ въ себѣ много дурныхъ элементовъ. Но эти необходимые для появленія чувства любви къ злу элементы недостаточны еще для его образованія. Всѣ болѣе или менѣе несовершенны, но не всѣ извращены. Многіе не намѣренно причиняютъ зло, не находя въ томъ удовольствія: они даже неприятно поражаются, когда имъ приходится сознаться, что они его причинили. Какъ бы виновны они ни были, у нихъ не бываетъ той утонченности разврата, которую мы изслѣдуемъ. Одни и тѣ же дѣйствія, дурныя съ общей точки зрѣнія, выполняются съ большей или меньшей степенью сознанія.

Такъ, при чтеніи греческихъ авторовъ извѣстные обычаи эпохи производятъ на насъ не то впечатлѣніе, какое производятъ намеки на тѣ же факты, но встрѣчаемые у современныхъ писателей. Мы очень хорошо чувствуемъ, что факты остаются тѣ же, да оцѣнка имъ дается другая, и современному человѣку, пожалуй, могло бы притти въ голову, удовольствіе разстроить порядокъ природы, удовольствіе, которое, по видимому, нигдѣ не достигало такой напряженности. Это одна изъ тысячи формъ того самоуглубленія, которое является характернымъ для нашей далеко подвинувшейся впередъ цивилизаціи. Подобно тому, какъ констатированье въ себѣ ряда печальныхъ состояній извѣстнаго порядка внушаетъ наблюдателю меланхолію, это «счастье быть печальнымъ», такъ констатированье въ себѣ извѣстныхъ извращеній можетъ внушить особый видъ удовольствія, причины котораго предстоитъ намъ здѣсь изслѣдовать. Поэты и прозаики дали намъ картины этого удовольствія, и эти картины сообщили Бодлеру большую оригинальность.

Могучій и глубокій анализъ подобнаго состоянія ума находимъ мы въ романѣ, который, не смотря на всѣ придирки къ нему, является замѣчательнымъ и любопытнымъ произведеніемъ: «Vice suprême» Пеладана. Его картины не рѣдкость въ современномъ романѣ. Одинъ

изъ хроникеровъ Gil Blas'a, Батуль Мендесъ, если не ошибаюсь, выражалъ недавно мысль, что женщины для того такъ упорно держатся за свои религіозныя вѣрованія, чтобы придавать различнымъ осуждаемымъ церковью удовольствіямъ больше пикантности. Героиня послѣдняго романа того-же писателя очень откровенно выражаетъ свое настроеніе: «Развѣ я желала бы тебя такъ страстно, еслибы позволено было тебя желать? Можетъ быть, моему гнѣву на твои урызенія совѣсти ты обязанъ сладкимъ излишествомъ моей страсти? И самъ ты спустишь въ глубину твоей мысли, спроси въ тайникахъ твоего существа себя самого: вѣдь ты любилъ бы меня меньше, еслибы твоя любовь тебѣ самому не казалась преступленіемъ?» Могу еще указать, какъ на этюдъ подобнаго рода, на «A Rebours» Гюйсмана. Не думайте, впрочемъ, что факты сознательной и обдуманной извращенности существуютъ лишь въ романахъ. Къ несчастью для психологіи, трудно встрѣтить хорошо провѣренныя наблюденія фактовъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что эти факты сравнительно трудны для передачи. Молодой ворюшка кричалъ: «Какъ хорошо воровать! Еслибы я даже сталъ богачемъ, я бы постоянно воровалъ». Это не утонченная испорченность: у него не было достаточной вѣры или чувства, что воровство дурно. Но чѣмъ выше индивидуумъ по своему умственному развитію, тѣмъ болѣе утончается и развивается особенный вкусъ ко злу воображаемому или осуществляемому. Уже одинъ тотъ фактъ, что извѣстное число талантливыхъ писателей увлекается изображеніемъ и развитіемъ извращенныхъ характеровъ, достаточно свидѣтельствуетъ объ особенной заманчивости зла, а фактъ, что вошли во вкусъ ихъ произведеній не одни психологи, вовсе не уменьшаетъ его серьезности.

II.

Эта заманчивость допускаетъ объясненіе: условія нашего настоящаго существованія почти обязываютъ насъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и до извѣстнаго предѣла, подлежать ея дѣйствію. Впрочемъ, случаи, ее раждающіе, такъ же многочисленны и сложны, какъ и самое чувство.

Основное свойство человѣческаго ума — дѣйствіе организаціи, систематическій синтезъ. Человѣческій умъ такъ устроенъ, что по поводу всего онъ самъ въ себѣ воспроизводитъ извѣстное количество феноменовъ, связанныхъ между собою и соединенныхъ закономъ цѣлесообразности, систематизаціи. Напримѣръ, наши ощущенія являются результатомъ комбинированія извѣстнаго числа психическихъ явленій.

Ощущеніе музыкальной ноты есть результатъ комбинаціи извѣстнаго числа элементарныхъ ощущеній. Равнымъ образомъ перцепція (чувствованіе, воспріятіе) есть синтезъ ощущенія и извѣстнаго количества образовъ и идей; до извѣстной степени можно сказать, что мы все видимъ и слышимъ такъ, какъ мы понимаемъ, т. е., видимъ и слышимъ только то, что можетъ вызвать въ нашемъ сознаніи извѣстную систему идей и образовъ. Такъ, намъ большихъ трудовъ стоитъ различать звукъ языка намъ неизвѣстнаго; при исполненіи оперы мы различаемъ слова лишь тогда, если они намъ заранѣе извѣстны. Съ момента появленія предъ умомъ ощущенія является необходимость его истолковать, понять, т. е., ассоціировать; часто, за неимѣніемъ силы вызвать послѣднее, ощущеніе проходитъ незамѣченнымъ и совсѣмъ не доходитъ до нашего сознанія. Въ иныхъ случаяхъ оно вызываетъ такіе идеи и образы, что является иллюзія или ошибка. Такъ, напр., умъ даетъ точныя очертанія неопредѣленнымъ формамъ, не имѣющимъ никакого самостоятельнаго значенія, онъ видитъ извѣстную фигуру на лунѣ и различныхъ животныхъ въ облакахъ. Трусъ ночью приписываетъ деревьямъ форму мертвецовъ или воровъ, не видитъ ихъ такими, каковы они есть, придавая ими формы, соотвѣтствующія господствующимъ впечатлѣніямъ. Соотвѣтственно хорошему или дурному расположенію духа, въ однихъ и тѣхъ же словахъ, къ намъ обращаемыхъ, мы видимъ или комплиментъ, или насмѣшку. Вездѣ и всюду, разъ данное ощущеніе, данная идея, данное состояніе сознанія болѣе или менѣе истолковано, умъ строить по поводу его маленькое зданіе, однимъ изъ матеріаловъ для котораго является онъ же самъ. Въ изысканіяхъ ученаго, старающагося открыть движеніе луны, какъ въ заблужденіи сумасшедшаго меланхолика, принимающаго пищу за ядъ, мы имѣемъ дѣло съ одной и той же формой умственного процесса, съ болѣе или менѣе удовлетворительной, съ болѣе или менѣе широкой, съ болѣе или менѣе устойчивой систематизаціей различныхъ психическихъ фактовъ, съ координаціей, синтезомъ ощущеній, идей и стремленій.

Такимъ образомъ принужденный думать, работать надъ всѣмъ, что ни представится, человѣкъ долженъ, по необходимости, раздумывать надъ зломъ, его изучать, стараться его познать, понять. Высшіе умы, занимавшіеся имъ, при посредствѣ своихъ высокихъ способностей, старались идеализировать зло, другими словами, представить зло во всѣхъ его формахъ, во всѣхъ его видахъ, дать высшій предѣлъ зла, открыть степень утонченности зла, какъ другіе, исходя изъ противоположной

стороны того же самаго стремленія, искали степени утонченности блага. Раздумываніе надъ зломъ объясняется очень просто. Но въ нашу задачу входитъ рѣшеніе вопроса, почему это раздумываніе можетъ быть пріятнымъ, почему самое зло становится пріятнымъ. Каковы условія пріятности впечатлѣній? Для этого необходимо и достаточно, чтобы умъ испытывалъ ту организаціонную дѣятельность, о которой мы только что говорили и которая составляетъ основную форму его дѣятельности, и чтобы эта дѣятельность встрѣчала минимумъ сопротивленія. Когда наша дѣятельность встрѣчаетъ слишкомъ большое сопротивленіе, то является тягостное волненіе, а когда она вовсе не встрѣчаетъ сопротивленія, то наступаетъ безучастность, исчезаетъ даже сознаніе, и дѣятельность становится автоматичной. Хорошо извѣстенъ фактъ, что привычка, облегчая дѣйствія, притупляетъ чувство, обыкновенно вызываемое непривычнымъ дѣйствіемъ. Задача, которая не рѣшается, производитъ впечатлѣніе непріятное; задача, рѣшаемая слишкомъ легко, вызываетъ къ себѣ равнодушіе; лишь задача, рѣшаемая при извѣстныхъ усиліяхъ, доставляетъ удовольствіе.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что зло непременно должно вызывать въ насъ непріятное впечатлѣніе. Во всѣхъ своихъ формахъ зло на самомъ дѣлѣ есть то, что прямо противорѣчитъ или, лучше, должно противорѣчить нормальной дѣятельности человѣка. Думать, какъ булавка прокалываетъ вамъ руку или раскаленное желѣзо жжетъ васъ, скорѣе непріятно, чѣмъ пріятно. Равнымъ образомъ, мысль о жертвахъ убійства, по симпатіи, можетъ вызвать мучительное волненіе. Порокъ, развратъ, очевидно, легко могутъ вызвать въ насъ мучительныя впечатлѣнія отвращенія или омерзѣнія, какъ противорѣчащія извѣстнымъ нашимъ наклонностямъ. Во всякомъ случаѣ, допуская правиломъ, что мы чувствуемъ отвращеніе ко злу и что идея зла намъ непріятна, мы наблюдаемъ многочисленныя исключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, мы артисты и имѣемъ широкой умъ, впрочемъ, не всѣ: того требуютъ условія нашей общественной жизни.

Передъ нами проходятъ различныя формы правленія, мы знакомы съ большимъ числомъ политическихъ системъ, мы посвящены во всевозможныя религіозныя и философскія системы, мы читаемъ произведенія литературъ классической, романтической, натуралистической и др. Въ наше время исторія, критика, заботятся о доставленіи намъ не столько поученія, сколько простыхъ, сырыхъ свѣдѣній; мы научились симпатично относиться къ вѣрованіямъ совершенно для насъ посторон-

нимъ, — во всякомъ случаѣ, сохранять хладнокровіе сужденія для вящаго ихъ пониманія. Есть въ этомъ великомъ движеніи немного увлеченія, моды и партійной узкости. Вообразили себѣ, что все понять и все одобрить почти одно и то же. Старыми приемами казалось критиковать, обсуждать, опровергать. Выдающіеся умы не замѣтили, что, если сужденіе безъ пониманія безмысленно и опасно, то и пониманіе безъ сужденія не есть послѣднее слово человѣческаго ума и что, кромѣ того, полное пониманіе предполагаетъ и сужденіе. Хорошо сдерживать свое сужденіе въ предѣлахъ пониманія и не вносить никакого предубѣжденія, но воздерживаться отъ сужденія значитъ не пользоваться силой ума. Какъ бы то ни было, разъ хорошо выполнена первая часть какого-нибудь изслѣдованія, мы, по вполнѣ разумной привычкѣ, выполняемъ дѣйствіе ума, вступающаго въ область чужихъ идей и на моментъ забывающаго свои предубѣжденія или свой опытъ. Мы заставляемъ, по привычкѣ, молчать наши умственные или нравственные антипатіи, чтобы быть болѣе увѣренными въ безпристрастіи нашего изслѣдованія. Съ другой стороны, одновременно съ исторіей и критикой, современное искусство направляетъ насъ въ ту-же сторону. Намъ сказали, что для оцѣнки произведеній искусства необходимо отречься отъ личныхъ предпочтеній, вкусовъ, привычекъ, что въ искусствѣ слѣдуетъ видѣть только искусство, а не ту общественную, нравственную, религіозную или философскую условность, которая управляетъ современной нашей жизнью, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, конечно, теорія эта справедлива. Такимъ образомъ, одновременно со всѣхъ сторонъ мы научились созерцать, становиться какъ бы безличными и для эстетическаго созерцанія, пониманія и наслажденія подавлять мгновенно многія стороны нашей природы. Вполнѣ справедливо развиваютъ это особенное настроеніе, но противовѣсомъ ему долженъ служить умъ вѣрный и настолько сильный, чтобы отдать себѣ отчетъ послѣ безотчетнаго углубленія въ предметъ и охватить цѣлое послѣ созерцанія подробностей; это-то столь частое въ наше время на различныхъ ступеняхъ развитія настроеніе доводитъ въ извѣстныхъ случаяхъ или почти, или до полного подавленія непріятности впечатлѣнія отъ представленія о злѣ.

Въ этомъ случаѣ зло является просто предметомъ изученія или искусства, а предметъ изученія всегда интересенъ и занимателенъ, и предметъ искусства можетъ быть великолѣпенъ. Однѣ и тѣ же причины, которыя благо дѣлаютъ лучшамъ, т. е., конечное единство и слож-

ность актовъ, дѣлають прекрасное прекраснымъ. Атаманъ разбойниковъ виновнѣе вора, но зато первый вмѣстѣ прекраснѣе, и прекраснѣе онъ именно потому, что его преступленія многочисленнѣе, лучше согласованы, выполнены съ большей силой, однимъ словомъ, потому что онъ преступнѣе. Обратите вниманіе на очевидность этой истины въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ измѣняться точка зрѣнія: завоеватель тѣмъ удивительнѣе въ глазахъ побѣдителей, чѣмъ отвратительнѣе въ глазахъ побѣжденныхъ. Одни и тѣ же свойства придаютъ изящество какъ благу, такъ и злу, а отсюда возможность дѣлать зло предметомъ эстетическаго удивленія, одного изъ пріятныхъ чувствъ.

Созерцаніе эстетическое и созерцаніе научное соприкасаются другъ съ другомъ и походятъ другъ на друга. И то и другое безпристрастны. Не думаю, чтобы ученый, человѣкъ науки, находилъ когда-нибудь безобразнымъ или неинтереснымъ обычный предметъ своей специальности. Ученые, изучавшіе начатки литературы, влюблялись въ *chansons de geste*, не возбуждавшіе никакого интереса въ своихъ читателяхъ. Всякій ученый склоненъ думать, что его наука гораздо выше всѣхъ другихъ: извѣстно, съ какой гордостью Вестри распространялся о танцахъ. Тотъ, кто углубляется въ данный предметъ, кто изслѣдуетъ его механизмъ, кто можетъ одновременно созерцать цѣлое и подробности его, тотъ поневолѣ испытываетъ извѣстное эстетическое волненіе, то есть находитъ прекраснымъ предметъ своего удивленія, такъ что предметъ бываетъ ему пріятенъ, такъ какъ эстетическое волненіе есть не что иное, какъ особый видъ волненія, являющагося при данныхъ условіяхъ. Равнымъ образомъ, если при изученіи зла мы заставимъ молчать свои нравственныя предубѣжденія и извѣстное предубѣжденіе эгоизма или симпатіи, мы можемъ заинтересоваться зломъ, созерцать его съ удовольствіемъ. Оба пути, артистическій и научный, приводятъ къ сравненію извѣстныхъ случаевъ, къ интересу, возбуждаемому наиболѣе рѣзкими характерами, которые являются предметомъ удивленія или изученія при помощи воображенія, къ созданію болѣе полныхъ типовъ по сравненію съ представляемыми наблюдениемъ, къ гармоническому развитію характеровъ зла, къ возведенію зла въ идеаль, въ предметъ удивленія, — и все это ради пріятныхъ волненій. Паталогъ находитъ красоту къ болѣзняхъ, психологъ или моралистъ можетъ найти привлекательность въ идеѣ самой полной испорченности.

Было сказано, что для достиженія этого необходимо подавлять нѣкоторыя стороны своей природы, на моментъ налагать молчаніе на

свои наклонности, но природа сопротивляется полному своему подавленію и подавляемыя наклонности не позволяютъ утвердиться какому-нибудь вліянію на отправленія нашего ума. Потому-то именно заманчивость зла всего меньше притупляется и есть одна изъ самыхъ смутныхъ, за то одна изъ самыхъ захватывающихъ, самыхъ мучительныхъ, если можно такъ выразиться, приманокъ. Это раздвоеніе наблюдателя, созерцателя и человѣка общества необыкновенно благопріятны появленію тонкаго и неопредѣленнаго чувства. Еслибы нравственные инстинкты пробуждались съ большой силою, то созерцаніе зла безпорно вызывало бы лишь ужасъ или отвращеніе, а еслибы эти нравственные инстинкты совсѣмъ исчезли, то зло потеряло бы привлекательность, ту собенную пріятность, которая его отличаетъ. Вѣрьте, что дама, желавшая совершить смертный грѣхъ, услаждаясь шоколадомъ, была вѣрующая; для атеистокъ смертный грѣхъ не представляетъ ничего пикантнаго. Если нѣкоторые находятъ удовольствіе въ богохульствѣ, въ несоблюденіи поста въ Страстную Пятницу и въ другихъ дурачествахъ, то этимъ они хотятъ уколоть противниковъ или они не сбили еще ветхаго человѣка, съ удовольствіемъ дѣйствуя въ разрѣзъ своимъ старымъ привычкамъ, еще существующимъ, но уже настолько слабымъ, что подобное противорѣчіе не обращается въ страданіе, однако настолько сильнымъ, чтобы вызвать удовольствіе. Такимъ образомъ религіозныя и нравственныя вѣрованія, достаточно задержанныя въ своемъ дѣйствіи, не становятся препятствіемъ удовольствію, доставляемому грѣхомъ, не сдѣланнымъ, но предвидимымъ и воображаемымъ, и самое отвращеніе ко злу есть благопріятное условіе для такого удовольствія, когда это отвращеніе достаточно заторможено эстетическимъ созерцаніемъ или изученіемъ, не будучи совершенно уничтожено. Какъ бы ни казалось это парадоксальнымъ, однако легко, мнѣ кажется, объясняется нами принятыми началами, подтверждается, впрочемъ, и опытомъ. Такъ, нѣкоторые писатели, рисующіе съ очевиднымъ удовольствіемъ художника самую сильную испорченность, завзятые католики, искренніе, по моему, въ своемъ отвращеніи ко злу, Барбэ, д'Орвилли, Пеладанъ — вѣрующіе: первый писалъ Бодлеру послѣ *Fleurs du mal*: «для поэта, вызвавшаго ихъ къ жизни, возможны только два исхода: или жечь себѣ мозгъ, или сдѣлаться христіаниномъ», — и Бодлеръ сдѣлался христіаниномъ. Пеладанъ, обожатель и ученикъ д'Орвилли, предложилъ такую же альтернативу Гюйсмансу послѣ его *A Rebours*. Неизвѣстно, нашелъ ли Гюйсмансъ средній путь, но другой поэтъ,

Верленъ, обратился. Равнымъ образомъ доброкачественность и нравственность природы человѣка не мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ созерцаніи зла. Бушэ говорилъ Флобэру: «Нѣтъ человѣка, который вмѣстѣ съ тѣмъ больше тебя любилъ бы безнравственность».

Эта заманчивость зла для человѣка честнаго аналогична заманчивости добра для людей порочныхъ и преступныхъ. Есть примѣры и послѣдняго чувства. Добродѣтель для тѣхъ, кто ее не практикуетъ и кто имѣетъ достаточно созерцательный умъ для того, чтобы забыть немного свои привычки, есть нѣчто раздражающее среди того, что слабо, но косвенно идетъ въ разрѣзъ нашимъ вопросамъ и наклонностямъ. Преступники плачутъ отъ всего сердца, слушая рассказъ о подвигѣ, какъ честные люди съ удовольствіемъ случаютъ рассказъ о преступленіи. Въ области литературы «Нана» Золя имѣетъ безсильную наклонность къ добродѣтели и отвращеніе къ свѣтскимъ женщинамъ легкаго поведенія.

Для той и другой стороны есть основанія, еще мною не указанныя: отъ времени до времени человѣкъ испытываетъ потребность дѣйствовать иначе, чѣмъ обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, бредить дѣйствіями, не похожими на обыденныя. Голодающіе бредятъ о роскошныхъ обѣдахъ, а слишкомъ благоразумные люди во снѣ теряютъ свою обычную сдержанность. Равнымъ образомъ, обычное слѣдованіе по стезѣ добродѣтели у несовершеннаго человѣка должно опредѣлять обыкновенно наклонность извращенности воображенія, и человѣкъ счастливъ, если страдаетъ одно только воображеніе. «Кто хочетъ скорчить ангела, корчить звѣря», говорилъ Паскаль и былъ правъ; — и вопросъ еще, не лучше ли всегда — не выходить изъ роли человѣка, вмѣсто того, чтобы корча ангела, рисковать иной разъ скорчить звѣря.

Такимъ образомъ, созерцательность, широта, любознательность, проницательность, при глубинѣ нравственныхъ наклонностей, которыя однако могутъ, въ большей части забываться во время научнаго изслѣдованія или эстетическаго созерцанія, при нѣкоторой также легкой естественной испорченности или просто при явной наклонности къ извѣстнымъ удовольствіямъ, каковы бы они ни были, къ удовольствіямъ, которыя не составляютъ зла сами по себѣ, которыя могутъ быть даже добромъ, но злоупотребленіе которыми есть зло, — вотъ оправданіе чувствъ, насъ занимающихъ. Идея зла, раздражая вкусъ, находитъ прочную точку опоры, и пріятность этой идеи находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что она идеально удовлетворяетъ извѣстной наклонности,

которая въ разсудкѣ встрѣчаетъ препятствіе своему полному удовлетворенію въ дѣйствительности. Впрочемъ, вѣрно и то, что не встрѣчается одинаковыхъ условій любви ко злу для различныхъ индивидуумовъ. Пропорція также измѣняется: у однихъ преобладаетъ одинъ характеръ, у другихъ — другой. Отсюда поневолѣ слѣдуетъ разнообразіе въ испытываемомъ чувствѣ, и это разнообразіе можетъ иногда имѣть серьезное значеніе, по крайней мѣрѣ, съ нравственной точки зрѣнія. Кромѣ того, основное чувство можетъ вызвать другія побочныя чувства, очень разнообразныя, смотря по личности. Личность съ очень здравымъ разсудкомъ и при отсутствіи естественной извращенности, предаваясь изученію, напр., характеровъ и увлекаясь удовольствіемъ воображать нравственныя убійства и интересоваться ими, можетъ, конечно, иногда чувствовать угрызенія скорѣе; напротивъ, если человѣкъ добродѣтельный по разсудку, влѣдствіе общественной необходимости, но склонный къ чувственнымъ удовольствіямъ, принужденъ воображать спеціальныя случаи испорченности, испытываемая имъ заманчивость, вѣроятно, будетъ тѣмъ живѣй, чѣмъ сильнѣе подавляемая наклонность, и оба случая могутъ вступить въ соединеніе, если, напр., личности неизвѣстна ея естественная наклонность. Впрочемъ, объ этомъ чувствѣ нужно сказать то же, что и о всѣхъ другихъ: они всѣ видоизмѣняются, смотря по характеру испытывающаго ихъ лица; ихъ лица, ихъ значеніе измѣняется сообразно условіямъ, ихъ производящимъ, и измѣняется, можетъ быть, еще больше, чѣмъ ихъ природа. Вотъ необходимыя условія происхожденія страннаго утонченнаго и сложнаго чувства любви къ злу. Благопріятны также бывають и другія условія. Таковы, напр., настроенія, получившія сильное извращеніе естественнымъ путемъ, въ союзѣ съ умомъ синтетическимъ, организаторскимъ, и незначительной остатокъ хорошихъ наклонностей. Въ такомъ случаѣ это чувство принимаетъ форму нѣсколько отличную, бываетъ сравнительно сильнѣе и менѣе тонко. Я слѣжу за первымъ случаемъ, самымъ, мнѣ думается, рѣдкимъ, почему онъ мнѣ и показался самымъ интереснымъ и самымъ труднымъ. Второй случай не представляетъ для объясненія никакой трудности: онъ вполне аналогиченъ любви къ добру у человѣка добраго. Обхожу молчаніемъ также случаи, гдѣ оно является подражаніемъ, позой, тщеславіемъ, которыя дѣлають тутъ все. Эти случаи нерѣдки, и даже въ иныхъ случаяхъ подобныя явленія нечувствительны (очень, вѣроятно, у Бодлера было желаніе удивлять и приводить въ ужасъ), но эти вліянія не существенны и, во всякомъ случаѣ,

представляютъ меньше интереса и меньше сложности: достаточно ихъ указать.

III.

Анализъ объясняетъ любовь ко злу; оправдывается ли она синтезомъ? Тутъ точка зрѣнія совсѣмъ иная. Мы старались понять это чувство: теперь слѣдуетъ высказать о немъ свое сужденіе. Нѣкоторые авторы его оправдываютъ и даже превозносятъ. Привожу здѣсь отрывокъ изъ *Essais de psychologie contemporaine* Бурже, гдѣ характеристика направленія декадентовъ сдѣлана очень ловко, но она проницательнѣе, тоньше и справедливѣе съ точки зрѣнія психологической, чѣмъ отличается обиліемъ выводовъ съ точки зрѣнія нравственной.

«Бодлеръ — писатель, съ именемъ котораго, можетъ быть, всего чаще соединялся эпитетъ «вредный». Названіе справедливо, если имъ выражаютъ мысль, что страсти въ родѣ тѣхъ, которыя мы сейчасъ укажемъ, съ трудомъ находятъ обстановку, удовлетворяющую ихъ настойчивости. Между человѣкомъ и средой существуетъ несогласіе. Изъ него вытекаетъ нравственная борьба и сердечныя муки. Но слово «вредный» не точно, если имъ обозначать противоположность естественнаго и нормальнаго состоянія души, называемаго здоровьемъ, искусственному, извращенному состоянію, которое было бы болѣзнью. Собственно говоря, не существуетъ болѣзней физическихъ, говорятъ врачи, существуютъ лишь фізіологическія состоянія, пагубныя или благодѣтельныя, но всегда нормальныя, если смотрѣть на человѣческое тѣло, какъ на аппаратъ, гдѣ комбинируется извѣстное количество матеріи въ состояніи эволюціи. Подобнымъ образомъ нѣтъ ни болѣзней, ни здоровья души, а есть лишь психологическія состоянія съ точки зрѣнія наблюдателя не метафизика, потому что въ нашихъ страданіяхъ и въ нашихъ способностяхъ, и въ нашихъ добродѣтеляхъ, и въ нашихъ порокахъ, въ нашихъ хотѣніяхъ, и въ нашемъ воздержаніи онъ видитъ лишь перемѣнчивыя комбинаціи, но необходимыя и потому нормальныя, подчиненныя законамъ ассоціаціи идей. Только предразсудокъ, воскрешающій старинное ученіе о конечныхъ цѣляхъ, и вѣра въ опредѣленную цѣль вселенной можетъ заставить васъ смотрѣть, какъ на естественную и здоровую, на любовь Хлои и Дафниса въ долинѣ и, какъ на искусственную и нездоровую, любовь какого-нибудь Бодлера въ будуарѣ, имъ описываемомъ и проч.»

Задача ясно поставлена и ясно рѣшена: нѣтъ ни здоровья, ни болѣзни, ни добра, ни зла, ничего, кромѣ необходимыхъ состояній тѣла

и души. Противоположное мнѣніе есть избитый предрасудокъ. И въ самомъ дѣлѣ, спиритуалистическая психологія утопила нѣкоторыя истины въ извѣстномъ числѣ своихъ неосновательныхъ теорій, а отвергая теоріи, склонны обыкновенно бываютъ отвергать также извѣстныя истины, которыя, правда, ничѣмъ не связаны съ первыми, но которыя явились вмѣстѣ съ ними. Къ счастью, отвѣтъ очень легокъ, и намъ нѣтъ никакой чужды прибѣгать въ этомъ случаѣ къ метафизикѣ или взывать къ предрасудкамъ. По словамъ Бурже, нѣтъ ни здоровья, ни болѣзни, есть лишь физиологическія состоянія, гибельныя или благодѣтельныя, но именно эти-то гибельныя состоянія мы называемъ болѣзнию, а благодѣтельныя состоянія мы называемъ здоровьемъ. Первые такъ же необходимы, какъ вторыя, — пусть такъ, но предрасудокъ думать, что признакъ необходимости факта уничтожаетъ его дурной или хорошей характеръ, — и спиритуализмъ въ такомъ предрасудкѣ не безгрѣшенъ. Далѣе, есть психологическія состоянія, влекущія за собою разрушеніе и разложеніе человѣческаго духа и общества; наоборотъ, есть состоянія, приносящія силу души и благополучіе собирательнаго организма; по отношенію къ обществу, послѣднія мы называемъ хорошими, а первыя дурными. Вотъ почему мы можемъ смотрѣть, какъ на здоровую, на любовь Дафниса и Хлои, а какъ на нездоровую, на любовь въ «Ипполитѣ» Бодлера или «Esseintes» Гюйсмана. Не важно, что и та и другая есть продуктъ роковыхъ силъ, или лучше, важно лишь настолько, насколько мы судимъ о дурномъ или хорошемъ характерѣ этихъ фактовъ въ виду ихъ неизбѣжныхъ слѣдствій. Ученіе объ абсолютной необходимости самое благопріятное для различенія добра и зла.

На этой почвѣ вопросъ очень легокъ, слишкомъ легокъ, потому что Буржэ нѣсколькими страницами далѣе даетъ хорошее изложеніе обѣихъ точекъ зрѣнія, т. е., нравственной и другой. Если для него въ разлагающемся обществѣ цѣлое не такъ далеко уходитъ въ дѣлѣ совершенства, за то отдѣльныя личности къ нему гораздо ближе. «Конечно, германскій предводитель II-го вѣка былъ способнѣе напасть на Имперію, чѣмъ римскіе патриціи ее защищать; но ученый и тонкій, любопытный и разсудительный римлянинъ, каковъ, напримѣръ, императоръ Адрианъ, представлялъ болѣе богатое пріобрѣтеніе для человѣчества. Главный аргументъ противъ разлагающихся обществъ тотъ, что у нихъ нѣтъ будущности и что они всегда дѣлаются жертвою варваровъ. Но не есть ли какъ бы неизбѣжный жребій всего изыскан-

наго и рѣдкаго подвергаться несправедливостямъ со стороны грубаго? Мы въ правѣ признать несправедливость подобнаго рода и предпочесть пораженіе падающихъ Аѳинъ триумфу сильнаго Македонянина». Послѣднее приводитъ насъ къ изысканію іерархіи фактовъ добра и зла, и у насъ найдется, что отвѣтить тѣмъ, кто обвинилъ бы насъ въ отождествленіи успѣха и заслуги. Человѣкъ осужденъ на смерть, его убиваютъ. Рана или ядъ, разрушающій его организмъ, для него зло, потому что они разрушаютъ его жизнь, но, съ другой стороны, они могутъ быть благомъ для общества, обезпечивая ему жизнь болѣе здоровую и менѣе возмущаемую. Но предположимъ, что преступленіе даннаго человѣка состояло въ попыткѣ ниспровергнуть учрежденія, необходимыя для существованія даннаго общества, но неспособныя произвести общество истинно великое, — и благо общества кажется намъ зломъ по отношенію къ благу дѣйствительному или возможному, болѣе широкому и болѣе возвышенному, и такъ далѣе по мѣрѣ возрастанія сложности и единства сравниваемыхъ отношеній. Такъ мы можемъ оплакивать исчезновеніе слабаго, если это слабое представляетъ нѣчто высшее въ сравненіи съ тѣмъ, что его замѣщаетъ, но непремѣнно при послѣднемъ условіи.

Но что представляетъ собою «разложеніе» и каково значеніе любви ко злу? Разложеніе представляетъ разрушеніе не какого-нибудь отдѣльнаго слоя общества, но всего общества вообще. Человѣкъ, организмъ котораго находится въ процессѣ разложенія, можетъ умереть по случайности, напр., отъ переѣхавшей его кареты, но онъ умеръ бы естественною смертію и безъ того. Равнымъ образомъ, разлагающіеся Аѳины и Римъ погибли бы безъ Македонянъ и варваровъ. Всякое разлагающееся общество осуждено на гибель. Несомнѣнно можно предположить общества, существующія самымъ различнымъ образомъ и съ обычаями прямо противорѣчивыми; несомнѣнно, законы, кажушіеся необходимыми для насъ, относительны, и иныя общества могли бы существовать безъ нихъ, но невозможно жить въ процессѣ разложенія, потому что въ разложеніи-то и скрывается гибель цѣльности тѣхъ явленій, тѣхъ органическихъ отношеній, которыя составляютъ самую суть жизни обществъ. Любовь ко злу влечетъ лишь разложеніе, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, и тутъ нельзя отговариваться тѣмъ, что дѣло идетъ о любви чисто платонической. Всякое чувство, всякая идея вызываетъ влеченіе, ожидающее лишь случая опредѣлить извѣстный актъ. «Чтобы налюбоваться глаголомъ зла», говоритъ

Меродакъ въ *Vice suprême*: «можетъ быть мнѣ придется его исполнить». Опасная вещь — мечтательность, услаждающая себя созерцаніемъ испорченности и утонченности порока. Очевидно, опасность не всегда неизбежна и любовь къ злу предполагаетъ еще и хорошія наклонности, но она стремится ослабить ихъ, дозволяя имъ существовать съ силой, рассчитанной лишь на то, чтобы идея зла имѣла нѣчто раздражающее. Что нѣкоторые психологи и моралисты погружаются до дна лужи, это входитъ въ ихъ ремесло; что они нерѣдко любятъ грязью, этого имъ трудно избѣжать, но по примѣру уважаемаго отца Гоше, погубившаго себя на пользу общины, они должны, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ этого пользу для другихъ, а не одурманивать ихъ порокомъ. Еще умнѣй они поступятъ, если не будутъ одурманивать и себя.

Раскаяніе въ своей излишней добродѣтели или, скорѣе, опасеніе открыть въ себѣ только дурное, нѣсколько оправдывали бы картины нравственнаго паденія, любовь ко злу, и въ томъ лишь исключительномъ случаѣ, когда бы міръ рѣшительно представлялся дурнымъ и былъ бы правъ пессимизмъ. Если въ самомъ дѣлѣ все, что ни есть возвышеннаго, разумъ, справедливость, не могутъ восторжествовать въ этомъ мірѣ, то не лучше ли его просто разрушить? Рассуждая такъ, можно притти къ заключенію, что цѣль, хотя отчасти, въ иныхъ случаяхъ оправдываетъ средства и то, что содѣйствуемъ разрушенію міра, въ сущности не безнравственно. Нравственное паденіе является, такимъ образомъ, особымъ видомъ процесса, клоняся къ уничтоженію зла, подобно тому, какъ болѣзнь преступника можетъ быть благомъ для общества. — Впрочемъ, любовь ко злу, во всякомъ случаѣ, можетъ быть лишь средствомъ нравственно низшаго порядка. Картины гибели отъ собственнаго преступленія преступника, отъ собственнаго разврата развратника поучительны, но ихъ исправленіе или ихъ самоубійство было бы желательнѣе. И на пессимизмъ можно построить возвышенную мораль, далекую отъ культа любви ко злу и нравственнаго паденія. Какъ бы то ни было, вопросъ о цѣнности міра и жизни не чуждъ оцѣнкѣ, извлекаемой изъ культа любви къ злу: она играетъ важную роль въ нравственности. Тогда лишь создана будетъ прочная практическая нравственность, когда рѣшенъ будетъ этотъ вопросъ; а если, можетъ быть, онъ не разрѣшимъ, то это вовсе не даетъ мнѣ права находить его смѣшнымъ, какъ это многіе дѣлаютъ.

БИБЛЮГР. ЗАМѢТКА.

[Revue universitaire 1892 №№ 1—6.]

А. Пр-овъ, Тифлисъ.

Въ начала текущаго года въ Парижѣ издается новый педагогическій журналъ, заглавіе котораго приведено выше. Цѣль журнала «создать общую почву для учителей, интересующихся улучшеніемъ національнаго обученія, и дать имъ возможность взаимнаго обмѣна мыслей и сообщенія фактовъ изъ личнаго опыта. Revue будетъ печатать статьи по теоретической и прикладной педагогій: сюда войдутъ разсужденія о методахъ обученія, воспитаніе, дисциплина, реформы и попытки, описаніе практическихъ приемовъ и полученныхъ результатовъ и т. п.» Журналъ распадается на двѣ части: въ одной статьи педагогическаго содержанія, въ другой отчеты о ходѣ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ и, что особенно цѣнно, планы, программы и темы по языкамъ, древнимъ и новымъ. Есть небольшой отдѣлъ критики и библиографіи. Желających имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ журналѣ мы отсылаемъ къ его страницамъ, а здѣсь назовемъ заглавія тѣхъ статей, которыя намъ почему либо показались наиболѣе интересными:

№ 1 «Женское образованіе» Дюгора, «Студентъ и молодой человѣкъ» Маласера, который завелъ въ этомъ году въ Косэпскомъ лицѣ бесѣды съ оканчивающими курсъ. Въ нихъ онъ даетъ совѣты молодымъ людямъ на счетъ ихъ обязанностей и отвѣтственности, которыя ожидаютъ ихъ по выходѣ изъ заведенія.

№ 2 «Жизнь колера въ Англій и Франціи» Дугласи Гогга.

№ 3 «Критическая способность у дѣвушекъ» Барди.

№ 4 «Обученіе новымъ языкамъ» Бата, «Веденіе къ Братьямъ Теренціа» Фабіа.

№ 5 «Гимнастическія общества; организація и дѣятельность ихъ въ лицахъ и въ колерахъ» Кубертэпа.

№ 6 «Классическое среднее образованіе и образованіе высшее» Дица, «Французскіе школьные порядки и англійское обученіе» Стрели. «Докладъ Бреалья о преподаваніи живыхъ языковъ» Швейцера. Мы назвали, повторяемъ, только нѣкоторыя статьи.

Насъ болѣе интересуесть вторая часть «Examens et concours», гдѣ приводятся темы для сочиненій, для переводовъ на древніе и новыя языки и т. п. Разсматривая работы, которыя были предложены въ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, приходимъ къ убѣжденію, что далеко еще намъ до нихъ. Наши ученики соотвѣтственныхъ классовъ съ такими работами наврядъ ли справятся. Ради примѣра мы приведемъ нѣкоторыя работы изъ № 6 журнала.

Въ выпускномъ классѣ для перевода съ латинскаго на французскій изъ писемъ Сенеки къ Люцилію 114-ое и 115-ое; въ 7-мъ — десятая элегія первой книги Тибулла; въ 6-мъ изъ Валерія Максима Lib. VIII, e. x.; въ V — Изъ Фастъ Овидія III (14 стиховъ), въ IV — Caesar de B. Gal VI, 17 (съ этимъ отрывкомъ, пожалуй, и наши справились бы); въ III — Quint. Curt. Lib. IX. Александръ передъ городомъ Окендрокодъ.

По греческому языку: въ VIII переводъ изъ «Персовъ» Эсхила 24 стиха, начиная съ 399 ст., въ VII — Strabo IV, 4, въ VI — Isocratis Panegir XXV, въ V кл. — Longus, Daphnis et Chloe 1, 9, въ IV кл. — Longus Daphnis et Chloe II, 3.

Письменные работы съ французскаго на древній даются изъ французскихъ писателей въ VI, V, IV и III.

Въ № 6 для такихъ работъ даны были отрывки изъ Боссюэта, Роллена, по греческому — въ VII (Ла-Брюеръ), въ VI — (Монтескье), въ V — (Фенелонъ).

По родному языку предлагаются ученикамъ слѣдующія темы: въ VIII кл. «Описать греческій храмъ, обративъ особенное вниманіе на его красоту»; въ VII — «Послѣдняя побѣда Сиды»; въ V кл. — Указать въ современномъ языкѣ производныя и сложныя формы отъ латинск. глагола «cingere». Въ низшихъ классахъ даются пересказы и диктовки. Мода на русское проникла и въ школу, и, конечно, безъ курьезовъ дѣло не обходится: въ одномъ лицѣ писалось переложеніе на тему «Le chien

fidèle». Въ разсказѣ фигурируютъ: Vanka, moujik, troika, knout. Между прочимъ говорится, что Ванька всю дорогу былъ очень веселъ, потому что съ товарищами «a bu de nombreuses rosades de kwass». Къ этому слову было примѣчаніе: «kwass au lieu d'eau de vie»!

Приведемъ еще нѣсколько темъ для дѣвиць. На пятый годъ обученія предложена была тема: «Analyser le Sermon sur la mort de Bossuet» и «Выяснить значеніе словъ gai, comique, spirituel и свои объясненія подтвердить примѣрами изъ французской литературы».

Въ 4-ый годъ: 1) Expliquez et appruiez cette pensée de Joubert: «Quand nos amis sont borgnes, je les regarde de profil». 2) «Характеристика скупой женщины».

О заграничномъ образованіи въ настоящее время пишется очень много, но такія статьи всегда носятъ болѣе общій характеръ. Но для учителя и педагога полезнѣе забратъся, такъ сказать, въ самую лабораторію: сравненіе своихъ занятій съ тѣмъ, что дѣлается другими, какъ у насъ, такъ и въ заграничной школѣ обязательно даетъ учителю матеріалъ для размышленій и натолкнетъ на тѣ или иные выводы.

Вотъ почему мы рѣшаемся рекомендовать «Revue universitaire», дающую много подобнаго матеріала.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

ГОМЕРА

Перевель

Г. Янчевецкій

Издание журнала „Гимназія“

Ревель

Печатня Г. Матизена

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

На русскомъ языкѣ, до сихъ поръ, не было полного перевода Гомера.

Рѣшившись на этотъ трудъ, я нашелъ необходимымъ перевести все, что перешло къ намъ отъ древности съ именемъ Гомера, чтобы дать русскому читателю, хотя бы тѣнь, единого, цѣльнаго Гомера, какимъ его знаетъ древность.

Первая часть будетъ заключать **Иліаду**.

Вторая часть составитъ **Одиссею**.

Въ третью часть войдетъ все, что приписывается Гомеру и печатается въ собраніи его произведеній: «Гимны», «Эпиграммы», «Война мышей и лягушекъ». Въ эту же часть войдетъ, какъ послѣсловіе, переводъ большой поэмы Квинта Смирнскаго [въ XIV^{мъ} пѣсняхъ] — **Продолженіе Иліады**.

Такимъ образомъ, третій томъ, почти цѣликомъ, представитъ памятники древности, доселѣ еще неизвѣстные въ русской переводной литературѣ.

По словамъ одного великаго писателя, переводъ Гомера, какой бы онъ ни былъ, составляетъ вкладъ въ литературу народа. Лъщу себя надеждою, что и этотъ трудъ не будетъ лишній.

Во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ Иліадою Гнѣдича, явившейся въ 1839 году, и въ сравненіи съ Одиссеей Жу-

ковскаго, явившейся въ 1841 г., предлагаемый переводъ долженъ дать настолько болѣе новаго, насколько самое пониманіе Гомера въ Россіи, за эти 50 лѣтъ, стало шире и глубже, не говоря уже о послѣдовавшемъ, за полстолѣтіе, быстромъ ростѣ русскаго языка.

Хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о трудностяхъ перевода, которыя состоятъ не только въ возсозданіи этого гиганта фантазіи и чародѣя слова, и въ тоже время величайшаго сердцевада, но еще болѣе въ страшной отдаленности мыслей, чувствованій и всего міровоззрѣнія Гомеровскаго человѣка — язычника за восемь вѣковъ до Рождества Христова, и современнаго человѣка — христіянина конца XIX вѣка по Рождествѣ Христовомъ.

Между ними безконечная пропасть. Соединить эту пропасть, какъ мнѣ кажется, можетъ только высшій взглядъ на задачи земнаго существованія человѣка, и слѣды этого взгляда нельзя не усматривать и въ созданіяхъ Гомера, которыя, по вѣрному замѣчанію одного изъ изслѣдователей, представляютъ «картину благороднаго по своимъ стремленіямъ и удовлетвореннаго христіянствомъ исканія Бога» [Негельсбахъ].

Насколько мнѣ удалось приблизиться къ преодолѣнію этихъ трудностей, видѣлъ ли я «хотя бы въ туманѣ чаемую землю» [Од. I 58], пусть судитъ благосклонный читатель. —

Начавшееся печатаніе въ «Гимназіи», будетъ давать въ каждомъ номерѣ журнала по одному отрывку изъ всѣхъ трехъ частей.

Ревель. 1892 г. 30 ноября.

Г. Ятвеевскій.

ИЛІАДА.

Пѣснь первая.

Моровая язва. Гнѣвъ Ахилла.

Муза, богиня! Повѣдай гибельный гнѣвъ Ахилла Пелида. Онъ тысячи бѣдъ навлекъ на ахеянъ; множество душъ героевъ могучихъ Аиду послалъ, а самихъ ихъ сдѣлалъ добычей собакъ и всякихъ птицъ. Исполнялось велѣніе Зевса, съ того какъ впервые разсорились и разошлись — царь мужей Агамемнонъ и дивный Ахиллъ.

Какой же богъ свелъ ихъ ратовать распрей? — Сынъ Зевса и Литои. Въ злобѣ своей на Атрида царя, возбудилъ онъ по стану злую болѣзнь, и люди умирать стали за то, что царь оскорбилъ молителя Хриза.

Пришелъ этотъ Хризь къ ахейскимъ быстрымъ судамъ, чтобы выкупить дочь, и несъ неисчислимый выкупъ; имѣлъ въ рукахъ и вѣнокъ Аполлона дальнострѣла на посохѣ золотомъ, и просилъ всѣхъ ахеянъ, больше обоихъ Атридовъ, строителей стана:

— Атриды и всѣ вы, ахеяне славно-поножные! Да подадутъ вамъ боги, на Олимпѣ живущіе, разрушить городъ Приама и славно домой возвратиться; мнѣ же вы отпустите милую дочь и примите мой выкупъ: почитите Зевсова сына, Аполлона дальновержца.

25 Тутъ всё зашумѣли — «почтить молителѣ, принять вы-
купъ блестящій»; но не душѣ Агамемнона правилось, это:
онъ худо его отсылалъ и грознымъ словомъ наказывалъ:

30 — Старикъ! Чтобы я больше тебя не встрѣчалъ при
глубокихъ судахъ ни сегодня, если замедлишь, ни завтра, если
вторично придешь. Чтобы не былъ тебѣ бесполезенъ и по-
сохъ съ вѣнкомъ Аполлона! ее я не отпущу. Раньше старость
настигнетъ ее въ нашемъ домѣ, въ Аргосѣ, далеко отъ ро-
дины: будетъ смотрѣть за станкомъ и готовить мнѣ ложе.
Ступай и не досаждай, чтобы цѣлымъ домой возвратиться.

35 Такъ сказалъ Агамемнонъ. Старикъ смутился и поко-
рился и молча пошелъ по берегу многошумнаго моря. Отошелъ
далеко и много молился царю Аполлону, сыну Литои — пре-
красной косы:

40 — О сребролукій, услышь меня! Ты мою Хризу об-
ходишь, священную Киллу, ты мощно властвуешь надъ
Тенедосомъ, свѣтодатель (Сминѣей)! Если когда я покрылъ
тебѣ храмъ, или тучныя бедра быковъ сожигалъ или козъ,
исполни желаніе мое: да накажутся данаи за мои слезы
твоими стрѣлами.

45 Такъ говорилъ Хризь и молился и его услышалъ Фебъ
Аполлонъ: сошелъ съ вершинъ Олимпа, съ разгнѣваннымъ
сердцемъ, имѣя лукъ на плечахъ и закрытый колчанъ. За-
звенѣли стрѣлы на плечахъ гнѣвнаго бога, когда онъ тронулся,
а шелъ онъ, ночи подобный. Сълъ далеко отъ судовъ и
пустилъ стрѣлу: страшенъ былъ звукъ тетивы-серебра. Му-
50 ловъ сперва онъ настигъ и бѣлыхъ собакъ, а затѣмъ на-
правилъ горькій ударъ на ахеянъ и сталъ поражать. За-
пылали повсюду костры изъ умершихъ.

55 Девять дней ходили по стану стрѣлы бога; на десятый
день Ахиллъ созвалъ людей на собраніе: такъ ему положила
на сердце богиня бѣлорукая Гера: жалѣла данаевъ, такъ какъ

видѣла, какъ они мрутъ. И когда собрались и были все
вместѣ, всталъ быстроногій Ахиллъ и сказалъ:

— Атридъ! Кажется, мы теперь будемъ обратно про- 60
гнаны и назадъ возвратимся, — если только избѣгнемъ
смерти, — если такъ вмѣстѣ будутъ губить и война и чума.
Спросимъ же гадателя или молителя, или сновидца. — и
сны бывають отъ Зевса, — пусть скажетъ, за что такъ
прогнѣвался Фебъ Аполлонъ: за обѣтъ ли онъ негодуеть 65
или за гекатомбу: не хочетъ ли принять дыма отъ совер-
шенныхъ козъ и барановъ, дабы отразить отъ насъ язву.

Такъ онъ сказалъ и сѣлъ, и выступилъ къ нимъ Кал- 70
хантъ Фесторидъ, птицегадатель наилучшій: онъ зналъ и что
есть и что будетъ и что прежде бывало, онъ и суда ахеянъ
привелъ въ Иліонъ своими гаданьями, какія далъ ему Фебъ
Аполлонъ. Благожелательный, онъ такъ говорилъ и сказалъ:

— Ахиллъ богомилый! велишь мнѣ повѣдать гнѣвъ далеко- 75
разящаго царя Аполлона. Я скажу, но ты подумай и покля-
нись, что отъ сердца меня защитишь и словомъ и руками,
потому что, я знаю, разсердится мужъ, который сильно
властвуетъ надъ всѣми аргивянами, и слушаютъ его все
ахеяне. А царь всегда сильнѣе, когда озлобится на человѣка 80
подвластнаго, и если на сегодня и сдержитъ свой гнѣвъ,
всетаки послѣ онъ гнѣвень въ сердцѣ, куда выместить.
Такъ ты и подумай, защитишь ли.

Ахиллъ быстроногій такъ отвѣчалъ:

— Смѣло всегда говори волю божью, какую ты знаешь. 85
Клянусь Аполлономъ богомилымъ, которому ты молишься и
открываешь данаямъ богоприличіе, пока я живъ и смотрю по
землѣ, никто на тебя не наложитъ тяжелой руки изъ всѣхъ 90
данаевъ, даже если и Агамемнона скажешь, который нынѣ
славится наибольше изъ всѣхъ ахеянъ.

Тогда осмѣлился гадатель непорочный и молвилъ:

— Не за обѣтъ Аполлонъ негодуеть, не за гекатомбу,

95 а за молителя: его Агамемнонь обидѣль, не отпустиль дочери,
не приняль и выкупа. За это скорби намъ далъ Аполлонъ
и еще дасть; и отдалить отъ данаевъ ужасную язву не
98 прежде, чѣмъ возвратить милому отцу дочь свѣтлоокую безъ
пени, безъ выкупа, и отвезти въ Хризу гекатомбу великую.
Тогда только мы приклонили бы и умолили.

100 Такъ сказалъ Калхантъ и сѣль, и къ нимъ выступилъ
герой Атридъ, широковластный Агамемнонь. Онъ былъ гнѣ-
8 венъ; черное сердце его наполнилось злостью, а глаза казались
105 блестящимъ огнемъ. На перваго Калханта онъ худо взгля-
нулъ и сказалъ:

97 — Гадатель худого! Никогда ты не скажешь хорошаго:
всегда тебѣ въ сердцѣ хочется злое предгадывать; хорошаго
слова ты мнѣ никогда не сказалъ и не сдѣлалъ. Вотъ и
110 теперь, вѣщая данаямъ, ты говоришь, будто за то Аполлонъ
причиняетъ имъ горести, что я не хотѣлъ принять выкупа
за дѣвицу Хризеиду, такъ какъ лучше желаю имѣть ее самую
въ своемъ домѣ. И правда, я предпочелъ ее женѣ моей сва-
115 таною Клитемнестрѣ, такъ какъ Хризеида не хуже ни видомъ,
ни лицомъ, ни умомъ, ни работами. И всетаки я готовъ
98 отдать ее, если такъ лучше, — пусть лучше люди будутъ
здоровы, чѣмъ умирать имъ; но тогда вы мнѣ сейчасъ же
другую награду приготовьте, чтобы я не оставался одинъ
120 безъ награды; да такъ и негоже: — вы видите сами, что
награда моя отходить на другое.

100 Ему отвѣчалъ быстроногій дивный Ахиллъ:

102 — Славнѣйшій Атридъ, корыстолюбивѣйшій! Какъ же
тебѣ дадутъ награду великодушные ахеяне? общаго, сложен-
125 наго, мы не знаемъ, а что изъ городовъ добыли, то подѣлено,
а чтобы люди разъ собранное вторично собирали, не подо-
баеть. Отошли ты ее теперь Аполлону, а послѣ мы, ахеяне,
втрое и вчетверо тебѣ отдадимъ, если когда Зевсъ дасть намъ
разрушить вѣрностѣнную Трою,

Сильный Агамемнонъ ему отвѣчалъ: 130

— Нѣтъ, богоравный Ахиллъ; хотя ты и славенъ, такъ не хитри: меня ты не обойдешь и не убѣдишь. Или ты хочешь самъ имѣть награду, а я чтобы такъ сидѣлъ, безъ ничего? и велишь мнѣ отдать ее? Да, если великодушные ахеяне дадутъ мнѣ награду, выбравши по душѣ и чтобы была равноцѣнная; а если не дадутъ, я пойду и самъ возьму твою награду или Одиссея, или Аякса: пойду и возьму; и тотъ пусть сердится, къ кому я пойду. Но объ этомъ говорить будемъ послѣ, а теперь спустимъ черное судно на великое море, наберемъ довольно гребцовъ, поставимъ гекатомбу и возведемъ ее, румянолицую Хризеиду; и одинъ пусть будетъ начальникомъ совѣтоноснымъ — Аяксъ, Идомей, или Одиссей дивный, или и ты, Пелидъ, отважнѣйшій изъ всѣхъ, чтобы намъ совершить жертвы и умиловитъ далекоразящаго. 135 140 145

Злобно взглянулъ на него и сказалъ быстроногій Ахиллъ: — О, ты, одѣтый безстыдствомъ, и сердцемъ коварный! Какъ же кто изъ ахеянъ охотно послушаетъ тебя, отправиться ли въ путь, или съ врагами сражаться? Да я пришелъ сюда не ради троянъ, которые ни въ чемъ предо мной не повинны: никогда они въ Фѳіи плодоносной, людей кормящей, не гнали моихъ коровъ, или коней, не пустошили и полей моихъ, такъ какъ слишкомъ много между нами и горь туманныхъ и водъ шумящихъ, но за тобой, безстыдный, пошли мы, чтобы тебѣ угодить предъ троянами и честь защититъ Менелая и твою, собачьи глаза, а ты на это не смотришь, о томъ не болѣешь; и теперь еще грозишь отнять награду, для которой я столько трудился, и дали мнѣ сами ахеяне?! Да я и такъ никогда не имѣю награды, равной съ твоею, когда ахеяне гдѣ либо городъ берутъ доброжитный, тогда какъ большую часть печальной войны руки мои совершаютъ; а если дѣлежъ наступаетъ, то твоя доля всегда больше, а я, изнуренный войной, ухожу къ судамъ своимъ съ долей и малой и милой; но 150 155 160 165

170 теперъ я уйду въ свою Фѣю: лучше уйти домой съ ко-
раблями высокими. Я не намѣренъ здѣсь оставаться безъ
честь и тебѣ добывать богатства съ избытками.

Царь мужей Агамемнонъ ему отвѣчалъ:

175 — И уходи, если душа твоя хочетъ. Я и не прошу
тебя ради меня оставаться: есть у меня и другіе, которые
меня почтутъ, а наибольше Зевсъ промыслитель. Ненавистенъ
ты мнѣ больше всѣхъ царей боговоспитанныхъ: всегда тебѣ
хочется споровъ да ссоры, да битвъ. Если ты очень силенъ,
то богъ тебѣ далъ это. И отправляйся съ своими судами
180 и съ своими друзьями и царствуй надъ мирмидонами, а я
о тебѣ не печалюсь и гнѣва твоего ничуть не боюсь, а при-
грожу тебѣ вотъ чѣмъ: если Фебъ Аполлонъ беретъ у меня
Хризиду, я и отправлю ее на своемъ кораблѣ и съ моими
185 друзьями, но самъ пойду въ твою палатку и возьму твою
долю — Бризеиду румянолицую, чтобы ты зналъ, на сколько
я выше тебя, и чтобы всякій боялся считать себя равнымъ
со мною и говорить, что и онъ такой же.

Такъ говорилъ Агамемнонъ. Ахиллъ пришелъ въ ярость,
190 и сердце въ мохнатой груди его двояко рѣшалось: или вы-
тащить острый мечъ при бедрѣ и на всѣхъ ихъ кинуться,
а Атрида убить, или укротить свою злобу, и сдержать свою
душу. Пока онъ такъ колебался въ душѣ и въ сердцѣ и
вытаскивалъ длинный мечъ изъ ноженъ, пришла Аѣина съ
195 неба; ее раньше послала богиня бѣлорукая Гера, одинаково
обоихъ любившая и жалѣвшая. Стала Аѣина сзади, и кос-
нулась свѣтлыхъ волосъ Пелида; показала ему одному, изъ
другихъ никто не видалъ. Удивилси Ахиллъ, обернулся и
200 тотчасъ узналъ Палладу Аѣину: глаза ея грозно блестѣли.

Къ ней заговорилъ Ахиллъ и сказалъ крылатое слово:
— Что ты пришла сюда, дочь Зевса, эгидоносителя? чтобы
видѣть наглость Атрида Агамемнона? Я скажу тебѣ, и это, надѣ-
юсь, сбудется: за свое безразсудство онъ скоро душу погубить,

- Ему отвѣчала богиня Аѣина — свѣтлыя очи. 205
- Пришла я съ неба сдержать твой гнѣвъ, если послушаться хочешь. Раньше послала меня богиня бѣлорукая Гера, обоихъ васъ одинаково любящая и жалѣющая. Ссору 210
оставь и меча не извлекай, а словами кори, какъ придется. Я вотъ что скажу, и такъ сбудется: за эту обиду нѣкогда второе будетъ тебѣ блестящихъ даровъ. Успокойся; послушайся насъ:
- Быстроногій Ахиллъ отвѣчалъ: 215
- Богиня! ваше слово должно исполнить хотя бы съ огорченіемъ: да, такъ лучше. Кто богамъ повинуется, того и боги слушаютъ.
- Такъ сказалъ Ахиллъ, и на серебряной рукояти удержалъ тяжелую руку и назадъ вдвинулъ въ ножны длинный мечъ: повиновался слову Аѣины. Аѣина пошла на Олимпъ 220
въ жилище Зевса эгидоноснаго, къ прочимъ богамъ.
- Пелидъ снова обратился къ Атриду и бранилъ, и гнѣвъ его не прекращаяся:
- У! виномъ налитый, съ глазами собаки, съ сердцемъ 225
олена! Да ты никогда не отважишься въ сердцѣ въ битву пойти съ другими людьми, или въ засаду съ ахейцами лучшими: тамъ тебѣ видится смерть . . . О, да! гораздо легче по широкому стану дары отнимать, если кто скажетъ что 230
либо противъ. Царь ты, людей объѣдающій: надъ ничтожными властвуешь, а то бы ты нынѣ послѣдній разъ поглумился. А я тебѣ вотъ что скажу и въ томъ поклянусь великою клятвой: клянусь этимъ посохомъ, который никогда ни вѣтвей ни листьевъ не родить, — разъ онъ оставилъ свой 235
пень на горахъ, — и не расцвѣтетъ, какъ мѣдъ съ него ободрала и листья, и кору, и нынѣ носятъ его въ рукахъ сыны ахейцы — судьи, что Зевса уставы блюдутъ; и это тебѣ великою клятвою будетъ: наступить нѣкогда скорбь у всѣхъ 240
ахейскихъ сыновъ по Ахиллу, и ты при всемъ своемъ страхѣ

ничѣмъ не сможешь помочь имъ, когда они будутъ кучами
падать подъ Гекторомъ мужеубійцей, а ты будешь грызтьсвою
душу съ досады, что ничѣмъ не почтилъ ахеянина лучшаго.

245 Такъ сказалъ Ахиллъ, и бросилъ на землю посохъ,
утыканный золотыми гвоздями, и сѣлъ. Атридь на другой
сторонѣ волновался.

Тогда выступилъ Несторъ сладкорѣчивый, славный пи-
лосскій витія: съ языка его рѣчь лилась пріятнѣе меда.
250 Передъ нимъ уже два поколѣнія смертныхъ исчезли, что
прежде, вмѣстѣ съ нимъ, родились и кормились въ Пилосѣ
веселомъ, и царствовалъ онъ между третьими. Благожелатель-
ный Несторъ такъ говорилъ:

255 — Да, да! великая скорбь постигаетъ ахейскую землю!
Какъ былъ бы радъ и Пріамъ, и Пріамовы дѣти, да и всѣмъ
троянамъ великая была бы радость въ ихъ сердцахъ, еслибъ
узнали, что вы такъ спорите, вы, что стоите надъ всѣми
260 совѣтомъ и битвами. Слушайте: оба вы моложе меня. Я
когда то вращался съ людьми гораздо лучшими, чѣмъ вы, и
они меня никогда не чуждались. Да, не видалъ я такихъ и
не увижу, какъ Пириѳой, Дріантъ, пастырь народовъ, Кеней,
265 Ексадій, Полифемъ богоравный, или Тезей, сынъ Егеевъ, по-
добный безсмертнымъ. Крѣпчайшіе были изъ смертныхъ,
крѣпчайшіе были, и съ крѣпчайшими бились — съ звѣрями
горными, и ихъ ужасно губили. И съ ними то я обращался,
270 ходилъ изъ Пилоса, далеко изъ странъ отдаленныхъ, и сами
они меня звали; и я сражался, самъ по себѣ; а съ ними
ни одинъ не могъ бы бороться изъ нынѣ живущихъ смерт-
ныхъ, землею рожденныхъ. И они внимали совѣтамъ моимъ
и слушались словъ моихъ. Послушайте же и вы, и послу-
275 шаться лучше. И ты, Агамемнонь, хотя и славенъ, не
отнимай дѣвицы и оставь ему, какъ ему раньше дали въ
награду сыны ахеянъ; и ты, Пелидъ, не желай перечить
царю упрямо, такъ какъ никогда еще чести такой не доста-

валось царю скиptronоцу, какому Зевсъ давалъ славу. Если ты и силенъ, и родила тебя мать богиня, то онъ всетаки выше, такъ какъ надъ большими властвуетъ. Атридь! оставь ты свой гнѣвъ, прошу тебя: не сердись на Ахилла: онъ для всѣхъ ахеянъ большая ограда въ тяжкой войнѣ.

Царь Агамемнонъ такъ отвѣчалъ:

— Да, старикъ; все это ты сказалъ надлежаще; но этотъ мужъ хочетъ быть надъ всѣми, хочетъ надъ всѣми властвовать, всѣмъ повелѣвать, всѣмъ указывать, а я слушать его отнюдь не желаю. Если ему вѣчносущіе боги положили быть копьеборцемъ, то также ему положили и дерзости всѣмъ говорить?

Его прервалъ и сказалъ божественный Ахиллъ:

— Да я бы самъ себя трусомъ ничтожнымъ назвалъ, если буду тебѣ уступать во всемъ, что ты скажешь. Другимъ приказывай, но не мнѣ; а тебя не намѣренъ я слушать. А я тебѣ вотъ что скажу, и ты положи это въ сердце: ради дѣвицы я не стану биться руками ни съ тобой, ни съ кѣмъ либо другимъ: вы дали, вы и отняли; но изъ остального, что есть у меня на черномъ суднѣ, ничего ты не возьмешь противъ воли моей; а если хочешь, попробуй, чтобы и они узнали: сейчасъ же черная кровь потечетъ по копью.

Такъ они при корабляхъ враждебными рѣчами препирались и разошлись, и распустили собраніе. Пелидъ съ Менетіевымъ сыномъ и съ своими друзьями пошелъ къ своимъ судамъ равномѣрнымъ и къ палаткамъ, а Атридь спустилъ быстрое судно на море, выбралъ двадцать гребцовъ, гекатомбу поставилъ богу и возвелъ румянолицую Хризеиду; начальникомъ вступилъ Одиссей многоумный.

Вошли на корабль и поплыли по влажнымъ путямъ, а Атридь приказалъ людямъ совершать очищеніе. И они очищались и нечистое въ море бросали, а Аполлону дѣлали гекатомбу изъ взрослыхъ быковъ и козъ на берегу моря не-

умолчнаго; и запахъ вился надъ дымомъ и доходилъ до неба. Такъ они надъ этимъ трудились въ станѣ.

320 Агамемнонъ не прекратилъ злобы, какую раньше пригрозилъ Ахиллу; онъ сказалъ къ Талевію и Евривату, бывшимъ у него вѣстникамъ и слугамъ проворнымъ:

— Ступайте въ палатку Ахилла Пелида; возьмите за руку и приведите Бризеиду румянолицую. Если не дасть, я самъ
325 приду съ бѣльшимъ числомъ и возьму; и ему будетъ хуже.

Такъ сказалъ и послалъ ихъ, и выполнилъ грозное слово. Слуги невольно пошли по берегу неумолчнаго моря. И при-
330 шли къ палаткамъ Ахилла, и застали, что онъ сидѣлъ около палатки. Не радостно взглянулъ на нихъ Ахиллъ; тѣ смутились и стали почтительно; ничего не сказали и не спрашивали. Но онъ самъ понялъ въ своемъ сердцѣ и сказалъ:

— Здравствуйте, вѣстники, посланники Зевса и чело-
335 вѣковъ. Ближе идите. Вы ни въ чемъ предо мной невиновны, а Агамемнонъ, который послалъ за дѣвицей Бризеидой. Такъ вотъ, богорожденный Патроклъ, выведи дѣвицу, и пусть ведутъ. Пусть они сами будутъ свидѣтелями и предъ богами
340 блаженными, и предъ смертными людьми и предъ царемъ необузданнымъ, въ случаѣ когда нужда во мнѣ явится защитить всѣхъ отъ великой бѣды. Теперь онъ бѣснуется въ сердцѣ безумномъ, а того не знаетъ, чтобы обдумать впередъ и назадъ, чтобы ахеяне при судахъ цѣлые сражались.

345 Такъ говорилъ Ахиллъ. Патроклъ повиновался милому другу, вывелъ изъ палатки Бризеиду румянолицую и передалъ вѣстникамъ. Вѣстники обратно пошли къ ахейскимъ судамъ, а Бризеида невольно слѣдовала за ними.

350 Ахиллъ заплакалъ, ушелъ подальше отъ друзей по берегу моря сѣдого, и тамъ сѣлъ и смотрѣлъ на безпредѣльные волны; и сталъ призывать милую мать, руки къ ней простирая:

— Мать моя! когда уже ты родила меня кратковѣчнаго,

то пусть бы мнѣ честь даровалъ олимпійскій Зевсъ громовержецъ; теперь же онъ не почтилъ меня ни мало: Атридъ, широковластный Агамемнонъ, меня обезчестилъ: самовластно отнялъ и держитъ награду мою. 355

Такъ говорилъ Ахиллъ и плакалъ, и его услышала мать, сидѣвшая въ глубинахъ моря у отца старца. Быстро вынырнула изъ моря сѣдого, какъ туманъ морской, и сѣла около плакавшаго Ахилла, гладила рукою, говорила слово и такъ называла: 360

— Дитя мое, что ты такъ плачешь? Какая печаль проникла въ сердце твое? скажи, не скрывай въ душѣ, чтобы знали мы обою.

Ахиллъ быстроногій тяжело вздыхалъ; онъ сказалъ:

— Сама знаешь. Зачѣмъ же тебѣ говорить, когда ты все знаешь?... Ходили мы на Оиву, великій городъ Итіона. Городъ мы взяли и все увели. Все хорошо подѣлили между собою сыны ахейнъ, и для Атрида отдѣлили Хризеиду румянолицую. Послѣ Хризы, жрецъ Аполлона дальновержца, пришелъ къ ахейскимъ судамъ, чтобы выкупить дочь, и несъ безчисленный выкупъ и имѣлъ въ рукахъ, на золотомъ посохѣ, вѣнокъ далекоразящаго Аполлона. Сталъ онъ просить всѣхъ ахейнъ и наибольше обоихъ атридовъ, народныхъ строителей, и всѣ зашумѣли — почтить жреца и принять блестящій выкупъ. Но сердцу Атрида Агамемнона это не нравилось: онъ худо отсылалъ Хризу и грозное слово надъ нимъ совершалъ. Печальный старикъ ушелъ и сталъ молить Аполлона, и Аполлонъ услышалъ, такъ какъ Хриза былъ ему очень угоденъ, и пустилъ на аргивянъ худую стрѣлу; и вотъ люди умирать стали кучами. Стрѣлы бога ходили повсюду, по широкому стану ахейнъ, и гадатель знающій открылъ намъ волю бога далекаго. Я первый потребовалъ приклонить бога, но Атрида злоба взяла, и онъ, уходя, угрозилъ словомъ, которое теперь и исполнилъ: ту на быстромъ 375 380 385

390 суднѣ ахеяне повезли въ Хризу и везутъ дары Аполлону,
 а эту вѣстники только что увели изъ палатки, дочь Бризея,
 ту самую, которую мнѣ дали ахеяне . . . Такъ ты, если мо-
 жешь, заступись за сына: иди на Олимпъ и проси Зевса,
 395 если когда нибудь, чѣмъ нибудь помогла его сердцу, или
 словомъ, или дѣломъ. Я часто слышалъ въ домѣ отца, какъ
 ты гордилась, когда рассказывала, что ты одна между без-
 смертными защитила Зевса Кронида отъ ужасной опасности,
 400 когда его захотѣли сковать олимпійцы: Посидонъ, Гера и
 Паллада Аѣина. Ты тогда пришла и спасла отъ оковъ, при-
 звавши на далекій Олимпъ того сторукаго, котораго боги
 зовутъ Бриареемъ, а люди Эгеомомъ; онъ же, по силѣ, и
 405 Посидона, отца своего, превосходить. И онъ тогда сѣлъ
 рядомъ съ Зевсомъ, и славой гордился, а блаженные боги
 его испугались и Зевса не сковали. Объ этомъ теперь напомни,
 обнявши колѣни его: не захочетъ ли троянамъ помочь, а
 ахеянъ побитыхъ откинуть къ судамъ и къ морю. Пусть всѣ
 410 царемъ полюбуются; пусть и Атридъ широковластный узнаетъ
 безумство свое, что ничѣмъ не почтилъ лучшаго изъ ахеянъ.

Θетида плакала и ему говорила:

— О, сынъ мой! зачѣмъ на несчастье тебя я родила,
 415 кормила! Сидѣть бы тебѣ при судахъ безъ слезъ, безъ стра-
 даній, когда уже вѣкъ твой короткій, не долгій. Теперь и
 судьба твоя скорая, и самъ ты несчастенъ, больше чѣмъ
 кто: на злую долю тебя я родила. Но это скажу повели-
 420 телю молній Зевсу: сама пойду на снѣжный Олимпъ; можетъ
 быть, онъ и послушаетъ. А ты, пока, оставайся при су-
 дахъ быстроходныхъ: гнѣвайся на ахеянъ, и отъ войны со-
 всѣмъ устранийся. Зевсъ вчера ушелъ въ океанъ, на пиръ
 къ безпорочнымъ Эѳіопамъ, и за нимъ всѣ боги пошли; на
 425 двѣнадцатый день на Олимпъ возвратится. Тогда я пойду
 въ мѣднозданный домъ Зевса, и припаду къ колѣнамъ, и,
 думаю, онъ послушается.

Такъ сказала Тетида и ушла, а Ахиллъ остался тамъ же съ печалью въ душѣ по пышноубранной дѣвицѣ, которую силой отняли. — 430

А Одиссей достигалъ Хризы и везъ гекатомбу великую. Когда они были уже въ пристани глубокой, паруса опустили, сложили на черномъ суднѣ, а мачту спустили въ пріемницу, притянувши быстро канатами, и судно къ пристани пригнали. Выкинули лежни, привязали корму; вышли сами на берегъ моря, вывели гекатомбу царю Аполлону, и, затѣмъ, изъ судна мореходнаго вышла Хризеида. Одиссей многоумный повелъ ее къ жертвеннику, милому отцу на руки далъ и такъ говорилъ: 435

— Хризь! царь мужей Агамемнонъ послалъ меня отвезти тебѣ дочь, а Фебу принести за данаевъ гекатомбу великую, да смилуется царь, пославшій на насъ многостонныя бѣды. 440

Такъ говорилъ, и отдалъ на руки милую дочь. Хризь принялъ и радовался. Скоро гекатомбу великую поставили въ рядъ вокругъ доброданнаго жертвенника, омыли руки и взяли священный ячмень, и предъ ними много молился Хризь, руки поднявши: 450

— Услышь, сребролукій! ты мою Хризу обходишь и Биллу священную и властвуешь мощно надъ Тенедосомъ! Прежде услышалъ ты молитву мою и почтилъ и сильно ударилъ ахейскихъ людей: соверши же и нынѣ желанье мое: отрази отъ данаевъ ужасную гибель. 455

Такъ говорилъ онъ, молясь, и его услышалъ Фебъ Аполлонъ. Когда помолились и ячменемъ посыпали, головы подняли жертвамъ, зарѣзали и ободрали; вырѣзали кости, покрыли ихъ жиромъ два раза и на нихъ потроха положили; и старецъ жегъ на дровахъ и темнымъ виномъ поливалъ, а молодые прислужники пятизубцы держали. Когда кости сгорѣли, и все потроховъ вкусили, остальное дробили, на 460 465

вертела натыкали и жарили осторожно, и, затѣмъ, все снимали. Когда же окончили трудъ, приготовили пиръ и пиروвали; и ни въ чемъ душа не нуждалась на пиру совершенномъ. Когда же насытили желаніе питья и ѣды, 470 прислужники чаши вѣнчали виномъ, обходили всѣхъ кубками и всѣмъ раздавали, и ахеяне цѣлый день ублажали бога пляской и пѣли прекрасный пеанъ — прославляли далекаго. Онъ слушалъ и радовался въ сердцѣ.

475 Когда солнце потонуло и мраки пришли, тогда уснули у причалъ корабельныхъ; а утромъ, когда показалась розоперстая Эось, поплыли назадъ къ широкому стану ахейскому, и царь Аполлонъ послалъ имъ вѣтеръ попутный. Поставили 480 мачту, бѣлые паруса растянули и вѣтеръ подулъ парусамъ въ середину, и вокругъ кормы бѣгущаго судна шумѣла волна бѣлопѣнная, а судно бѣжало съ волной, разрѣзая дорогу.

485 Когда же прибыли къ широкому стану ахейскому, черное судно на берегъ втащили высоко, на песокъ, и подложили длинныя бревна, а сами разсѣялись по судамъ и палаткамъ.

Благородный Пелеевъ сынъ Ахиллъ быстроногій, сидѣлъ при судахъ быстроходныхъ и гнѣвался; не ходилъ на собранія — славу мужей, не ходилъ и на войны; онъ дома сидѣлъ и снѣдалъ свое милое сердце, но желалъ и битвъ и 490 кликовъ военныхъ.

Какъ пришла двѣнадцатая заря, вѣчносушіе боги всѣ 495 вмѣстѣ пришли на Олимпъ, и съ ними Зевсъ впереди. Не забыла Ѡетида просьбъ сына, вышла изъ волнъ морскихъ и рано взошла на Олимпъ и высокое небо и нашла широкозрящаго Кронида: сидѣлъ онъ вдали отъ другихъ, на высшей 500 вершинѣ многохолмнаго Олимпа. Тамъ передъ нимъ сѣла Ѡетида и лѣвой рукой обнимала колѣна, а правой касалась цвѣтника — подбородка, и говорила съ мольбою:

— Отецъ Зевсъ! Если когда, среди безсмертныхъ, по-

могла я тебѣ или словомъ, или дѣломъ, исполни просьбу мою: почти мнѣ сына, кратковѣчнѣйшаго надъ всѣми. Обидѣлъ его царь мужей Агамемнонъ: самовольно отнялъ и держитъ награду его. Почти же его хотя ты, Зевсъ, промыслитель Олимпійскій: до тѣхъ поръ посылай троянамъ силу, покуда ахейцы почтутъ моего сына, воздадутъ ему честь. 505 510

Такъ говорила Фетида. Ей ничего не сказалъ Зевсъ тучесобиратель: молча сидѣлъ. А Фетида, какъ обняла колѣна, такъ и оставалась припавши, и говорила снова:

— Не ложно мнѣ обѣщай и кивни головой, или откажи: тебѣ безбоязненно; пусть буду знать, насколько я между всѣми ничтожнѣйшій богъ. 515

Зевсъ тучесобиратель сильно вздохнулъ и сказалъ:

— Трудное дѣло: заставишь меня поссориться съ Герой, когда укорять меня станетъ обидною рѣчью. Она и такъ постоянно меня порицаетъ предъ безсмертными, говоритъ, что я помогаю троянамъ. Ты теперь назадъ возвращайся, дабы не замѣтила Гера. Я позабочусь, чтобы сдѣлать. И если ты хочешь, даже кивну головою, чтобы ты успокоилась. Это отъ меня для безсмертныхъ знакъ величайшій: невозвратимо, необманно, не несвершимо, на что я кивну головою. 520 525

Такъ сказалъ Зевсъ и кивнулъ черными бровями. Нетлѣнные кудри на безсмертной головѣ царя зашевелились, и потрясся великій Олимпъ. 530

Такъ они совѣщались и разошлись. Фетида отъ свѣтлаго Олимпа прынула въ море глубокое, а Зевсъ въ свой домъ. Всѣ боги разомъ встали съ сидѣній предъ отцомъ своимъ: ни одинъ не дерзнулъ ждать проходившаго: всѣ предъ нимъ встали. Тамъ онъ сѣлъ на тронъ. Но Гера замѣтила: видѣла, что съ нимъ совѣщалась среброногая Фетида, дочь старца морскаго, и тотчасъ сказала съ укоромъ: 535

— Коварный! Кто это снова съ тобой изъ боговъ совѣщался? Всегда тебѣ хочется быть вдали отъ меня и рѣшать 540

въ тайныхъ помыслахъ; никогда ты отъ сердца не хочешь сказать, что думаешь.

Ей отвѣчалъ отецъ людей и боговъ.

545 — Гера! не всё мои рѣчи старайся узнать: тяжелы тебѣ будутъ, хотя и супругѣ. Что надлежитъ тебѣ знать, раньше тебя не узнаетъ ни богъ, ни человекъ; но что мнѣ
550 угодно одному, безъ боговъ, задумать, о томъ ты не вѣдай; о томъ и не спрашивай.

Волоокая Гера царица ему отвѣчала:

— Ужасный Кронидъ! и что ты сказалъ? Да я и прежде никогда не спрашивала и не вывѣдывала: всегда ты самъ
555 въ тишинѣ обдумываешь, что хочешь. Но я ужасно боюсь въ своемъ сердцѣ, чтобы не уговорила тебя среброногая Фетида, дочь старца морскаго: утромъ сидѣла при тебѣ и обнимала колѣна; и, я думаю, ты кивнулъ головой, что навѣрное сына почтишь и погубишь многихъ ахейнъ.

560 Ей отвѣчалъ Зевсъ тучесобиратель:

— Дивная! Всегда ты мнительна, отъ тебя не укрыться; но сдѣлать всетаки ничего ты не сможешь, а только будешь
565 подальше отъ сердца моего, и тебѣ же досаднѣе будетъ. Сиди молчаливо, и моимъ повинуйся словамъ, и знай: не помогутъ тебѣ всё боги Олимпа, собравшись всё вмѣстѣ, когда наложу на тебя неудержныя руки.

570 Такъ сказалъ Зевсъ. Испугалась волоокая Гера царица; молчаливо сидѣла, смиривши милое сердце; всё боги въ Зевсовомъ домѣ вздохнули. Къ нимъ тогда началъ слово искусникъ славный, Гефестъ, угождая матери милой, бѣло-рукой Герѣ:

— Печальныя будутъ дѣла, несносныя, когда вы станете ссориться такъ ради смертныхъ, въ собраніе смуту
575 вносить; въ нашемъ пирѣ прекрасномъ и пріятность исчезнетъ, если насъ пустяки переселять. . . Матери я бы совѣтовалъ, хотя и сама разумѣть, угождать отцу Зевсу,

чтобы онъ не сердился, и насъ не смущалъ на пиру . . . 580

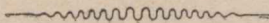
А если онъ, громовержецъ, захочетъ вытолкнуть насъ изъ сидѣній, съ Олимпа?! Вѣдь, онъ гораздо стремливѣе всѣхъ насъ . . . А ты бы къ нему обращалась съ разсказами нѣжными, и тогда Зевсъ будетъ къ намъ ласковъ по прежнему.

Такъ сказалъ Гефестъ, и всталъ, и матери милой въ руки кубокъ двуушный подаль, и такъ говорилъ: 585

— Мать моя, хотя и досадно, стерпи и смолчи, чтобы я не видѣлъ тебя, дорогую, побитую: а помочь я ни чѣмъ не смогу въ своей горести: трудно мѣяться съ Зевсомъ. Разъ онъ уже, какъ хотѣлъ я помочь тебѣ, схватилъ меня 590 за ногу, бросилъ съ порога небеснаго, и я летѣлъ цѣлый день, пока солнце зашло, и упалъ на Лимносъ; тамъ меня подняли мужи синтійскіе.

Такъ говорилъ Гефестъ. Улыбнулась богиня, бѣлорукая 595 Гера, и, улыгнувшись, приняла кубокъ отъ сына, а Гефестъ, начавши справа, всѣмъ богамъ наливалъ сладкій нектаръ, черная изъ чаши. Поднялся смѣхъ несмолкающей среди счастливыхъ боговъ, когда стали смотрѣть, какъ кривоногий Гефестъ заковылялъ съ кубкомъ по свѣтлицѣ. 600

Такъ тогда боги, цѣлый день, пока солнце зашло, пировали. Душа ни въ чемъ не нуждалась на пирѣ прекрасномъ, даже въ формингѣ чудесной, на коей игралъ Аполлонъ, и въ музахъ, которыя пѣли, одна за другой, голосомъ дивнымъ. А когда потонулъ блестящій свѣтъ солнца, боги ушли почи- 605 вать, каждый въ свой домъ, гдѣ кому жилище устроилъ Гефестъ — могучія плечи, по замысламъ тонкимъ. Зевсъ громовержецъ къ ложу пошелъ, гдѣ всегда почивалъ, когда приходилъ къ нему сонъ усаждающій. Самъ онъ на ложе 610 взшелъ и уснулъ, и при немъ златотронная Гера.

ОДИССЕЯ.

Пѣснь первая.

Собраніе боговъ. Афина ободряетъ Тилемаха.

Муза, богиня! Повѣдай превратности мужа.

Онъ много и долго скитался, какъ разрушилъ великій городъ троянь. Видѣлъ онъ сельбища многихъ народовъ, извѣдалъ ихъ разумъ, но много и горя вынесло сердце его на морѣ, когда онъ спасалъ свою душу и путь обратный товарищей. И все же не спасъ ихъ, какъ ни старался: погибли отъ своей же собственной преступности. Безумные! Ѥли быковъ верховнаго Гелія, бога! . . . А онъ отнялъ отъ нихъ день возвращенія. Богиня, дочь Зевса! объ этомъ повѣдай и намъ.

Уже всѣ, кто избѣжалъ страшной гибели, кто спасся отъ войны и отъ моря, всѣ были дома. Онъ одинъ былъ лишенъ и жены и возврата; а дивная властная дѣва, богиня Калипсо, держала его въ высокихъ пещерахъ: лелѣяла въ немъ властелина. Но когда годы прошли и еще лѣто минуло, богини судебъ направили ему — плыть домой, въ Итаку,

— гдѣ опять не избѣжать было подвиговъ, даже между своими.

20 Его всѣ боги жалѣли, кромѣ Посидона: тотъ упорно метилъ Одиссею богоравному, покуда онъ не ступилъ на свою землю. Но теперь Посидонъ ходилъ далеко, по Эѳіопамъ
25 (что дѣлятся на двое, самые крайніе люди: одни — гдѣ Гелій потонетъ, другіе — гдѣ взойдетъ), чтобы встрѣчать гека- томбы быковъ и барановъ. Тамъ онъ за пиромъ сидѣлъ, наслаждался, а прочіе боги, всѣ вмѣстѣ, были въ палатахъ Зевса, и къ нимъ началъ слово отецъ боговъ и людей. Вспомнилъ
30 онъ, въ сердцѣ своемъ, безупречнаго прежде Эгисѳа, котораго какъ разъ убилъ прославившійся сынъ Агамемнона, Орестъ. Эгисѳъ припомнился Зевсу, и онъ говорилъ безсмертнымъ:

— Да, да! Какъ это люди боговъ обвиняютъ! Отъ насъ, говорятъ, исходитъ худое, а они сами, сверхъ участи,
35 отъ своей же преступности бѣдствія терпятъ, какъ вотъ и Эгисѳъ: сверхъ участи, женился на сватанной женѣ Агамемнона, а его самого, какъ только онъ возвратился, убилъ; а зналъ страшную гибель, потому что мы напередъ говорили, когда посылали прозорливаго Ермія, вѣрнаго вѣстника: «жены
40 не сватать и самого не убивать, такъ какъ мщеніе наступитъ отъ сына, Ореста, когда выростетъ и затоскуетъ по своей землѣ». Такъ говорилъ Ермій, но не убѣдилъ сердца Эгисѳа, а доброе внушалъ. Теперь онъ за все заплатился.

Зевсу отвѣчала богиня Аѳина — свѣтлыя очи:

45 — Отецъ нашъ, сынъ Вѣчности, высокій властитель! Этотъ даже вполнѣ подлежащей подвергся гибели: пусть такъ и каждый погибнетъ, кто сдѣлаетъ такъ: но у меня сердце терзается по терпѣливомъ Одиссеѣ, несчастномъ, ко-
50 торый такъ долго томится вдали отъ своихъ, на островѣ, объятъ волнами, гдѣ середина морей. А островъ — лѣсистый, и тамъ богиня домою живетъ, дочь Атланта волшебника, который и бездны всѣ знаетъ морскія и держитъ

высокіе столбы, что держать и небо и землю. Его то дочь 55
не пускаетъ злосчастнаго, не смотритъ на слезы, а льстивымъ
и ласковымъ словомъ чаруетъ, чтобы Итаку забылъ; Одиссею
же хочется хотя бы въ туманѣ увидѣть родную Итаку, и
тогда онъ готовъ умереть. Неужели же этимъ не трогается 60
сердце твое, Олимпіецъ? Не тебѣ ли угождалъ онъ при
аргивскихъ судахъ приношеніемъ жертвъ подь Троей широкой?
Зевсъ! За что ты на него такъ озлобился?

Аѳинѣ отвѣчалъ Зевсъ, собирающій тучи:

— Дитя мое! Какое слово выбѣжало у тебя изъ ограда 65
зубовъ? Какъ мнѣ забыть Одиссея божественнаго! Умомъ онъ
слишкомъ стоитъ надъ смертными, и жертвъ слишкомъ воз-
далъ безсмертнымъ, владыкамъ неба широкаго: но на него
разгнѣвался Посидонъ земледержецъ, непримиримо, навсегда,
за циклона, котораго онъ глаза лишилъ, за Полифема бого- 70
равнаго. Сила того Полифема самая великая между цикло-
пами: родила его нимфа Ѳооса, Форкина дочь, владѣтеля водъ
безпредѣльныхъ, а сочеталась она съ Посидономъ въ пещерахъ
высокихъ. За это Посидонъ, потрясающій землю, не убиваетъ
Одиссея, но гонитъ прочь отъ земли родной . . . Такъ мы здѣсь 75
всѣ и подумаемъ о возвращеніи: какъ ему прибыть въ Итаку.
Посидонъ прекратитъ свою злобу: не станетъ одинъ враждо-
вать противъ всѣхъ безсмертныхъ боговъ, когда несогласны.

Зевсу сказала богиня Аѳина — свѣтлыя очи: 80

— Отецъ нашъ, сынъ Вѣчности, высокій властитель!
Если уже это угодно блаженнымъ богамъ — дабы Одиссей
терпѣливый въ свой домъ возвратился, то пошлемъ мы те-
перь же посланника, вѣрнаго вѣстника, Ермія, на островъ 85
Огигію; пусть скажетъ непреложную волю дѣвѣ съ пре-
красной косою о возвращеніи Одиссея многострадальнаго,
чтобы домой возвращался. А я въ Итаку пойду сына обо-
дрить и въ сердце его вложить мужество, чтобы созвалъ на 90
собраніе длинноволосыхъ ахеянъ и отказалъ женихамъ,

которые всегда тамъ кучами рѣжутъ овецъ и кривоногихъ отличныхъ быковъ. Затѣмъ пошлю его въ Пилосъ песчаный и въ Спарту: пусть распроситъ о возвращеніи милаго отца, — не услышитъ ли чего, да и самъ набирается добраго имени въ людяхъ.

Такъ сказала Аѳина, и къ ногамъ привязала прекрасную обувь нетлѣнную, всю золотую: та обувь носила ее и по влагѣ и по безпредѣльной землѣ, наравнѣ съ дуновеніемъ вѣтра; взяла и копье алчное, совершенное острою мѣдью, тяжелое, великое, мощное, которымъ она, какъ дочь родителя мощнаго, смиряетъ героевъ ряды, на коихъ прогнѣвается. Быстро спустилась съ вершинъ Олимпа и стала въ народѣ Итаки въ сѣняхъ Одисеева дома, на порогѣ во дворѣ, съ мѣднымъ копьемъ въ рукѣ, и приняла видъ гостя, Мента, предводителя тафіянъ. Тутъ же застала и жениховъ самовольныхъ: напротивъ дверей, сидѣли на шкурахъ быковъ, которыхъ сами зарѣзали, и тѣшили душу костями игральными. Вѣстники и слуги проворные въ чашахъ вино имъ мѣшали съ водою, мыли столы многодырявою губкою, разставляли, рѣзали разное мясо.

Первый увидѣлъ Аѳину Тилемахъ боговидный. Сидѣлъ онъ среди жениховъ съ опечаленнымъ сердцемъ, и видѣлъ въ мысляхъ отца благороднаго: какъ бы пришелъ онъ откуда и сдѣлалъ разгонъ жениховъ по домамъ, и самъ взялъ честь и господствовалъ въ собственномъ домѣ. Думая такъ, Тилемахъ сидѣлъ среди жениховъ, увидѣлъ Аѳину, и тотчасъ пошелъ въ сѣни, недовольный въ душѣ, что гость стоитъ долго въ дверяхъ. Подошелъ къ гостю, взялъ его правую руку, принялъ мѣдное копье и говорилъ крылатое слово:

— Здравствуй, гость. Ты будешь принять у насъ, а послѣ, откушавши, скажешь, что тебѣ нужно.

Такъ сказалъ и пошелъ впередъ, а Афина Паллада за нимъ, и когда вошли внутрь высокаго дома, Тилемахъ поставилъ копье, при высокомъ столбѣ въ точеную копейницу, гдѣ много стояло копьевъ Одиссея многострадальнаго, а Аэину подвелъ къ рѣзному, прекрасному креслу, ткань подстлалъ и усадилъ, — подъ ногами скамейка была, — а себѣ расписное придвинулъ стульце; но усадилъ подалеже отъ жениховъ, чтобы гость, смущенный шумомъ, не погнушался пищи, попавши къ такимъ, переросшимъ себя, а также дабы распросить о погибшемъ отцѣ. Прислужница воды принесла въ золотомъ прекрасномъ кувшинѣ, налила помыться надъ серебряной лоханью, и придвинула чищенный столикъ; а ключница почтенная хлѣбъ принесла, наложивши много съѣстнаго, угождая всемъ, что у ней находилось; кравчій принесъ имъ чашки разнаго мяса; поставилъ предъ ними и кубки золотые; вѣстникъ кругомъ обходилъ и часто вино наливалъ.

Вошли женихи самоправные и тотчасъ усѣлись въ рядъ по скамьямъ и по кресламъ. Вѣстники слили имъ на руки воду, рабыни хлѣбъ положили въ корзинахъ, а слуги чаши вѣнчали питьемъ, и они къ предложенной пищѣ готовой руки простерли. Когда же насытили желаніе ѣды и питья, сердце ихъ захотѣло иного — пѣсенъ и пляски, украшенія пира. Вѣстникъ кивару прекрасную въ руки далъ Фемію, который пѣлъ женихамъ по нуждѣ; онъ провелъ по струнамъ, и началъ прекрасную пѣсню. Тогда Тилемахъ наклонилъ близко голову, чтобы больше никто не слыхалъ, и сказалъ свѣтлоокой Афинѣ:

— Милый гость! Ты даже разсердишься на то, что я скажу? Ихъ вотъ что заботить: кивара да пѣсни; легко имъ, когда безъ отдачи чужую живность ѣдятъ, того человѣка, котораго бѣлыя кости, вѣрно, лежатъ гдѣ нибудь на землѣ и гніютъ подъ дождемъ, или въ морѣ ихъ катитъ волна. А еслибъ увидѣли, что онъ возвратился въ Итаку, то всякій

165 скорѣе молился бы быть побыстрѣе ногами, чѣмъ быть по-
богаче золотомъ, да платьями. Но теперь онъ погибъ злою
судьбою, и нѣтъ мнѣ отрады, даже когда проѣзжіе мнѣ
170 говорятъ, что онъ возвратится: пропалъ для него день воз-
врата . . . Скажи ты мнѣ вотъ что, и правду скажи: кто ты?
и откуда? гдѣ твой городъ и твои родители? на какомъ ты
плоту сюда прибылъ, и какъ тебя моряки въ Итаку везли?
какъ они себя величали? не думаю, чтобы ты пѣшіи при-
былъ въ Итаку. Скажи мнѣ также по истинѣ, чтобъ мнѣ
175 было извѣстно: вновь ли ты здѣсь или ты гость мой отцов-
скій? Многіе мужи знавали нашъ домъ, такъ какъ и онъ
съ людьми былъ общителенъ.

Тилемаху такъ отвѣчала богиня Аѳина — свѣтлыя очи:
— Расскажи тебѣ все подробно. Меня величаютъ —
180 Ментъ, Анхіала мудраго сынъ, и царствую я надъ тафія-
нами веселюлюбивыми. Теперь присталъ я сюда съ судномъ
и съ спутниками; плыву я морскими путями, виноцвѣтными,
по разнорѣчивымъ народамъ, въ Темесу за мѣдью, а везу
185 бурое желѣзо. Судно мое тамъ на полѣ, за городомъ, въ
пристанищѣ Риерѣ, подъ лѣсистою Неіей. А мы старые
гости съ отцомъ твоимъ, и если пойдешь когда къ старцу
герою Лаерту, то спросишь объ этомъ. Говорятъ, онъ больше
190 не ходитъ въ городъ, а бѣдствуетъ вдали тамъ, въ полѣ,
съ старой прислужницей: она, говорятъ, и пищу ему подаетъ
и питье, когда члены его усталость беретъ, какъ походить
по изгибамъ винограднаго сада. Теперь я прибылъ сюда,
195 такъ какъ слышалъ, что отецъ твой дома; но, видно, боги
его задержали въ пути. Конечно, божественный Одиссей не
умеръ: онъ живъ, но задержанъ въ морѣ широкомъ гдѣ
нибудь на островѣ, объятъ волнами, и тамъ его держатъ
200 дикіе, жестокіе люди, противъ воли, и не пускаютъ. Я скажу
тебѣ, какъ мнѣ безсмертные полагаютъ на душу и какъ, я
думаю, сбудется, хотя я не гадатель и въ птицахъ не свѣ-

дущь: не долго онъ будетъ вдали отъ родной земли, не долго, даже еслибъ его держали желѣзные цѣпи: придумаешь, какъ возвратиться: онъ слишкомъ находчивъ. А ты мнѣ вотъ что скажи и правдиво повѣдай: истинно ли ты такой уже сынъ Одиссея? Ты ужасно похожъ на него головой и глазами красивыми, — потому что мы часто видались другъ съ другомъ, пока не ушелъ онъ подъ Трою, куда пошли на глубокихъ судахъ лучшіе аргивяне; съ того времени и я не видалъ Одиссея, и онъ меня.

Разумный Тилемахъ отвѣчалъ:

— Гость! На это тебѣ я отвѣчу правдиво. Мать говоритъ, что я отъ него, а самъ я не знаю: никто не вѣдаетъ самъ своего рода. О, еслибъ я былъ сынъ такого счастливица, котораго и старость настагаетъ на своемъ, нажитомъ! а теперь, если былъ какой несчастнѣйшій въ свѣтѣ, то отъ него, говорятъ, и родился я, — если ты спрашиваешь.

Тилемаху отвѣчала богиня Аѳина — свѣтлыя очи:

— Такъ не безславнымъ и послѣ поставили боги родъ твой, когда тебя такого родила Пенелопа. Скажи мнѣ вотъ что и правду повѣдай: что здѣсь за пиръ? и что за собраніе? зачѣмъ тебѣ это? Свадьба какая или праздникъ? не складчина же это? Какъ они дерзко и явно глумливо пируютъ въ семь домъ! Еслибъ вошелъ челоуѣкъ разсудительный, онъ возмутился бы, при видѣ такого позора.

Разумный Тилемахъ отвѣчалъ Аѳинѣ:

— Гость! Когда уже такъ ты спрашиваешь и такъ соболѣзнуешь, то нѣкогда домъ этотъ былъ безпороченъ и полонъ обилія, когда еще мужъ тотъ былъ дома; нынѣ зломыслители боги пожелали иначе. Съ нимъ они сдѣлали, что онъ исчезъ, какъ ни одинъ челоуѣкъ; и не такъ я скорбѣлъ бы, еслибъ онъ умеръ, сраженный между своими, въ народѣ троянскомъ, или на рукахъ между милыми, по окончаніи войны; тогда бы ему всѣ ахеяне могилу насыпали; и сыну

оставилъ бы онъ нанослѣ великую славу. А теперь его
 безславно похитили гарпіи: пропалъ безъ вѣсти, безъ слуху,
 а мнѣ оставилъ слезы и горе. Но не о немъ одномъ только
 я плачу и мучусь: другую еще, злую бѣду послали мнѣ
 245 боги: всѣ, сколько есть именитыхъ правителей по островамъ
 — въ Дулихиі, въ Самѣ, въ лѣсистомъ Закиноѣ, и всѣ гла-
 вари на гористой Итакѣ, всѣ они сватаютъ мать мою и
 разоряютъ мой домъ. Она же и не отпирается отъ страшнаго
 250 брака, и не имѣетъ силы сдѣлать конецъ; а тѣ проѣдаютъ
 мой домъ и все истребляютъ; да скоро и меня самого ра-
 зорвутъ.

Негодуя, Паллада Аѳина сказала:

— Да; для тебя теперь очень нуженъ Одиссей, и его
 то нѣтъ, чтобы руки наложить на жениховъ безстыдныхъ.
 255 Еслибы онъ явился теперь и сталъ въ дверяхъ въ племѣ,
 со щитомъ, съ двумя копьями, какъ я видѣлъ его въ первый
 разъ въ нашемъ домѣ, веселаго, съ кубкомъ вина! — онъ
 возвращался тогда изъ Ефиры отъ Ила, Мермерова сына, —
 260 и туда ѣздилъ Одиссей на быстромъ суднѣ, когда разыски-
 валъ яда смертельнаго, чтобъ было чѣмъ мѣдныя стрѣлы
 намазывать; и тотъ ему не далъ — боялся боговъ вѣчно-
 сущихъ, а далъ мой отецъ, такъ какъ очень былъ друженъ.
 265 Еслибы тотъ Одиссей предсталъ передъ ними! всѣмъ бы былъ
 скорый конецъ и бракъ былъ бы горекъ. Но отомстить ли
 онъ, возвратившись въ свой домъ, или нѣтъ, это лежитъ на
 270 колѣняхъ боговъ, а тебѣ мой совѣтъ — подумать, какъ про-
 гнать жениховъ изъ двора. И вотъ, если хочешь, послушай
 и вдумайся въ то, что скажу. Завтра же созови на собраніе
 ахейскихъ старшинъ, и всѣмъ расскажи все дѣло, и боги
 да будутъ свидѣтели; и потребуй, дабы женихи разошлись
 275 по домамъ, а мать, если сердце желаетъ замужества, пусть
 возвращается въ домъ отца своего. У него силы большія:
 тамъ ей свадьбу устроить и приданное сготовить большое,

какому прилично слѣдовать за дочерью милою. Тебѣ же я твердо совѣтую вотъ что, если послушаешь: возьми ты корабль съ двадцатью гребцами, но самый лучшій, и съ нимъ отправляйся разыскивать пропавшаго такъ долго отца: можетъ быть, скажетъ смертный какой, а можетъ быть, слухъ какой услышишь отъ Зевса, наибольше дающій довѣрія людямъ. Сперва ступай въ Пилось и распроси Нестора дивнаго, оттуда въ Спарту къ Менелаю свѣтлорусому: онъ возвратился послѣдній изъ ахеянъ мѣднохитонныхъ. И если услышишь, что отецъ твой живъ и воротится, то потерпи еще годъ, хотя бы тебя обижали; если же услышишь, что умеръ и что его нѣтъ болѣе, тогда, возвратившись въ милую землю родную, могилу насыпь и почетомъ почти, очень большимъ, какъ прилично, а мать выдай замужъ. Когда это сдѣлаешь все и покончишь, тогда уже думай въ душѣ и въ сердцѣ, какъ убить жениховъ въ своемъ домѣ, явно или хитростью. Уже ты не можешь держать себя мальчикомъ: ты уже не такой. Или ты не поешь той пѣсни, какую славу у всѣхъ людей получилъ дивный Орестъ, убившій отцеубійцу, Эгисѳа измѣнника, что убилъ отца его славнаго. Такъ и ты, милый мой; я вижу: ты и хорошъ, и большой уже: будь смѣлымъ, чтобы и о тебѣ хорошо говорили тѣ, что послѣ будутъ. Теперь я пойду поскорѣе назадъ, къ судну и къ товарищамъ: навѣрное въ ожиданіи томятся. А ты уже самъ постарайся: вдумайся въ то, что сказалъ я.

Афинъ разумный Тилемахъ отвѣчалъ:

— Гость! ты такъ говоришь добролюбно, какъ будто къ сыну отецъ, и я никогда не забуду. Обожди же, хотя и торопишься: умоешься, милое сердце утѣшишь гостинцемъ и воротись къ судну съ радостью въ душѣ: гостинецъ честный, очень красивый тебѣ отъ меня драгоценностью будетъ, какъ это дается гостями для милыхъ гостей.

Тилемаху отвѣчала богиня — свѣтлыя очи:

315 — Нѣтъ, ты меня не задерживай: очень мнѣ хочется
 ѣхать; а гостинецъ, который внушаетъ тебѣ подарить твое
 милое сердце, дашь мнѣ, когда я назадъ возвращусь; тогда
 ты и выберешь очень красивый и тебѣ будетъ достойный
 обмѣна.

320 Такъ сказала Аѳина — свѣтлыя очи, и ушла, какъ птица
 съ глазъ улетаетъ. Но Тилемаху вложила въ душу отвагу
 и силу, и еще больше, чѣмъ прежде, напомнила объ отцѣ.
 Подумалъ онъ въ сердцѣ своемъ, и ужаснулся душою: онъ
 понималъ, что это былъ богъ! И прямо пошелъ къ женихамъ,
 уже какъ мужъ богоравный.

325 А имъ пѣлъ преславный пѣвецъ, и они молча сидѣли
 и слушали. Пѣлъ онъ печальный возвратъ ахеянъ изъ Трои,
 какой имъ назначила Аѳина Паллада. Чудную пѣсню за-
 слышала въ горницѣ Пенелона, дочь Икарія, премудрая; тот-
 330 часъ спустилась по лѣстницѣ высокой, и не одна, а съ нею
 шли двѣ прислужницы. Дивная женщина вошла къ жени-
 хамъ, и стала у столба крѣпко сдѣланнаго крова, закрывъ
 335 лицо бѣлымъ, блестящимъ покровомъ; прислужницы по сторо-
 намъ стояли. Въ слезахъ она говорила пѣвцу вдохновенному:

— Фемій! Ты знаешь много другихъ забавъ для людей
 — дѣяній боговъ и мужей, какія пѣвцы распѣваютъ. Изъ
 340 этихъ спой имъ любую, и пусть они за виномъ и слушаютъ,
 а эту грустную пѣсню оставь: она мнѣ сердце сжимаетъ:
 меня больше всѣхъ безутѣшное горе постигло. Я вспоми-
 наю и плачу по той головѣ, имя котораго велико и въ Ел-
 ладѣ, и въ далекомъ Аргосѣ.

345 Тилемахъ разумный сказалъ Пенелопѣ:

— Мать моя! Зачѣмъ не даешь ты любимцу-пѣвцу
 утѣшать, какъ душа его хочетъ? Не пѣвцы въ томъ винов-
 ны: виновейъ самъ Зевсъ, который смертнымъ людямъ по-

дасть, кому какъ хочеть. Не укорь и Фемію пѣть о печальной судьбѣ данаевъ: люди наибольше любятъ такія пѣсни, какія для слушателя всегда раздаются какъ новыя. Пусть стерпитъ сердце твое и душа это послушать; не одинъ Одиссей потерялъ день возврата: подь Троей много героевъ по- 355
гибло . . . А ты ступай въ свою комнату и занимайся своими работами: ткацкимъ станкомъ да пряжей, и указывай служанкамъ ходить за работою; а рѣчи дѣло насъ всѣхъ, наибольше мое: вотъ чья власть теперь въ домѣ!

Удивилась ему Пенелопа и ушла назадъ въ свою 360
горницу, умное слово сына сложила въ душѣ, и когда вошла въ горницу, вмѣстѣ съ служанками, плакала вновь по миломъ супругѣ, пока Афина — свѣтлыя очи послала ей сладкій сонъ на рѣсницы. Но женихи зашумѣли въ тем- 365
нѣвшихъ палатахъ, и всѣ пожелали тамже лечь вмѣстѣ. Тогда Тилемахъ разумный началъ къ нимъ слово:

— Женихи моей матери! сверхъ силы обиду наносите! . . .
Сегодня еще мы пируемъ и здѣсь наслаждаемся, но шума не должно быть: такъ нужно слушать такого пѣвца, какъ 370
этотъ, въ пѣсняхъ подобный богамъ: но завтра пойдемъ всѣ въ собранье и сядемъ, чтобы я вамъ сказалъ безвозвратное слово — оставить мой домъ. Ищите другихъ пировъ, про- 375
ѣдайте ваше добро, мѣняйтесь домами. Если же думаете, что такъ красивѣе и лучше — губить безотвѣтно добро одного человѣка, губите. Я призову боговъ вѣчносущихъ, не дасть ли Зевсъ, чтобы дѣла эти возданы были, чтобы и 380
вы безотвѣтно погибли въ вашихъ домахъ.

Такъ сказалъ Тилемахъ. У нихъ зубы и губы срослись; они удивлялись, что онъ говорилъ имъ такъ смѣло. Ему отвѣчалъ Антиной, сынъ Евпиѳа:

— Тилемахъ! должно быть, тебя сами боги учили быть такъ высокорѣчивымъ и говорить къ намъ такъ смѣло. Какъ 385

бы и въ самомъ дѣлѣ Зевсъ не поставилъ тебя царемъ надъ Итакой волнообъятой! она же твоя и по роду, отцовская.

Тилемахъ разумный отвѣчалъ Антиною:

— Антиной! Ты, вѣрно, разсердишься на то, что скажу.
 390 Да, я желалъ бы имѣть это, если дастъ Зевсъ. Или ты скажешь, что это особенно худо? Царствовать вовсе не есть что худое: скоро и домъ богатѣетъ, и самъ онъ честнѣе. Но есть много другихъ ахейскихъ царей въ Итакѣ волно-
 395 объятой, и новыхъ, и старыхъ: изъ нихъ ктонибудь пусть беретъ это, когда Одиссей божественный умеръ; но здѣсь уже я господинъ надъ нашимъ домомъ и надъ всеми слугами, какихъ Одиссей приобрѣлъ мнѣ божественный.

Евримахъ, сынъ Полива, сказалъ:

400 — Тилемахъ! Это еще лежитъ на колѣняхъ боговъ, кто изъ ахейцевъ будетъ царемъ Итаки волнообъятой. Владѣй своимъ имуществомъ и будь господинъ въ своемъ домѣ: такому сюда не придти чловѣку, который самовольно, силою, отстранилъ бы тебя отъ имуществъ твоихъ, — пока на
 405 Итакѣ люди живутъ. Но я хочу спросить тебя, милый мой, о гостѣ: кто онъ? откуда? изъ какой онъ земли величаетъ себя? гдѣ его родъ и отцовская нива? Не принесъ ли вѣсти какой о прїѣздѣ отца? или вольный своею нуждою
 410 онъ прибылъ въ Итаку? Какъ онъ такъ быстро исчезъ! не остался даже узнать. По лицу не похожъ на простого.

Тилемахъ разумный ему отвѣчалъ:

— Евримахъ! Возвращеніе отца моего погибло; уже я
 415 не вѣрю и вѣстямъ, какія приходятъ, не слушаю и тѣхъ гаданій, какія мать узнаетъ, приглашая гадателей. А это отцовскій мой гость изъ Тафа: себя величаетъ Ментомъ, сынъ Анхіала мудраго, царь веселюбивыхъ тафіянъ.

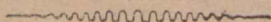
420 Такъ говорилъ Тилемахъ, но сердцемъ узналъ, что это богиня безсмертная.

А тѣ обратились къ пляскѣ и къ пѣснямъ веселымъ

и тѣшились: ждали, пока наступить вечеръ; и въ этомъ весельи засталъ ихъ и темный вечеръ, и тогда женихи пошли почивать, каждый въ свой домъ.

А Тилемахъ ушелъ, гдѣ ему былъ построенъ высокій покой на прекрасномъ дворѣ, на мѣстѣ открытомъ; туда на покой удалился, о многомъ тревожился въ сердцѣ. За нимъ свѣтильную горящую несла, всегда о немъ заботливая, Еврикля, дочь Опа, Писинорова сына, а купилъ ее еще Лаертъ, въ первой юности, богатствомъ своимъ, и далъ двадцать быковъ, и чтилъ ее въ домѣ равно, какъ супругу заботливую (Антиклею); но ложемъ не сообщался, и гнѣва жены избѣгалъ. Она то несла Тилемаху свѣтильную горящую, и любила его больше, чѣмъ всѣ прислужницы, она же кормила его, когда маленькимъ былъ. 425 430 435

Открылъ онъ двери покоя крѣпко сдѣланныя, сѣлъ на кровать, и снялъ съ себя мягкій хитонъ, и далъ его на руки усердной старухи. Она же сложила, разгладила и повѣсила на колокъ у кровати точеной и вышла, дверь притянула кольцомъ серебрянымъ, задвижку ремнемъ затянула. Тамъ Тилемахъ, укрывшись мягкой овчиной, всю ночь обдумывалъ въ сердцѣ тотъ путь, какой указала Аѳина. 440

ГИМНЫ.

1. Къ Аполлону.

Воспою, не забуду Аполлона далекаго.

Прѣдъ нимъ, когда входитъ въ домъ Зевса, и боги дрожать; а ближе подходитъ, съ сидѣній встають, какъ лукъ свой блестящій натянетъ. Литою одна остается при Зевсѣ молніе-радостномъ: тетиву опускаетъ, колчанъ закрываетъ; сама же съ мощныхъ плечъ снимаетъ лукъ и около отца на столбѣ вѣшаетъ на гвоздь золотой, а сына къ трону подводитъ. Отецъ тогда нектаръ ему подаетъ, кубкомъ златымъ чествуетъ милаго сына. Тогда то всѣ боги садятся, а гордая мать веселится, родивши такого могучаго носителя лука.

Радуйся, блаженная Литою, родившая славныхъ дѣтей — царя Аполлона и стрѣлорадостную Артемиду, сію въ Ортигій, того на скалистомъ Дилосѣ, склонившись на высокой горѣ, на холмѣ Кинѳіи, подъ пальмой, у теченья Инопа.

Какъ же воспою тебя, Фебъ, воспѣтаго всячески! Повсюду сложены тебѣ законы пѣсенъ, и на сушѣ, гдѣ ходятъ стада, и на островахъ. Тебѣ поютъ и скалы, и горы высокія, и холмы крутые, и рѣчки, текущія въ соли, и утесы, припавшіе къ соли, и пристани морскія. Какже родила тебя Литою, на радость смертнымъ, склонившись на Кинѳской горѣ,

5

10

15

20

25

на скалистомъ островѣ Дилосѣ волнообъятомъ? Тамъ темныя волны отвсюду на берегъ лились при тихомъ дыханіи вѣтровъ. Тамъ ты воспрянулъ и царствуешь надъ смертными.

30 Твой всѣ, что въ Критѣ, твой и аѳинскій народъ; твой островъ Эгина и славная кораблями Еввія, твой Эги, и Ирессіи, и приморскій Пепариѳъ, и Фракійскій Аѳосъ, и вы-
35 соты Пилія, и Фракійскій Самосъ, туманныя горы Иды, и Скиросъ, и Фокея, и высокая гора Автоканы, и благоданный Имвросъ, и недоступный Лимносъ, и Лесвосъ веселый, и сѣдалище Макара Эоліона, и Хиосъ, тучнѣйшій изъ всѣхъ
40 острововъ, и холмистый Мимантъ, и высокія главы Корики, и Кларосъ блестящій, и высокая гора Эсагей, и Самосъ многоводный, и высоты Микалы, и Милеть, и Косъ, городъ
45 человѣковъ-мероповъ, и Книдосъ утесистый, и Карпаѳъ вѣтристый, и Наксосъ, и Паросъ, и Риней скалистая. Столько обходила въ мукахъ Литоя, не дастъ ли какая земля пріюта для сына. Но всѣ ужасались: ни одна, и тучнѣйшая, не дерзнула Феба принять, пока, наконецъ, къ Дилосу прибыла
50 почтенная Литоя, его спросила, крылатое слово сказала:

— Дилосъ! не согласишься ли быть пріютомъ для сына моего Феба Аполлона и тучный поставить храмъ? Другой никто на тебя не посмотритъ, тебя не почититъ; ни быковъ, ни овецъ,
55 я знаю, имѣть ты не будешь; и гроздій не дашь, ни другихъ какихъ либо плодовъ. Но если на небѣ будетъ храмъ Аполлона, всѣ люди будутъ сюда привозить гекатомбы, собираться здѣсь стануть. И жертвенный копотъ безмѣрный навѣки
пребудеть, если долго царя упасешь; и боги тебя защитятъ
60 отъ чужой руки. Въ своей землѣ тука ты не имѣешь.

Такъ говорила Литоя. Радовался Дилосъ и такъ говорилъ отвѣчая:

— Литоя, славнѣйшая дочь великаго Кея! Съ восторгомъ принялъ бы рожденіе далекаго царя, — подлинно, имя
65 худое обо мнѣ въ человѣкахъ: такъ я былъ бы на вѣки

прославленъ: но я боюсь, и отъ тебя то не скрою: говорятъ, онъ будетъ слишкомъ дерзновенный, съ великою властью надъ безсмертными и надъ смертными по живодарной землѣ. 70
 Очень страшусь я въ душѣ и въ сердцѣ, дабы онъ, какъ только увидитъ свѣтъ солнца, не взглянулъ съ презрѣньемъ на островъ скалистый: не толкнулъ бы ногой и не кинулъ бы въ бездны морскія, и тамъ волны на вѣки меня поглотятъ. Онъ пойдетъ въ другую землю, какая будетъ угодна, 75
 создастъ себѣ храмъ и рощи тѣнистыя: на мнѣ же полипы да черные тюлени жилища устроятъ: на мнѣ безпризорномъ человѣка не будетъ. Да, если ты, богиня, рѣшишься поклясться великой клятвой, что онъ первый поставитъ здѣсь 80
 себѣ храмъ — прорицалище человѣкамъ, а послѣ и по всѣмъ людямъ, такъ какъ онъ многоименный.

Такъ говорилъ Дилосъ, и Литоя клялась великой клятвой боговъ:

— Да вѣдаетъ земля и широкое небо и вѣчнотекущія 85
 воды Стикса, величайшая и страшнѣйшая клятва блаженныхъ боговъ: истинно на вѣки пребудетъ здѣсь курящійся жертвенникъ и удѣлъ Феба, и почитать онъ тебя превыше всѣхъ.

Когда Литоя поклялась и окончила клятву, Дилосъ весьма 90
 радовался рожденію далекаго царя.

Литоя девять дней и девять ночей мучилась тяжкими болями. Всѣ высшія богини тутъ были: Діона, Рея, Ихнея, 95
 Фемида, могучая Амфитрита, и прочія безсмертныя, кромѣ бѣлорукой Геры: сидѣла она въ палатахъ Зевса собирателя тучъ. Одна лишь Илиѳія, родовъ помощница, не знала, и по замысламъ Геры бѣлорукой, сидѣла на высокомъ Олимпѣ въ золотыхъ облакахъ: Гера нарочно держала ее на то время, 100
 когда Литоя имѣла родить сильнаго именитаго сына. И богини Ириду послали привести Илиѳію, обѣщавъ большое ожерелье, на золотыхъ ниткахъ въ девять локтей, велѣли отозвать въ 105

сторону отъ бѣлорукой Геры, дабы не задержала своимъ разговоромъ.

110 Выслушавъ это, вѣтроногая быстрая Ирида, бѣгомъ побѣжала и скоро совершила весь путь. Достигнувъ жилища боговъ, высокаго Олимпа, тотчасъ вызвала Илию изъ чер-
115 тоговъ за двери, говорила крылатыя слова и все, какъ приказали богини, сказала. Тронулось милое сердце въ груди Илии, и онѣ посѣщили подобно робкимъ голубкамъ. Когда же Илия, родовъ помощница, на островъ вступила, начались роды, томленіе родильницы. Литоя обняла пальму руками, колѣнами стала на мягкую траву, земля улыбнулась, и выскочилъ онъ на свѣтъ. Богини воскликнули.

120 Тогда тебя, Фебъ стрѣлецъ, богини омыли прекрасной водой, свято и чисто, повили повоемъ, бѣлымъ тонкимъ полотномъ и обвязали золотою тесьмою. И не мать покормила златоструннаго Аполлона: Фемида нектаръ и нѣжную амброзію
125 своими безсмертными руками ему предложила, а Литоя радовалась, что родила луконоснаго сильнаго сына.

Когда же ты, Фебъ, отвѣдалъ безсмертнаго яства, не сдержали твоего дыханія золотыя тесьмы, не устояли узлы:
130 концы распустились. И молвилъ къ богинямъ Фебъ Аполлонъ:

— Кивара мнѣ мила да луки тугіе! а людямъ буду изрекать непреложную волю Зевса.

135 Такъ сказалъ и пошелъ по землѣ широко пространной Аполлонъ, нестригущій волосъ, далекоразящій. Богини все удивились. Золотомъ весь островъ отяжелѣлъ, увидѣвшій рожденіе Зевса и Литои, радостный, что богъ избралъ его одного въ жилище изъ всѣхъ острововъ и земель и сердцемъ возлюбилъ; и Дилосъ процвѣлъ, какъ вершина горы съ цвѣ-
тущими деревьями.

140 Самъ же ты, царь сребролукій, восходишь на Кинѳ скалистый, нисходишь и на острова, и къ людямъ. Много у тебя и храмовъ, и рощъ тѣнистыхъ, много угодныхъ уте-

совъ и холмовъ высокихъ горъ и рѣкъ, текущихъ въ соли. 145
 Но Дилосъ наиболѣе тѣшитъ твое сердце. Тамъ для тебя
 собираются іаоны, въ длинныхъ хитонахъ, съ дѣтьми и
 стыдливыми супругами, и пляской, пѣньемъ и боемъ кулач-
 нымъ тебя улаждаютъ въ уставленныхъ играхъ. Безсмертны 150
 и старости чужды собравшіеся іаоны, — такъ всякій ска-
 жетъ, кто тамъ побываетъ. Вездѣ онъ увидитъ пріятство, на-
 тѣшится сердцемъ, предъ этими мужами, краснопоясанными же-
 нами, предъ быстрыми судами и предъ множествомъ богатствъ,
 наибольше же предъ этимъ дивомъ великимъ, коего слава ни- 155
 когда не погибнетъ, предъ дѣвами Дилосскими, слугами далеко-
 разящаго. Онѣ величаютъ сперва Аполлона, затѣмъ поми-
 наютъ Литою и стрѣлорадостную Артемиду: поютъ величанія 160
 отъ древнихъ женъ и мужей, и чаруютъ племена человѣковъ.
 Знаютъ подражать голосу и бренчанью всѣхъ человѣковъ:
 каждый думаетъ, что и самъ поетъ. Такъ чудно сладилось
 ихъ пѣніе.

Да будетъ же милостивъ Аполлонъ съ Артемидой! Ра- 165
 дуйтесь и вы, всѣ богини; меня же и послѣ помяните.
 Когда приплещъ терпѣливый васъ спроситъ: «дѣвы, кто здѣсь
 сладчайшій пѣвецъ и кто васъ наибольше восхищаетъ», вы 170
 такъ отвѣчайте ему благосклонно: «Слѣпецъ изъ Хіоса ска-
 листаго: его то прекрасныя пѣсни». Мы же славу о васъ
 разнесемъ по всей землѣ, по всѣмъ городамъ благодуш- 175
 нымъ, гдѣ только будемъ вращаться. И всѣ намъ по-
 вѣрятъ, ибо такъ это и есть.

Но я не престану величать Аполлона далекаго сребро-
 лукаго, сына прекрасной Литои.

О царь! Ты держишь Ликею, милую Меонію и желанный 180
 приморскій Милеть, но мощь твоей власти въ Дилосѣ волно-
 объятюмъ. Идетъ онъ, сынъ славной Литои, въ гористую
 Пино, и поетъ подъ звучную формингу; на немъ нетлѣнныя

185 платья душистыя; а Форминга поеть подь золотой костью —
желаніемъ томить.

Оттуда онъ отъ земли идетъ на Олимпъ, какъ мысль;
приходить въ домъ Зевса, въ собранье боговъ, и безсмертныя
просятъ Форминги и пѣсенъ. Тутъ музы, согласныя голо-
190 сомъ чуднымъ, воспѣваютьъ божьи дары человѣкамъ и горе
людское, на сколько они подь безсмертными богами, имѣя
дары, живутъ недоумно и беспомощно, не могутъ найти
врачевства отъ смерти, защиты отъ старости. Прекрасныя
195 Хариты, веселыя Оры, Гармонія, Юность, и дочь Зевса Афр-
дита, въ пляскѣ кружатся, другъ дружку за руки держать.
Съ ними поеть и не простая, не обычная, но высокая, съ
лицомъ восхищающимъ, Артемида, единокровная сестра Апол-
лону. Въ серединѣ Арей и вѣстникъ правдивый аргифонтъ
200 Ермій боговъ веселятъ.

А Фебъ Аполлонъ въ пляскѣ поеть подь Формингу, дивно
высоко заходить. Онъ свѣтель восторгомъ; видны лишь взмахи
ногъ и легкихъ одеждъ. Боги взирають, и великій ихъ духъ
205 въ восхищеньи, и съ ними златокудрая Литоя и Зевсъ про-
мыслитель, при видѣ игръ сына въ сонмѣ безсмертныхъ.

Какже тебя воспую, всячески всеми воспѣтаго? Или
прославлю тебя въ женихахъ и въ любви, какъ ты ходилъ
210 — чествовалъ дѣву Азаниду вмѣстѣ съ богоравнымъ Исхіемъ,
конеборцемъ Елатіонидомъ, или съ Форвантомъ, рожденьемъ
Тріона, или съ Ерехеемъ, или съ Левкипомъ и супругой
Левкиппа, самъ пѣшій, а тотъ съ конями, когда и Тріонъ
215 находился между вами? Или прославлю, какъ ты исгалъ
прорицалища перваго для человѣковъ, обходилъ землю, Апол-
лонъ дальновержецъ?

Въ Піерію первую сошелъ ты, съ Олимпа, Лектъ по-
сѣтилъ, Имаѳію, Эніаны, Перревовъ; скоро достигъ Іаолка и
220 вступилъ въ Кеней на мореходной Еввіи. Сталъ ты на полѣ
Лилантѣ, но душѣ твоей не было угодно имѣть тамъ храмъ

и тѣнистую рощу, ты перешелъ Еврипъ, взошелъ въ зелень священной горы, но скоро отъ нея отошелъ въ Микалисъ и Тевмисъ травянистый и прибылъ къ подножію Ѡивы, одѣтому лѣсомъ. Тамъ еще не селился смертный въ священной Ѡивѣ, не было тамъ ни путей, ни тропинокъ по пшеничнымъ нивамъ Ѡивы: лѣсъ покрывалъ. 225

Оттуда ты дальше шелъ, Аполлонъ далекоразящій, и посѣтилъ Онхистъ, Посидонову славную рощу. Тамъ недавно укрощенный конь, дышущій гнѣвомъ, везетъ колесницу прекрасную; возница, хотя искуеный, сходить съ колесницы, по землѣ идетъ. Возницы для виду потрясаютъ возжами, править бросаютъ; и когда колесница везется по рощѣ тѣнистой, тамъ коней угощаютъ, а колесницу ставятъ, къ храму прислонивши. Такъ изстари освящено. Сами молятся царю Посидону, а колесницу божья участь блюдетъ. 230 235

Оттуда ты дальше шелъ, Аполлонъ далекоразящій, достигалъ прекрасныхъ теченій Кифиса, что изъ Лилеи источаетъ прекрасныя воды. Пройдя Кифисъ и многопшеничную Окалею, ты приходилъ въ Алиартъ травянистый, и достигъ Телфусы. Здѣсь тебѣ чистое мѣсто представилось храмъ создать и рощу тѣнистую. Сталъ ты предъ нею и молвилъ слово: 240 245

— Телфуса! Здѣсь мысля я храмъ создать — прорицалище чловѣкамъ. Они будутъ сюда приходять вопрошать и вѣчно будутъ возить совершенныя гекатомбы и изъ тучныхъ странъ Пелопоннеса, и изъ Европы, и изъ острововъ, окруженныхъ водами. Я же буду вѣщать имъ непреложную волю боговъ, прорицать въ тучномъ храмѣ. 250

Такъ сказалъ Аполлонъ, и положилъ основы широкія, длинныя, многія въ рядъ. Телфуса, увидѣвъ, прогнѣвалася сердцемъ, сказала: 255

— Фебъ, царь далекоразящій! Нѣкое слово положу тебѣ въ сердце. Если ты мыслишь здѣсь создать себѣ прекрасный

260 храмъ — прорицалище человѣковъ, которые будутъ возить
 совершенныя гекатомбы, то я вотъ что скажу, и ты положи
 себѣ въ сердце: раздосадуешь тебя топотъ быстрыхъ коней
 и приносишь воды мулами изъ моихъ истоковъ. Тогда иной
 265 предпочтетъ смотрѣть колесницы красивыя да топотъ коней
 быстроногихъ, чѣмъ храмъ твой великій и его многіе клады.
 И если меня ты послушаешь, — ты могучъ и славенъ, и
 сила твоя величайшая, — въ Крисѣ создай, у подножья
 270 Парнаса. Не кружиться тамъ колесницамъ, не бывать и то-
 поту коней быстроногихъ вокругъ доброданнаго жертвенника:
 и все же тебѣ, побѣдителю, дары привезутъ славныя пле-
 мена человѣковъ, и ты съ восторженнымъ сердцемъ примешь
 отличныя жертвы окружныхъ человѣковъ.

275 Такъ говорила Телфуса, и склонила помыслы Феба, дабы
 ей одной была слава на землѣ, не Аполлону.

Оттуда ты дальше шель, далекоразящій, и достигъ го-
 рода обидчиковъ флегіевъ, что Зевса не чтутъ, а живутъ въ
 красивыхъ долахъ при озерѣ Кифисскомъ. Оттуда, стреми-
 280 тельно, дальше пошелъ ты по горной вершинѣ и прибылъ
 въ Криеу подъ снѣжнымъ Парнасомъ, къ сторонѣ, обрачен-
 ной къ Зефиру, гдѣ скалы нависли; подъ ними лоцина хол-
 285 мистая. Тамъ-то царь Аполлонъ указалъ создать себѣ же-
 ланный храмъ и молвилъ слово:

— Здѣсь я замыслилъ быть храму прекрасному, про-
 рицалищу человѣкамъ. Сюда они будутъ ходить вопрошать
 290 и вѣчно возить мнѣ совершенныя гекатомбы, и тѣ что жи-
 вутъ въ тучныхъ земляхъ Пелопоннеса, и тѣ что въ Европѣ,
 и тѣ что по островамъ волнообъятымъ. Я же буду вѣщать
 имъ непреложную волю боговъ, проричать въ тучномъ храмѣ.

295 Такъ сказалъ Фебъ Аполлонъ; и положилъ основы ши-
 рокія, длинныя, многія въ рядъ; на нихъ сыны Ергина, Тро-
 фоній и Агамидъ, други безсмертныхъ боговъ, ставили ка-
 менную святыню; и кругомъ, въ тесанныхъ камняхъ, не-

сказанныя племена человѣковъ селились, да будетъ храмъ
воспѣваемъ во вѣки.

Тамъ же источникъ прекрасный, гдѣ царь Аполлонъ, сынъ 300
Зевса, дракену убилъ, изъ мощнаго лука, громадную, тучную,
свирѣпую. Много бѣдъ причинила она человѣкамъ, и имъ
самимъ и тихоходящимъ стадамъ, багровая пагуба. Нѣкогда 305
приняла отъ златотронной Геры страшилище, Тифону, пагубу
смертнымъ, что Гера родила въ гнѣвъ на Зевса, когда онъ
изъ своей головы породилъ славную Аѳину. Прогнѣвалась
Гера царица и такъ говорила въ собраньи безсмертныхъ: 310

— Слушайте всѣ вы, боги, и всѣ вы, богини, какъ
меня Зевсъ первый не чтить, оскорбляетъ тучегонитель. Су-
пругой едѣлалъ меня, почетъ сознающей, и самъ безъ меня
породилъ свѣтлоокую Аѳину, отличную предъ всѣми блажен- 315
ными безсмертными. Когда родился сынъ мой Ифестъ, сла-
бый, съ кривыми ногами, сама я вонъ его кинула, бросила
въ море широкое. Его приняла дочь Нирея, среброногая
Фетида, и съ своими сестрами выростила. Лучше-бъ инымъ 320
чѣмъ угодила блаженнымъ богамъ.

Упрямый, коварный! Что ты еще придумаешь? Какъ
ты дерзнулъ самъ породить свѣтлоокую Аѳину? Развѣ я не
родила бы? Твоей же была названа я между безсмертными, 325
что небомъ широкимъ владѣють. Такъ теперь я сама при-
думаю, дабы у меня былъ мой сынъ, и надъ богами без-
смертными возвышался; не оскверню твоего ложа, ни своего;
и въ почивальнѣ не буду, а вдали отъ тебя, между богами 330
безсмертными.

Такъ сказала Гера, и гнѣвная прочь отошла отъ боговъ.
Тогда молилась волоокая почтенная Гера; ладонью ударила
долу и молвила слово:

— Внимайте нынѣ, Земля и Небо широкое, и вы боги
Титаны, живущіе долу, въ тартарѣ великомъ, отъ коихъ 335
и люди, и боги. Нынѣ всѣ вы услышите меня и дайте

мнѣ сына безъ Зевса, силой ничѣмъ не слабѣе его. Самъ онъ пусть будетъ выше, насколько онъ сынъ Крона.

340 Такъ сказала; и ударила долу рукою крѣпкою. Взволновалась земля живоносная; и Гера веселилась душою: видѣла, что сбудется. И тогда цѣлый годъ не была въ почивальнѣ Зевса, ни въ собраньяхъ на тронѣ многохудожномъ, гдѣ
345 прежде съ Зевсомъ возсѣдала, совѣщаясь совѣтами мудрыми. Пребывала въ храмахъ молитвенныхъ, улаждалась жертвами волоокая почтенная Гера.

350 Когда же мѣсяцы и дни совершились, годъ опять возвратился, и Оры пришли, Гера родила и богамъ неподобное, и смертнымъ: страшную, свирѣпую пагубу смертнымъ, Тифону.

Приняла Гера Тифону, унесла и зло умножила зломъ,
355 а та приняла. Много бѣдъ причинила Тифона славнымъ племенамъ челоуѣковъ: кто только встрѣчался, настигалъ того день смертный. Такъ было, покуда далекоразящій царь Аполлонъ пустилъ на Тифону стрѣлу крѣпкую. И мучимая болями тяжкими пала Тифона издыхая, извиваясь на мѣстѣ.
360 Близки безсмертные, несказанные были. А Тифона въ лѣсу, на мѣстѣ, часто металась и сюда и сюда; и испустила духъ, въ крови издыхая. И Фебъ Аполлонъ воскликнулъ:

— Здѣсь и сгніешь на землѣ плодоносной. Не будешь
365 больше злою погибелью для смертныхъ, что ѣдятъ плодъ земли многопшеничной, и что будутъ сюда привозить совершенныя гекатомбы; отъ смерти тяжелой не поможетъ тебѣ ни Тифой, ни Химера проклятая. Тутже сгноить тебя черная земля да Геліосъ неустанный.

370 Такъ говорилъ Аполлонъ величаясь, и тьма покрыла очи Тифоны. Могучая сила Геліоса тамже изсушила Тифону, откуда названіе Писо, и Аполлона именуютъ Писоійскимъ, такъ какъ тамъ изушила (писе) чудовище сила острая солнца.
375 И тутъ позналъ въ своемъ сердцѣ Фебъ Аполлонъ, почему обманулъ его источникъ прекрасотекущій. Пошелъ онъ гнѣ-

внѣй къ Телфусѣ и скоро достигъ; сталъ близъ нея и молвилъ слово:

— Телфуса, не подобало тебѣ, обманывая умъ мой и имѣя любезное мѣсто, изливать здѣсь прекрасно текущія воды. 380
Здѣсь и моя будетъ слава, не только твоя.

Сказалъ и громаду надвинулъ на каменное теченье и покрылъ истоки, и въ рошѣ тѣнистой жертвенникъ сдѣлалъ при самомъ источникѣ прекраснотекущемъ. Тамъ всё молятся Аполлону, именуя его Телфускимъ, какъ устыдившаго истоки священной Телфусы. 385

И тогда думалъ въ душѣ Фебъ Аполлонъ, какихъ челоуковъ поставить жрецами, дабы служили ему въ каменной Пиѳо. 390

Въ мысляхъ объ этомъ, увидѣлъ онъ въ морѣ лазурномъ быстрый корабль, а на немъ было много мужей доблестныхъ — Критянъ изъ Кноса Миносова: они-то царю жертвы совершаютъ и объявляютъ уставы Феба Аполлона златолучнаго, какъ онъ вѣщаетъ изъ лавра въ долинахъ Парнаса. Они за куплей и корыстью плыли въ Пилосъ песчаный и къ пилосскимъ людямъ. Къ нимъ на встрѣчу пошелъ Фебъ Аполлонъ, на море спустилъ и, уподобившись видомъ 400
делфину, палъ на корабль чудищемъ страшнымъ. Изъ тѣхъ никто не догадался и не помыслилъ; метались они, хватались за корабельныя снасти; и молча въ страхъ сидѣли. Не спустили паруса, не поворочивали корму, но какъ раньше натянули ремни, такъ и плыли. Сзади ихъ гналъ свѣжій Нотъ, и сперва миновали они Малею, затѣмъ Лакопскую землю, 410
Елосъ приморскій и прибыли въ Тенаръ веселящаго смертныхъ Геліоса, гдѣ вѣчно пасутся его стада густошерстыя на сладостныхъ имъ мѣстахъ. Здѣсь ихъ желаніе было — корабль удержать, выйти самимъ и о дивѣ великомъ подумать, очами увидѣть: будетъ ли чудище также и впредь на 415

помостъ лежать корабельномъ или кинется къ рыбамъ въ волны морскія.

Но доброснастный корабль правіла не слушался, и
 420 прочь отъ Лаконской тучной земли устремился, дуновеньемъ
 царя Аполлона водимый. Продолжая свой путь, корабль про-
 ходилъ Арику, пріятную Аргифею, Өрію, переправу Алфея,
 425 доброданную Эпи, Пилось песчаный, пилійскіе роды чело-
 вѣковъ, прошелъ мимо Крунъ, Халкиды, Димы, священную
 Илиду, гдѣ мощно властвуютъ епей: когда же къ Ферамъ
 корабль подбѣгалъ, утѣшаясь вѣтромъ попутнымъ, предъ ними
 430 изъ облаковъ показалась высокая гора Итаки, а дальше Дули-
 хія, Сама, лѣсистый Закинѣъ. Такъ корабль обошелъ весь
 островъ Пелопса, и предъ ними открылось нообъятное лоно
 Крисы, что отбѣняетъ тучный островъ Пелопса. По волѣ
 Зевса, явился великій вѣтеръ, утренній, сильно шумящій, изъ
 435 эфира, дабы корабль быстро пробѣжалъ соленія воды мор-
 скія. Отсюда поплыли назадъ, къ востоку и къ солнцу, а
 велъ ихъ сынъ Зевса царь Аполлонъ; прибыли въ пристань
 веселой виноградной Крисы, и корабль сталъ на песокъ.

Здѣсь сошелъ съ корабля царь Аполлонъ далекоразящій,
 звѣздѣ подобный среди дня: отъ него многія искры летѣли,
 а сіянье доходило до неба; чрезъ драгоцѣнные треноги онъ
 скрылся въ святилище. Тамъ, потрясая стрѣлами, онъ пла-
 445 мень зажегъ, и сіянье объяло всю Крису. Векрикнули су-
 пруги крисейцевъ, ихъ дочери краснопоясные, отъ порыва
 Фебова: всѣ были въ ужасѣ.

Тогда Аполлонъ на корабль, какъ мысль, полетѣлъ, упо-
 450 добившись молодому крѣпкому мужу, первоцвѣтущему, рас-
 путивъ кудри по широкимъ плечамъ. И молвилъ къ кора-
 бельщикамъ слово крылатое:

— Гости, кто вы такіе? откуда плывете по влажнымъ
 путямъ? за куплей или просто гуляете, какъ добычники, что
 455 по морю гуляютъ, души свои подставляютъ, чужимъ зло

нанося? что такъ сидите безмолвные, на землю не сходите, корабельныя снасти скидывать не хотите? Обычно мужамъ промысловымъ, изнуреннымъ трудами, какъ только причалить къ землѣ, желаніе въ сердцѣ имѣть сладостной пищи. 460

Такъ говорилъ Аполлонъ и положилъ имъ мужество въ сердце. И Критскій вождь отвѣчалъ: — Гость, не похожъ ты на смертнаго ни ростомъ, ни видомъ, а на бога безсмертнаго. Радуйся и благоденствуй; да дадутъ тебѣ боги благое. 465
Мнѣ же скажи ты правдиво, да вѣдаю: какой здѣсь народъ? какая земля? какіе здѣсь люди? Иное мы мыслили, плывя по пучинамъ: плыли мы въ Пилось, изъ Крита, откуда и родомъ гордимся. 470
Нынѣ пришли мы сюда не по волѣ: обратно желаемъ, иного пути, по другой дорогѣ. Какой то безсмертный привелъ насъ сюда противъ воли.

Царь Аполлонъ отвѣчалъ: 475

— Гости! Жили вы въ Кносѣ многодревесномъ, но больше вамъ не вернуться въ свои города и дома къ милымъ супругамъ. 480
Здѣсь вы будете жить въ моемъ тучномъ храмѣ, чтимые всѣми людьми. Я — Аполлонъ, сынъ Зевса; я привелъ васъ сюда по безднамъ морскимъ, не мыслилъ худое, но дабы здѣсь вы жили въ моемъ тучномъ храмѣ, да будетъ онъ честенъ всѣмъ чловѣкамъ: узнаете волю безсмертныхъ, и милостью ихъ будете чтимы всѣ дни непрерывно во вѣки. 485
Нынѣ, какъ я скажу, повинуйтесь.

Вѣтрила сложите, кожи развяжите; быстрый корабль на берегъ втащите, а снасти и всю кладь уберите. На мысѣ 490
обрывѣ сдѣлайте жертвенникъ, зажгите огонь, посыпьте бѣлой мукою и, обступивъ жертвенникъ, молитесь. Я тамъ, впервые, на морѣ лазурномъ, подобный делфину, вскочилъ на корабль: мнѣ же теперь и молитесь, Делфинію; и жертвенникъ 495
да будетъ во вѣки «Делфійскій», всѣмъ зримый.

Послѣ вечеряйте тутъ же, при кораблѣ, и возлейте блаженнымъ богамъ, что живутъ на Олимпѣ; когда же насыти-

500 тесь въ волю сладкой ѣдою, ступайте со мною и пойте пеанъ,
покуда достигнете мѣста, гдѣ будетъ тучный мой храмъ.

Такъ говорилъ Аполлонъ. Корабельщики богу внимали
и покорились. Сложили вѣтрила, развязали кожи, мачту въ
505 влагалище спустили канатами, и сами на берегъ вышли;
втацили на берегъ корабль быстроходный высоко на песокъ,
подложили большія подпоры и едѣлали жертвенникъ на мысѣ
510 обрывѣ. Огонь зажигали, насыпали бѣлой мукой, и стали
молиться, какъ царь повелѣлъ: обступивши.

Потомъ приступили къ вечерѣ при кораблѣ и возлики
блаженнымъ богамъ, что живутъ на Олимпѣ. Когда же на-
сытились въ волю питьемъ и ѣдою, встали и шли, впереди
515 сынъ Зевса, царь Аполлонъ, съ формингой въ рукахъ: дивно
онъ пѣлъ подъ формингу: высоко заходилъ и прекрасно.
Критяне шли за нимъ слѣдомъ въ Пиео, ударяли ногами и
критскіе пѣли пеаны, какіе имъ Муза въ сердце вложила
520 для сладостныхъ звуковъ. Неусталые, на холмъ всѣ взошли
и скоро достигли Парнаса и мѣста прекраснаго, гдѣ обитать
имъ судьба, да будутъ чтимы всѣми людьми.

Здѣсь Аполлонъ указалъ имъ землю и тучный храмъ.
525 Смутилось ихъ милое сердце въ груди, и Критскій вождь
вопросилъ:

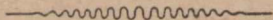
— О царь! когда ты завелъ насъ вдаль отъ отчей
земли и отъ милыхъ, — вѣрно, твоему такъ сердцу угодно,
— повѣдай, какъ намъ здѣсь жить? Сторона та, хотя и
530 прекрасная, винограда не родить, луговъ не имѣть. Какъ
же намъ жить и съ людьми обращаться?

Усмѣхнулся сынъ Зевса и молвилъ:

— О, бѣдныя, жалкіе люди! заботы у васъ на умѣ да
труды, да печали. Легкое слово скажу, положу вамъ на
535 сердце: каждый изъ васъ будетъ имѣть въ десницѣ ножъ и
рѣзать барановъ: всего въ избилыи прибудеть: всего на-
везутъ племена челоувѣковъ. Вы же блюдите мой храмъ,

принимайте стеченья племень чловѣковъ, волю мою совер- 540
шайте. Если же суетное слово или дѣло окажется или обида,
какъ обычно то смертнымъ, иные повелителями вашими бу-
дутъ, имъ принужденно будете рабствовать вѣчно. Все ска-
зано; сохрани это въ сердцѣ.

Радуйся, сынъ Зевса и Литои! Я же запомню величанье 545
твое и иное.

Изданія журнала „Гимназія“

Ф. Экштейнъ.

Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ

перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Лат. преподаваніе. А. *Исторія.* Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. Исторія преподаванія въ гимназіяхъ. — Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика.

Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы.

Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. А. *Исторія.* Преп—ніе со времени реформациі. Б. *Методъ.* Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Писъм. работы. Ц. 3 р.

К. Негельсбахъ. Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

Г. Бржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго** (нѣтъ въ продажѣ).

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. **С. Шаровой,** подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Ислѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ.

Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ.

Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Сентиміи Северѣ. — *Мелкія статьи.* — Ц. 3 р.

V. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА. ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Цѣна 3 р., безъ перес.

Складъ изданія: Спб., Литейный пр. 48. Ки. маг. Н. П. Карбасникова.

A. Фогель. Филос. основанія педагогикі. (Локъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенеке). Ц. 1 р.

J. Spangenbergius.

BELLUM GRAMMATICALE.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКѢ.

Пер. съ лат. **Д. Янчевецкій.** Ц. 50 к.

VI годъ

VI годъ

ГИМНАЗІЯ

ежемѣсячный

журналъ филологіи и педагогіи.

Открыта подписка

на 1893 г.

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Цѣна 8 руб. въ годъ.

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. журналъ „Гимназія“ признанъ заслуживающимъ особенной рекомендаціи для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для содѣйствія возможно большому распространенію между преподавателями сихъ заведеній. [Предложеніе Г. Министра Гг. Попечителямъ уч. округовъ 28 февр. 1889 г. № 3899.]

Павсанія. Описаніе Эллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринтика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Иліда А. Кн. VI. Иліда Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ Статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Апологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

Дозволено цензурою. — Ревель, 23 Декабря 1892 г.

Печатня Г. Матизена въ Ревелѣ.